

Доктор Трупичкина

1.

Он стоял на задней площадке автобуса у окна. Глядел на улицу.

В стекле, прямо напротив лица имелся небольшой воздушный пузырёк, который от нечего делать превратился в прицел лазерного гиперболоида, и кто из прохожих попадал под режущий луч, тому гибельно не везло.

Гражданина, с риском для жизни перебежавшего к остановке через проезжую часть, разрезало буквально пополам вместе с пиджаком, рубашкой и галстуком. Куда, спрашивается, торопился? Зачем? Впрочем, свою судьбу никому знать неведомо, иной раз чужую лучше знаешь, чем свою собственную.

Другого... лазерный прицел подпрыгнул вместе с автобусом, луч метнулся поверху (везёт же некоторым!). Денис тоже взлетел, сильно ударился головой о поручень, приземлился и, поморщившись, зафиксировал, какая беда случилась с приятной во всех отношениях девушкой в голубых джинсах, белой тонкой кофточке, стоявшей на остановке: лазерный луч прошелся точно по её загорелой шее и головы как не бывало. Даже зажмурился, чтобы не видеть последствий.

Испытывая лёгкое угрызение совести, бросил взгляд на открывшиеся двери, – девушка самостоятельно заскочила в салон первой, та самая, в джинсах и кофточке, юная, стремительная, притягательная для нечаянного знакомства, но... без головы.

На месте загорелой шеи, непосредственно из плеч вился синеватый факел вроде того, что горит на кухонной газовой конфорке, а в этом огне извивалась туманом тень исчезнувшего девичьего лица, как наказание меткому стрелку лазерного гиперболоида. Вот чего лишил ты всех, урод!

Да он же понарошку! Шутит от скуки, и всё это неправда! И быть такого не может!

Быть точно не может, а вот есть и всё тут! И никуда от этого не деться: стоит девушка без головы у дверей, рассчитывается с кондуктором, говоря обычным человеческим языком: «Мне один билет, пожалуйста... спасибо».

Прошла тоже к окну, встала перед Денисом, сказала: «Привет!»

«Привет! – ответила ей незнакомка откуда-то из-за его спины. – Ты на дежурство? Не повезло, сегодня Трупичкина в ночь, покоя не даст».

Но, постойте, как же так? Невозможно! Быть того не может... а есть, есть, есть!

И ужасно, что никто вокруг не выразил ни малейшего удивления по поводу столь катастрофического происшествия, случившегося среди бела дня в городском автобусе шестого маршрута, не возопил на всю ивановскую, не воззвал к скорой помощи. И он тоже за компанию со всеми подавил в себе дикий крик ужаса новоявленного сумасшедшего: бежать, бежать срочно куда подальше, залезть дома под кровать, забиться в самый тёмный угол и никогда – никогда больше не вылезать оттуда, ведь под кроватью никого нет, значит, и отрезанных голов там не будет!

Затаился Денис, перестал думать. Подчинился совокупному разуму сообщества пассажиров. Молчи, язык мой – враг мой, покуда все молчат, лежи во рту смирно. Вот сейчас разберутся люди что к чему, да как начнётся паника в салоне, давка, визг, матерщина, ломанётся народ во все стороны от безголовой ходячей девицы, вот тогда и он заорёт на всю ивановскую! Ой, ну как же он заорёт, мамочка родимая, столько в нем ужаса накопилось, и уже переполнение пошло, заструился ужас холодом по шее и спине! Одеревенел Денис, из последних сил терпит.

Прищурил левый глаз.

О, слава богу, вот она голова, целая – невредимая вернулась на плечи после кратковременного отсутствия без малейшего признака боли. И какая хорошенькая: с весёлыми загорелыми щеками, на которых живут симпатичные ямочки, быстрыми ресницами, ах, что за прелесть вернулась в наш жестокий безумный мир! Слава те господи, а то уж показалось... чёрте что...

Открыл левый глаз, прищурил правый.

Снова факел на плечах сворачивается в голубой тлен.

Развернулся Денис на прочих пассажиров. Мать честная, кругом все поголовно безголовые! Причем, если смотреть на конкретную цель издалека, то нет головы и пол туловища в придачу, зато у рядом стоящих граждан вроде на месте. Только переведёшь на соседскую – и она тут же исчезает полностью, смотришь на руку – та разорвана с вывертом ужасным и разрезана голубым плазменным пламенем, в глаза рядом стоящего пассажира случайно глянул – оппа-на! – нет глаз на лице, ниже посмотрел – носа не стало, за ним рот исчез. На что конкретно смотришь, того и нет, мгновенно исчезает, сгорая в голубоватом пламене гиперболоидного Денискиного взгляда. За что их-то?

Хорошо, что правый глаз пока нормальный.

На другой день отправился Денис в поликлинику к главному врачу, рассказал, что с ним приключилось в автобусе, про гиперболоид умолчал, всё-таки к офтальмологу на приём очередь двухчасовую отстоял, а не к психиатру пока.

Ещё сидя в очереди, узнал, что врач Игорь Николаевич пребывает в глубочайшем трауре: у него умерла жена. О том говорили меж собой две приличного вида женщины, а остальные пациенты заинтересованно их слушали.

– Редкий мужчина, наш Игорь Николаевич, – качнула высокой причёской элегантная дама, мягко улыбнувшись, – до последнего дня сам ухаживал, все делал своими руками.

– Другие-то сразу жен бросают, стоит чуть заболеть. Пол не может мыть, да обед варить – тут же уходят к знакомой, а он до самого конца сопровождал, – согласилась соседка, – во всех отношениях безупречный человек.

– Зато теперь словно потерянный. Не замечали? Вчера на приёме уж искал – искал мою карточку на столе, чтобы запись сделать, а потом поднял

глаза и спрашивает: «Извините, как ваша фамилия?». А в глазах мука мученическая стоит...

На двух прилежащих к главному кабинету скамейках располагалась публика чистая, не то, что в соседний, инфекционный.

В основном присутствовали женщины возраста от тридцати до сорока пяти, празднично одетые, с маникюром, губная помада ровным слоем лежит, где ей и полагается, а вот тени для глаз и тушь для ресниц необязательны. При последних словах очередь не выдержала, закивала в знак сочувствия.

– А карточка-то прямо перед ним на столе, – закончила та, что говорила на восторженной ноте, – открытая!!!

Попав в кабинет на приём, Денис с интересом принялся рассматривать посмертно преданного жене доктора, вежливо прикрыв больной левый глаз ладонью, одним правым.

Офтальмолог оказался сухощавым, подтянутым, симпатичным и на вид очень серьёзным человеком лет сорока, в блистательно белом халате. С яркой голубоватой сединой, словно специально выкрашенной в такой необычно привлекательный цвет. Он не торопясь приступил к исследованию глаз Дениса в тёмной комнатке, пуская зеркалом зайчики прямо в зрачки: «Смотрите на мой палец, сюда. Теперь вверх, а теперь в сторону, снова сюда...»

И за пять минут напускал в оба глаза столько зайчиков, что больной чуть не разнюнился, а видеть стал одинаково плохо, что тем, что другим.

– Все у вас в порядке, без изменений, – обнадѣжил Игорь Николаевич и выписал направление, – поделаете недельку ванночки, как рукой снимет...

В процедурном кабинете специализированного глазного госпиталя Денис послушно нырял в маленькие стеклянные ванночки глазами, моргал в жёлтый раствор по десять минут, но что-то лучше от этого действия не становилось.

С красными распухшими глазами приходил в свой конструкторский отдел, где, встав у кульмана, обнаруживал, что даже обоими глазами перед собой ни черта не видит. Левый полыхает синим пламенем, правый распух, красный, изображение плывет, будто до сих пор сквозь ванночку с жёлтым лекарством смотрит.

А дело стоит. Производственный месячный план рушится. Возвращаясь с работы домой, Денис хлопался на диван с закрытыми глазами. Вроде за ночь отойдёт. А утром снова на ванночки топать.

Процедурная сестра, особа в его ситуации посторонняя, и то заинтересовалась.

– Что-то в вашем направлении диагноз под вопросом, – сказала она как-то, наливая жёлтый раствор из большущего флакона в маленькие ванночки-колпачки, – похоже, Игорь Николаевич в нём и сам не особенно уверен.

– Я не вижу, а он говорит – в порядке, проморгаюсь. А оно не проходит и не проходит, – развел руками Денис.

– Ваш Игорь Николаевич – военкоматский врач, – усмехнулась медсестра снисходительно о постороннем враче из обычной поликлиники, – он привык одно говорить – годен. Я вас к нашей Мусе Давыдовне могу записать, хотите? Она настоящий диагност, лучший в городе.

– Если возможно, запишите, пожалуйста.

– Возможно, возможно. Ну, ныряйте!

Медсестра и вправду провела Дениса без направления к лучшему диагносту.

Им оказалась очень толстая, лет пятидесяти пяти, маленького роста, чрезвычайно энергичная дама, которая в темнушке держала его недолго.

– Ага, – сказала, посветив в глаз всего секунд пятнадцать, – у вас отслойка на пять часов. Свеженькая, надо срочно оперировать. Направление в стационар возьмите в своей поликлинике и с ним направляйтесь в областную больницу к Лебёдушкиной. Оперируйтесь только у неё, она в городе главная «отслоечница», никому другому не давайте.

– А это не очень больно? – стыдливо опустил взгляд молодой человек, дабы не обезглавливать умную Мусю Давыдовну.

– Жить вообще больно, а с возрастом всё больнее и больнее, – иронически отрезала Муся Давыдовна и, проходя мимо вешалки с низким зеркалом, снисходительно глянула в него, – ничего, потерпите. Детям делают, а вы взрослый человек. Мужчина как-никак.

2.

С её коряво написанной записочкой, в которой невозможно было разобрать ни русского, ни латинского слова, пришел снова на приём к Игорю Николаевичу, просить направление на операцию.

У двери в кабинет скопилась очередь из волооких гражданочек на весь коридор, даже больше, чем в прошлый раз, – не пробиться! Чёрте что!

К слову сказать, сам врач также ощущал атмосферу общей приподнятости настроения, царящей вокруг его особы, ему она была приятна, хотя поначалу вызвала недоверие в этом скрытном, осторожном человеке.

Смерть жены произвела в душе полное опустошение, слишком тяжёлой и продолжительной оказалась болезнь. Столько сил, нервной энергии затрачено на борьбу, что как-то уж не имеет значения, какая там будет последующая жизнь, не все ли равно?

Однако по окончании череды печальных событий коллектив поликлиники, в которой трудился много лет Игорь Николаевич, окружил его такой заботой, таким трогательным вниманием, каких тот прежде не ощущал даже в дни своего рождения. И хотя быстро минул девятый день, а потом незаметно сороковой со дня смерти супруги, атмосфера всеобщей предупредительности не думала ослабевать.

Напротив, день ото дня делалась всё более насыщенной ласковым женским участием к одиночеству сорокапятилетнего, горького вдовца.

Иногда ему даже начинало казаться, что все кругом одинаково пекутся о его дальнейшем существовании, как прохожие о потерявшемся на вокзале трехлетнем ребенке.

При более пристальном рассмотрении обнаружилось, что к составляющим благоприятной атмосферы частицам относятся не все поголовно окружающие, а исключительно женская часть коллектива, причём незамужняя, причем возраста от тридцати пяти до сорока пяти, которая составляла, тем не менее, большую и лучшую часть всего медперсонала.

И не только врачи, медсестры да санитарочки наполняют собой сию мягкую блаженную ауру, непрерывно клубящуюся вокруг кабинета офтальмологии, но и пациентки стали как на подбор рослыми, что называется, интересными дамами с глубоко проникновенными миндалевидными глазами, которые всегда нравились Игорю Николаевичу и какие были у его покойницы жены.

Того же подходящего возраста, отлично одетые, заметно молодящиеся, они плотно занимали обе лавочки у кабинета, так что пришлось ставить третью. И шли на прием пациентки чаще всего с просьбой выписать новый рецепт на очки или проверить зрение. А Игорь Николаевич, не меняя привычных правил, у всех поголовно с дотошностью просвечивал глазное дно, давал рекомендации, в то время как его медсестра, девушка рослая, тоже с большими медлительными глазами, выписывала рецепты на очки или капли.

Пациентки покидали кабинет чуть не со слезами благодарности: какой человек! Какой доктор! Замечательный!! Просто необыкновенный! Не зря молва о нем идёт по всему городу!

Между прочим, любому станет приятно, когда вокруг появится подобное благоухающее множество красивых, умных, чрезвычайно следящих за собою женщин в самом расцвете сил, предрасположенных к участливому разговору, но, в конце концов, даже самый распоследний кретин задастся вопросом: а в чём собственно дело? Отчего такое благословение пало на его седую голову?

Участие участием, но всё же?

Игорь Николаевич к числу полных идиотов не относился, и довольно скоро расшифровал причину возникновения женской ауры без посторонней подсказки. Надо сказать, при этом жутко удивился.

Нет, собственно говоря, он и так знал, что некоторые женщины ему симпатизируют, ещё и при жене сие было видно: две-три, не более, просто улыбнутся при встречах этак... затаенно. Долго и скучно описывать приметы той улыбки женской, а мужчине, на которого она направлена, всё сразу делается ясно мгновенно и до конца.

В число этих двух-трех входила, к примеру, очень симпатичная работница регистратуры Ольга Васильевна, но ей простительно, потому что не замужем и даже не была никогда. Глазник как-то подумал, наблюдая её красиво проходящую мимо, что если бы не был женат, то непременно и тотчас же сделал бы ей предложение.

А другая, наоборот, замужня дама, от которой Игорь Николаевич подобного визуального флирта никак не ожидал, а она однажды возьми да как взгляни мимоходом! Ба! Сродни тому, знаете ли, ощущение снизошло, будто внезапно трахнули с размаха меж бровей молотком, тем самым специальным, коим невропатологи колотят от души под колени призывников, да пишут в обходной лист медкомиссии: годен, годен, годен! Поневоле скажешь: ух ты!

Доктор в свои-то сорок с гаком, помнится, тоже решил, что годен, даже запнулся и минут пять стоял – вспоминал, куда он до того мчался? По какому делу: общественному или производственному? Умеют иные серьезные вроде бы коллеги другой раз так огорошить, проходя мимо, что... И дара сего у них никакому мужу законному не отнять. Во как: и муж есть, и дар есть, и баста!

Но то две-три. А то целых двадцать-тридцать, точнее считать страшно, и всё новенькие подходят, прямо не глазной кабинет сделался, а выставка невест. Большею частью, естественно, разведённые, реже вдовы, незамужних в таком возрасте уже практически не осталось, при такой-то красоте трудно не изведать прелестей семейной жизни. Очень приятные женщины валом шли на приём к Игорю Николаевичу, симпатичные, статные, высокие. Просто глаза разбегаются. Интересно, откуда они узнали, что таковые ему нравятся? Парадиз!

Наличие среди коллектива подобных сочувствующих коллег весьма облегчало профессиональную деятельность.

Заходит, допустим, замглаврача в регистратуру и говорит своим елеиным голоском, от которого у посвящённых припадок трудовой доблести мигом начинается:

– Девочки, найдите мне срочно карточку такого-то больного...

Да прежде бы весь регистрационный народ, вплоть до случайно подвернувшейся санитарки-поломойки включительно, кинулся ту карточку искать, друг друга с ног бы посшибали, все бы полки обшарили, все шкафы перевернули, по кабинетам кинулись с криками да воплями, всю поликлинику на дыбы поставили, а нашли... А если не нашли, ой-ёй-ёй... не надо здесь лишней жути нагонять, без того жизнь регистратуры не сахар. Короче, и поломойке бы случайной досталось под горячую руку: не суй свой нос, куда не просят!

Теперь, конечно, тоже вывернутся наизнанку, найдут... но только после Игоря Николаевича или даже после волоокой медсестры его Кати, посланной Игорем Николаевичем. То бишь, разулыбается старший регистратор Зоя Фоминишна замглаврачу обязательно и пояснит кротко аки божий агнец:

– Извините, Ольга Петровна, сейчас для глазного кабинета ищем, как только найдем, так вам обязательно сразу же... и в кабинет принесём... Можете не беспокоиться.

Что делать? Вынуждена замглаврача согласиться со своей второй очередностью в лечебном процессе и принять без всяких споров и внушений,

хотя, что ей до Игоря Николаевича? Вроде бы и ничего ни с какой стороны. Женщина она давно замужняя, детная, успешно руководящая, в браке счастлива, никаких видов на подотчётного офтальмолога не имеет, но такова сила женского общественного влияния в коллективе, что никому спуску от самого низа и до самого верха не даёт.

И это четыре месяца спустя после похорон! Да другой бы женился давно, но Игорь Николаевич не приткий вам попрыгунчик. Хотя траура тоже не носит. И не носил. Любит светлые костюмы, светлые рубашки, они больше идут к его иссиня седой шевелюре, делая моложавее на вид. Стройный седой юноша с печально-строгим лицом без единой морщинки, подтянутый в своём белом халате, весь в работе... весь в ежечасной памяти о преждевременно ушедшей жене. Редчайший мужчина, таких природа в свет считанными экземплярами выпускает, практически единственный достойный вдовец на всём обозримом, с начинающейся легкой дальнозоркостью, пространстве.

Чувствуя к себе столь трогательное отношение, Игорь Николаевич радуется с одной стороны, а с другой трепещет. Еще тщательней следит за своим внешним видом, любимые голубые рубашки с утра выглаживает филиграннее, чем иной ювелир алмазы шлифует. К галстукам подход также особенный, халат ему доставляют из прачечной сверкающий белизной и шуршащий утренней свежестью. Костюм светло-лазурный без соринки, штилеты – ни у кого другого таких нет и быть не может.

Джентльмен высший пробы, корректный, спокойный, выдержанный, со всеми одинаково вежливый, элегантный мужчина в цвете лет с единственным недостатком – неженатым остался, да и то не по своей вине. А сколько перестрадал! Все видели, как мучился этот изумительнейший человек полгода, будто сам умирал, а не жена его. И как только жив остался после всех мучений – испытаний? Удивительно.

Заинтересованное сообщество в целом, и любая его представительница в отдельности надеялись этот последний недостаток Игоря Николаевича скорейшим образом искоренить, внеся, таким образом, заключительный, великолепный штрих в портрет идеального современного мужчины.

Вступление офтальмолога в новый брак казалось делом совершенно естественным, как же иначе? Времени прошло достаточно: не месяц, не два, целых четыре... Пора бы уж... некоторым образом... отойти от горя... снять траур, так сказать. Пора вернуться к нормальной человеческой жизни. Со стороны женского общества во имя этого делалось всё возможное и согласное с законами этики, разумеется.

Но Игорь Николаевич к нормальной жизни возвращаться не желал, предпочитая ненормальную, находя в ней большую радость. Даже про Ольгу Васильевну забыл. Разве сравнить святое с грешным? От одной только мысли, что стоит ему где оступиться нечаянно, задержать на одной из поклонниц взгляд чуть дольше, чем полагается приличием, как тут же остальные, никого не спросив, сочтут данный факт произведённым с его

стороны выбором! Просто дурно делается от сего прискорбного обстоятельства, руки холодеют, на лбу испарина, шок и общее торможение чувств.

Мгновенно, раз и навсегда, исчезнет благодатнейший микроклимат всесторонней нежнейшей женской опеки, к которому он успел привыкнуть, в коем купался весь рабочий день, как в благодатной солнечной морской воде южного побережья Крыма несколько месяцев подряд, и, между прочим, совершенно бесплатно, не то за путевку в черноморскую здравницу, даже за авиабилет платить не надо!

Посему ни в чью сторону не делал ни малейших реверансов. Со всеми был равновзвешенно вежлив, предупредителен, добросовестен, слова перед произнесением измерял на точнейших аптекарских электронных весах, чтобы двусмысленности не возникло ни малейшей, улыбался по-настоящему крайне редко, желательно в пустое пространство, где в данный момент не присутствовало женских персон.

Нет, Игорь Николаевич вовсе не был по натуре своей буридановым ослом, застывшим над двумя одинаковыми охапками сена, и в результате умершим от голода, не в состоянии предпочесть одну другой.

В его положении выбор гораздо больше, и с голоду не умрёшь, зато жить-то как приятно, вы себе не представляете! Тех самых неуловимых многозначительных улыбок, моннализовских, кою одну еле-еле в три столетия смог зафиксировать человеческий гений, он в течение восьмичасового рабочего дня получал до полусотни штук, прекрасно понимая, что созданы и предназначены сии шедевры исключительно для него одного и никого более, и творились милыми красавицами с удовольствием в самых заурядных и прозаических местах – коридорах, холлах, регистратуре, других кабинетах, возле его рабочего стола и чаще всего, почему-то, в темнушке при исследовании глазного дна пациенток.

Здесь никто точно, кроме него, улыбку не увидит, не узнает и не прочтёт, только он один. Только для него она и предназначена. Там и дарятся почти открыто, дольше мига. А для других – тайна, для других – ничего не видно, всё как всегда. Взгляд со дна и до дна.

И что же потерять одним махом всю эту вдруг открывшуюся роскошь жизни? Невидимый сладчайший фимиам, непрерывно изливающийся с небес на его чётко постриженную голову? Целиком и полностью объемлющий душу и тело в неземных объятиях?

Извините!

Отсюда следует: если в недавнем прошлом, при жене больной ещё, Игорь Николаевич мог позволить себе довести сослуживицу после трудового дня под руку до трамвайной остановки, и никто бы в этом ничего эдакого не усмотрел, ни в чем не обвинил, то теперь ни в коем случае нельзя.

Не то под руку, рядом идти опасно, да что там говорить, просто недозволенная роскошь. Другие претендентки мигом обидятся и всё бац, рухнет!!! Нет уж, не он строил, не ему и ломать!!! Не в состоянии Игорь Николаевич допустить, чтобы невероятное богатство жизни растаяло

утренним туманом, оставив его один на один с суровой обыденностью практики заурядного глазного специалиста без тихих вздохов, взглядов, легких словесных намеков, атмосферы обожания окружающими незамужними почитательницами. Чтобы праздник ушёл да канул в прошлое безвозвратно и навсегда? Разве можно? Нет, подобного промаха ответственный Игорь Николаевич себе позволить никак не мог. И тайный пир души его на полсотни персон при строгом внешнем пуританстве продолжался с невероятным царственным размахом.

Однако же, если главный виновник держал себя в рамках с артистическим упрямством, про многих обожательниц из числа пациенток этого сказать было никак невозможно. Здесь не только случайно видно со стороны незаинтересованному взору, но и выставлено напоказ, ибо жёсткая конкуренция обязывает добиться своего и победить во что бы то ни стало, а следовательно первым делом необходимо заявить о намерениях.

Денис из сил выбился переминаясь у стенки, пока дошла его очередь. Врач вдумчиво изучал бумажку от Муси Давыдовны. Даже со зрением Дениса заметно было, что он ничего не может разобрать, что там понаписала госпитальная диагностка. Умные люди нередко страдают плохим почерком, впрочем, не чаще глупцов. Чтобы не отнимать времени у очередниц, ожидающих в коридоре решения своей женской участи, пациент поспешил изложить существо дела, не дожидаясь сообразительности от печального вдовца.

– У меня в военном госпитале нашли отслойку на пять часов.

– Замечательно. Пройдёмте, посмотрим.

И снова в темнушке офтальмолог с сухим остекленело горестным взором, который иные сочувствующие поклонницы называли ястребиным, а некоторые даже орлиным, с полчаса изуверски пускал зайчиков в Денисовы зрачки, пока тот не залился горячими слезами. Пришлось даже платочек достать, утереть сырость, и высморкаться, как на похоронах.

По безмятежному выражению Игоря Николаевича отчетливо видно, что по-прежнему никакой отслойки сетчатки он не обнаружил, ни на пять, ни на семь, ни на девять часов, но в память об усопшей жене направление в областную больницу на операцию дать согласился. Выписала его аккуратным почерком медсестра, совсем даже и не глупая молодая высокогрудая девушка с исполненным внутреннего смысла лицом, врач же только черкнул неразборчиво подпись.

Сегодня он по-прежнему безукоризненно выбрит, свежие меловые щеки отлично гармонируют с белой строгой шевелюрой, чёрные брови и ресницы сногшибательно им контрастируют, новый галстук до миллиметра точно скрепляет воротничок, всё в докторе самого добротного качества и шика, профессионально знающее, и штiblеты, и зеркало во лбу, но какая-то медлительность во взоре. И то, в сорок пять лет вдовцом остаться. Переживает человек, а ни в коем случае не опустится, не запьёт. Да и не позволит ему женский врачебный коллектив, то и дело вбегающий в кабинет с самыми разными вопросами.

«Интересно, а дети у него есть? – вдруг заинтересовался невесть почему Денис, оглядывая доктора здоровым глазом, на больном промакивая платком неудержимо катящуюся слезу, – по возрасту, если и есть, то совсем, должно быть, взрослые».

В проёме двери возникла очередная женщина без головы, с грудью, поднятой даже выше, чем у кабинетной медсестры. Она пошла прямо на сидящего за столом доктора, будто ничего в мире, кроме него, не существует, но, увы, наткнулась на стул и нехотя, стройно присела, держа спину прямо, как конногвардеец на манежной выезде в присутствии государя императора.

В коридоре на трёх скамейках тоже, как по ранжиру, расселись гражданочки без голов, с приподнятыми выше среднестатистического показателя грудями. Чтобы удостовериться, что это не обман зрения и ошибки нет, Денису, спрятавшему платок в карман, пришлось сощурить левый глаз, а правым пройти по уровню равнения на грудь четвёртой. Женщины нахмурились, подумали, что молодой человек им двусмысленно подмигивает, а ведь они ему в... тётеньки годятся.

В очереди про детей ничего не говорили, наверное, взрослые дети, своими семьями живут, а человек один остался без женского догляда. «Эх, жаль беднягу», – с этой мыслью Денис вышел из поликлиники.

Врачи областной больницы, осматривающие Дениса, ходили друг на друга, как две затянутые в белые халаты осы с очень узкими и длинными талиями. Две девушки без возраста, две подруги, две сестры в белых длинных халатах без единой морщинки, хороводились вокруг него жизнерадостно улыбчивые друг к другу с медицинскими своими приборами, и даже бытие в темнушке под их быстрыми пальцами – вполне терпимая процедура, обошлось на сей раз без скупых мужских слез. К его удивлению одна из девушек, с тёмным лицом столетней иконы, оказалась той самой знаменитой в городе отслоечницей Лебёдушкиной, о коей поведала ему старая диагностка Муся Давыдовна, собственной персоной. Другая – её ближайшей сотрудницей доктором Трупичкиной.

В отличие от Игоря Николаевича, девушки-спецы быстренько вычислили отслодку на пять часов: «Вот она, видишь?», и, как ни странно, ещё больше обрадовались: «такую простую в два счёта на место приклеим».

Денис обнадёжился их здоровым весельем: вот что значит настоящие доктора областного уровня! Правда, как-то слегка не по душе, что поглядывают на него, как на сладкое блюдо, чуть не облизываются, и уж шибко уговаривают немедленно лечь на свободное место оперироваться. Лишний больной – это, наверное, перевыполненный план, и видно, что им очень надо его сетчатку порезать, что они в ней крайне заинтересованы.

А куда больному деваться? Не хочется остаться кривым на всю жизнь и созерцать безголовых граждан. Попробовать, что ли, рискнуть? Тем более что так повезло: сразу попал к самой Лебёдушкиной, о которой говорила

Муся Давыдовна. А Муся Давыдовна – лучший в городе диагност, врать не станет.

Только немного страшновато. Всё-таки глаз резать, не палец какой-нибудь. Однако, рассуждая здраво, шанс сам в руки прыгает, надо хватать его и глаз будет видеть нормально. И то сказать, действительно, малые дети терпят, почему ему не лечь под нож да не потерпеть? Муся Давыдовна дело знает туго.

Он пытался заглянуть им в глаза, прояснить, что там за будущее его ожидает? Но девицы-красавицы в белом глядели только друг на друга, знающе – понимающе улыбаясь ему одинаковыми профилями: у Лебёдушкиной более темный, тогда Трупичкина без башки, у Трупичкиной посветлее – и вся разница, но разве Лебёдушкина может оказаться без головы? Может, ох, может. На ноге бы операция, на руке, пусть даже живот резать, – он согласился бы немедленно, доверился, даже думать не стал, пусть хоть аппендицит удаляют, а вот глаз – зеницу ока доверить резать чужому неизвестному человеку... страшно. Или всё же лечь к ним? Как они хотят? Да, конечно, а куда деваться? Шанс. Но окончательного согласия Денис не дал, решил ещё посоветоваться с Игорем Николаевичем.

Обаятельно распрощавшись, тотчас вышел из кабинета, оставив глазных хирургов в лёгком замешательстве.

Завотделением Лебёдушкина не успела точно определить, к какой категории пациентов данного молодого человека следует отнести: привилегированной, коей полагается отдельная палата, или общей. Как раз элитная палата пустая простаивает, хотя Геннадий Галактионович тоже может занять её в скором будущем, но пока обрабатывается.

В направлении написано «инженер конструкторского бюро», то есть совсем простой инженер. Это минус. Простой инженер – это большой минус, как и простой врач, сама Лебёдушкина приложила огромные усилия к распространению славы о себе, как о замечательном хирурге. Все больные выписывались из её отделения с обязательным «улучшением», хотя на десятую долю процента, хоть на сотую, но зрение пребывало в плюсе, за исключением редких экстремальных случаев.

Некоторые пациенты, глядя в выписку, тихо дивились: какое улучшение? Как было, так и осталось, а то и...

Но после операции, как утверждают врачи, всегда хуже бывает сначала, а потому выписывают долечиваться дома в амбулаторных условиях. Доктора говорят: потом станет лучше, а в карточку пишут сразу улучшение будущее. Думать больные думали разное на этот счёт, каждый своё заветное, некоторые даже внутренне кипятились, но вслух сомневаться зело опасно, потом ведь всё равно сюда же возвращаться, если что, зачем портить отношения с лечащим врачом разными дурацкими вопросами? Если не им, то пусть хоть медицинской статистике будет лучше.

Оперировала Лебёдушкина действительно очень много, причём на все руки мастер, и круг её пациентов год от года ширился. Попав к ней на стол однажды, больные раз и навсегда становились её людьми.

В праздники и на день рождения «кролики» несли подарки – конфеты, духи, цветы, выражая искреннюю признательность. Не все, конечно сразу, только наиболее прозорливые. После операции вроде ничего, а потом бац и снова зрение ухудшилось, куда идти? К ней, матушке Лебёдушкиной. К кому ещё-то? Она ведь в глаз лазила своими пальчиками, знает, что там настряпала, она и записывала, что делала, пусть теперь свой почерк разбирает. К другому врачу придёшь, он скажет: кто вам делал? Лебёдушкина. Ну, к ней и идите. Вот тогда уже «повторники» все без исключения шли с цветами, конфетами и шампанским в придачу.

Лебёдушкина, однако, желала привлекать себе более привилегированных пациентов. Карьера врача зависит от верхов, но в отсутствии шишек приходилось резать всех подряд, кого бог пошлёт, авось угодишь на нужного человечка!

И теперь важно оценить социальный статус пациента навскидку. От этой оценки зависело многое: окажется молодой человек в элите или ляжет в общую палату на восемь коек, где также имелись свободные места.

За то, чтобы оказаться в одиночке, говорил безукоризненно сидящий дорогой костюм, твёрдый взгляд без просительной интонации, коей отличались нижние слои населения, привыкшего ныть и жаловаться на свои болячки. Нет, этот не просит, а как бы даже в прищур их разглядывает. Сомневается – делать операцию у них или сразу рвануть в Москву или Одессу. И ведь не согласился, когда предложили, сказал с усмешкой, что подумает. Родители сильные? Да, скорее всего, родители, но почему тогда не назвался? Обычно намекают: я от того-то, я такой-то, или предварительно из здравотдела специально звонят. На этот счет молчок. А вдруг считает ниже своего достоинства представляться? Может с самых – самых верхов областной власти, родственник? Думает, что все обязаны его в лицо знать? Представитель золотой молодежи из обкомовских сынков – племянников?

Лебёдушкина затаила дыхание. А ведь точно, похож на ничего и никого не боящегося сынка. Погоди мне, вот порежу, быстро узнаешь, кого бояться надо и перед кем трепетать, кому коньяк таскать с коробками конфет! Но не конфеты с цветами нужны ей сейчас, блат на самых верхах ох как нужен! Значит, проявим расположение. А там видно будет, переложить в общую недолго, проморгать туза куда хуже.

Без сильной косматой руки её движение вверх уже три года как застопорилось: ну и что, что кандидат наук и больше всех оперирует с утра до ночи – всего лишь заводделением. И ни малейших перспектив подняться нет ни здесь, ни где-нибудь ещё. Трупичкина смотрела молча и преданно. Она прекрасно понимала, о чем морщит лоб шефиня, определяя статус будущего пациента, советов Лебёдушкина не терпит: как скажет, так и будет.

У нас же что? Лечащий врач Генсека возглавляет Академию медицинских наук, вот если бы и ей занять своего верхнего областного человечка! Конечно, она не кардиолог, все эти старцы сердцем страдают от

большого обжорства, да возлияний чрезмерных, но и не зубной врач, между прочим! Это без зубов с искусственной челюстью можно кормчим работать. Не бывает слепых кормчих! Куда приведет народ слепой вождь? Дураку ясно.

Нужен, ох, нужен ей этот наглый мальчик с отслойкой на пять часов! Погоди! Ещё в ногах будешь валяться, умолять сделать повторную операцию, и папаше придётся потолкать ее наверх, ничего, не надсадится пузан. Неужели от самого первого секретаря обкома? Да хоть бы и от председателя облисполкома, надо брать!

– Когда придёт, кладём в отдельную палату.

“А если не придёт?” – подняла туговатые глаза Трупичкина, но Лебёдушкина лишь дёрнула уголками губ, объяснять ничего не стала.

Сбил с толку её костюм. Ткань, точно, импортная. Купил Денис на премию отрез и сдал в ателье шить, с трёх примерок получил “импортный” костюмчик. А на зарплату конструктора второй категории в сто пятьдесят рублей фиг что купишь, только премия и выручает за хорошую работу. Сшить сшил, а надеть некуда: на работе в джинсах и рубашке сподручнее у кульмана шоркаться с утра до вечера, в кино некогда, свадеб за отчётный период у приятелей, куда можно было выпендриться, как-то не состоялось, вот и надел зачем-то на прием к Лебёдушкиной костюмчик в первый раз, что бы не так бояться самому великой и могучей. Обновил, называется.

Да надо соглашаться, чего раздумывать? Ладно, бежим до Игоря Николаевича, посоветуемся напоследок.

В тот день со знатным вдовцом случился легкий казус.

Очередная больная вошла в кабинет, села, назвала фамилию, а карточки на столе опять не оказалось. Не принесли из регистратуры, черти полосатые! Видит Игорь Николаевич такое дело, вскочил и бегом, вперёд медсестры Кати вниз побежал. Его увидел Денис, стоявший в очереди в раздумьях и следом кинулся: он же просто спросить последний раз, что ему делать? Спросить можно и в коридоре. Но Игорь Николаевич лихо заскочил в дверь регистратуры, а Денис постеснялся следом врываться, остановился перед входом и стал поджидать доктора снаружи.

А Зоя Фоминишна специально припрятала карточку, дабы вызвать глазника в регистратуру. Зоя Фоминишна была заинтересована в Игоре Николаевиче не для себя лично, ей шёл уже пятьдесят четвертый год, скоро на пенсию уходить, а для своей главной помощницы Ольги Васильевны.

Ольга Васильевна всеми признанная писаная красавица поликлиники, в её окошко при прочих равных условиях народу всегда станет в два раза больше, чем в любое другое, но, увы, не замужем в тридцать пять лет, ибо слишком хороша и умна, а приличные мужчины робеют таких. Неприличных же Ольга Васильевна отшивала почище любой продавщицы, только интеллигентно, без ругани, с соблюдением правил вежливости, принятых в медицинских учреждениях. Потому пребывала в многолетнем томительном одиночестве.

От регистратуры она – первая кандидатка в жены Игоря Николаевича, (хотя не единственная), ибо уже года два, как к нему неровно дышит, а, если быть честной до конца, влюблена до беспамьяства, что периодически проявлялось в том, что при встречах с джентльменом немела мороженой рыбой, рта не в состоянии была отворить, но смотреть – смотрела, и чем сильнее любила, тем крепче сжимались зубы и язычок просто мертвел, будто вкололи в него лошадиную дозу анестезина.

А тут вдруг вакансия открылась.

Конечно, несчастье. Ужасное человеческое горе, но ведь она его давно любит... и уже четыре месяца прошло. Короче, сгорая от чувства, и начиная потихоньку безумствовать в своем угарном состоянии, купила красивая регистраторша два билета в театр на хороший спектакль с подходящим названием «Любовь к трем апельсинам». А Зоя Фоминишна под этот случай зажилила карточку для глазного кабинета, и, когда прибежал Игорь Николаевич, устроила так, что нашла её Ольга Васильевна: «Да вот она, уже приготовленная, просто некому было нести, извините нас, пожалуйста!»

Карточка лежала у входной двери на столе. Здесь же Ольга Васильевна вручила её Игорю Николаевичу лично, а всех прочих регистраторов мигом, как мух сквозняком, сдуло на противоположную сторону длинной чулком комнаты со шкафами, чтобы коллеге не так стыдно было делать предложение мужчине. Меж шкафов поразбежались, спрятались, растворились, все в деле, карточки ищут, между собой переговариваются громогласно, всем недосуг, никто ничего не слышит и не видит, что там, у дверей творится. Выгорит? Не выгорит?

Отступать некуда, коллектив изо всех сил содействует, вот регистраторша справилась с омертвевшим опять было языком, откашлялась и молвила: «Игорь Николаевич, у меня тут организовался лишний билет в театр на завтра, подруга не может пойти, не составите компанию?»

«Попался! – остолбенел от такой наглости глазник, – влип! Приехали. Если я пойду с ней в театр, всё жизненное наслаждение исчезнет завтра же, да нет – сегодня, разрезвонят по всем этажам: знаете новость? Игорь Николаевич наш преподобный с Ольгой Васильевной в театр намылились, спектакль про любовь смотреть. Ага, полугодом не прошло... ага... все они мужчины из одного теста сделаны!»

А как хорошо прежде смотрела, как смотрела! Залюбуешься! Да, красивая женщина, теплая, душевная, приятная в общении, отказывать ужасно неудобно. И вот ведь что странно – пойдёшь с ней завтра в театр, ну что здесь такого особенного? Да ничего, ерунда, тривиальный культпоход, но в результате придётся через некоторое время на ней жениться, и она про то знает, и я, и все прочие остальные, что мигом исчезнут, разбегутся, отвернутся, будто и не было никого и ничего подобного в природе. Чёрт возьми, однако же недолго музыка играла!»

Он озабоченно наморщил лоб, но вдруг радостно схватил её руку, потряс. У регистраторши сердечко так ввысь и взлетело.

– Ольга Васильевна, голубушка, ради всего святого, извините, но завтра у меня на весь день ФПК в областной больнице и мединституте по расписанию. А это неизвестно когда закончится. Может статья, целый день будут лекции читать, плюс на операции заставят присутствовать, когда нас там отпустят – неизвестно, так что, увы, нет, с театром не получится. Кого-нибудь другого сагитируйте, хорошо? Мне, сами понимаете, увы, никак. Простите, голубушка моя.

И мигом выскочил из регистратуры прямо на Дениса, радостный и спасённый.

Стоит ли говорить, в каком расстроенном состоянии оказалась несчастная Ольга Васильевна, когда за Игорем Николаевичем захлопнулась дверь, а она осталась стоять дура душой, хлопая длинными красивыми ресницами и сжимая в ладони два театральные билета с безумной силой. Разорвала, швырнула в урну.

А если б поведал ей кто в столь ужасающее мгновение, что завтра пойдёт она в театр под ручку с Игорем Николаевичем на спектакль «Любовь к трем апельсинам», не поверила бы ни за что на свете и возражать бы ни словом единым не стала, но в физиономию наглуго плюнула точно. Посему, наверное, вещунов среди окружающих коллег не обнаружилось, а в театр Ольга Васильевна, как ни странно, со своим любимым офтальмологом всё же пошла, да нет, полетела, как бабочка в первый пьянящий солнечный полёт, кружась и порхая от удивительного счастья, после бесконечного тёмного времени, отданного мёртвому состоянию куколки... и точно назавтра.

Жизнь... она такая штука... непредсказуемая, что будешь три дня ломать голову, и не придумаешь, какой фортель одномоментно, без всякого на то предупреждения, бывает, выкинет.

Вопрос Дениса сделал Игоря Николаевича снова серьезным.

– Предложили оперировать? Это хорошо! Я бы лично согласился. Лебёдушкина – весьма знающий хирург, у неё большущая практика, к ней даже из соседних регионов приезжают люди, – посмотрел на дверь, там внутри кто-то взялся за ручку, готовясь выйти, вдруг со всех ног кинулся к лестнице с необыкновенной для его лет прытью.

«Отличный у меня врач, – подумал Денис, – сам за карточками для больных носится, как молодой, а в этой регистратуре вечно порядка нет, сплошные путаники работают».

И с неудовольствием оглядел явившуюся из дверей безголовую регистраторшу, которая на негнущихся, переломанных ногах, кособочась разорванной в узком месте талией, натужно сморкаясь, заспешила в сторону туалета.

Назавтра смело лег в областную больницу, где его определили в отдельную палату с ковровой дорожкой, холодильником и большущей черной кнопкой вызова персонала над кроватью. В палату препроводила

сама врач Трупичкина, сопровождаемая пожилой, с безрадостным лицом санитаркой.

– Раздевайтесь, ложитесь, – приказала Трупичкина, глядя скользь Дениса ничего не выражающим взглядом.

Санитарка держала в руках два смешных предмета: стеклянную утку и эмалированное жёлтое судно, будто он тяжелобольной.

Денис усмехнулся тупости младшего медперсонала: чего ради припёрла? Потом подумал: а зачем ему сразу раздеваться и ложиться? Но спрашивать не стал, выражение, с каким смотрела Трупичкина, не располагало к вопросам. Собственно, он только что переделся в больничную пижаму. Снял пижамную куртку, положил на стул, снял штаны, лёг в кровать и натянул одеяло до подбородка.

– Лежите так и не двигайтесь, – нос Трупичкиной серьёзен до сердитости, – сетчатка перед операцией должна лечь на своё место. Ни в коем случае не вставать! По нужде пользуйтесь средствами.

Санитарка сунула средства под койку, взяла со стула пижаму, положила в шкаф у двери.

– А сколько лежать? – отважился спросить Денис, заметив, что Трупичкина отправляется на выход.

– Три дня. Еду вам будут привозить и кормить с ложечки, всё предусмотрено, не беспокойтесь.

Она быстро вышла, санитарка за ней.

Денис вздохнул: скучно этак валяться без дела. Палата длинная, узкая, высокая. Он в ней, словно в коробке, лежит пряничным человечком. Сейчас крышка откроется, рука возьмёт и сунет в чей-то огромный рот. Из стены кнопка торчит. А почему чёрная? Длинная, узкая, высокая коробка, похожая на гроб. Внутри гроба лежит человек и смотрит на чёрную кнопку. Да он с ума здесь сойдёт за три дня одиночества...

Вдруг из коридора донесся знакомый голос: «Смотри, Трупичкина идет! Смываемся!» Это был голос той самой автобусной девушки, которой он мысленно срезал голову плазменным лучом и потерял на этом деле глаз. Чудится? Нажать, что ли, на чёрную кнопку? Интересно, кто придёт? А вдруг она, та, в белой кофточке, с загорелой шеей и опять без головы? И скажет: «Что вам вынести, судно или утку?»

Чёрная кнопка на белой стене таила в себе непонятную угрозу для жизни, и ничто его не заставит нажать на неё сейчас, когда он сам, без посторонней помощи может встать и уйти отсюда.

Через час или два в дверь вкатилась тележка с обедом, ею правила кухонная работница, тоже без головы, но, слава богу, незнакомая. Эта совсем не страшная, да и непривлекательная к тому же. Он категорически отказался обедать.

– Ничего есть не будете?

– Ничего.

Денис слегка опасался, что катальщица рассердится, нажалуется доктору Трупичкиной, та разорётся и скажет, что если больной вздумает

устраивать здесь голодовку, его будут кормить насильно внутривенным вливанием. А пусть кормят внутривенно. Он согласен. Уткой пользоваться ещё куда ни шло, но судом категорически не желает. Поэтому до операции есть не будет, три дня потерпеть – сущая безделица, тем более, что в лежачем положении организм почти не тратит энергии. Даже полезно.

Однако девушка переспрашивать не стала, развернула коляску и уехала. И никто не пришёл, не стал орать, просто катальщице достался бесплатный обед. Или её мужу. Или ребенку. В общем, всё сложилось как нельзя более удачно и для неё, и для него.

Со временем пожалел о компоте: надо было взять для питья или попросить принести стакан воды. Денис долго смотрел на чёрную кнопку на стене, которая подпрыгивала от нетерпения: “Ну нажми меня, попробуй!” Всё-таки звонить не стал, не смертельно.

3.

Как и предполагал Игорь Николаевич из предыдущего опыта, рабочий день группы повышения квалификации окончился около трех часов, и он, конечно, легко бы успел на спектакль с Ольгой Васильевной, только зачем? Пронесло, и слава богу! Ох, какое облегчение! Завтра с утра пораньше на работу. Игорь Николаевич счастливо улыбнулся себе под нос.

Их группа уже вышла из ординаторской глазного отделения, спустилась по лестнице в подвал и двигалась по подземному переходу обратно в мединститут, отметить на ФПК о прохождении очередной стажировки.

Подвал был известен тем, что в нём ночью пару лет назад убили медсестру.

Игорь Николаевич вспомнил об этом, когда вдохнул прохладный сыроватый воздух подземелья, и тут же забыл. Рядом шедшие женщины, а в группе, кроме Игоря Николаевича, других мужчин не оказалось, по большей части однокашницы, выпускницы того же самого института, даже и не вспомнили о трагедии, они оживленно делились друг с другом новостями. Глазник шагал наособицу, молчал, размышляя, кто завтра пожалует на приём, как вдруг услышал за спиной, в непосредственной близости снисходительный голос: «Этот, что ли?»

«Этот», – последовал краткий ответ.

Нехорошее предчувствие заставило его так стремительно обернуться, что заговорщики не успели отвести взоров. Речь явно шла о нём. Та, что спрашивала, некто Трупичкина, правая рука завотделением Лебёдушкиной, не стала прятать глаз, как другая, продолжив смотреть без всякой доброжелательности, холодно, почти сурово. Зенки оголённые: редкие ресницы толсто намазаны тушью, брови выщипаны в тонюсенькие ниточки.

Трупичкина только что принимала участие в показательной операции, ассистируя Лебёдушкиной. Давно на Игоря Николаевича так жёстко не

глядели, будто скальпелем резанула по склере. Он растерянно отвернулся, ощутив духоту, мгновенно вспотел. Хотя в подвале и не сказать, что жарко. Разговаривали, разумеется, о нём, ясно как белый день, какие-нибудь сплетни, разумеется. Он даже догадывается, какие именно.

Вдруг Трупичкина резко догнала его, взяла под руку и затормозила, буквально повиснув на локте. Странное обхождение, однако.

– Игорь Николаевич, – произнесла она громким голосом, будто начиная читать лекцию по гистологии в большой зале, – другие как хотят, а я всё-таки не могу не высказаться от лица всего нашего коллектива!

Вдовец приостановился, внутренне поморщившись: «Ну сколько можно этих соболезнований, когда уже столько времени прошло! Только-только начнёт всё стихать, забываться, а тут нате вам – очередная сопережевательница проснулась. Да ещё женщина такая... малосимпатичная».

Прочие коллеги с ФПК приостановились. Почти все знали Игоря Николаевича и его печальную историю, поэтому склонили головы, сделав соответствующие траурные лица, хотя не понимали, зачем сегодня, четыре месяца спустя, выражать от их коллектива специальное отдельное сочувствие? Дорог блин к христову дню! И у всех времени в обрез, у каждого свои планы на сэкономленные от рабочего дня свободные часы, а Трупичкина решила развести бодягу на пустом месте.

– Это, Игорь Николаевич, свинство, бросать женщину, оказавшуюся по вашей вине в положении! Мы этого никак от вас не ожидали! Ваше поведение кидает тень на весь коллектив медицинских работников!

Вдовец рот открыл, но вдохнуть не мог. Его поразили выражение лица Трупичкиной и её тон. Его ругали! Обвиняли как на собрании в каком-то неприличном поступке, о коем он ни сном ни духом!

– О чём вы? – подавленный неприятной прямоотой, тихо спросил окулист, роясь в памяти и не находя ничего, абсолютно ничего, что могло бы опорочить его и вызвать столь неприязненное отношение в окружающем коллективе.

– О том, что вступая в интимные отношения с Марфой Феодосьевной, вы обещали ей жениться, а теперь, когда женщина оказалась в положении, делаете вид, что ни при чём.

– Какой Марфой... Феодосьевной?

– Игорь Николаевич, давайте не будем так фальшиво удивляться, вы её прекрасно знаете. И то, что она по натуре тихий, робкий, безответный человек, не дает вам никакого права вести себя столь недостойно! Я сказала всё, что считала нужным, прямо и открыто, а вы поступайте так, как подскажет вам ваша совесть, или то, что от неё ещё осталось!

С этими словами Трупичкина оскорблённо вздёрнула выпуклый подбородок, пошла обратно в отделение, а коллеги с ФПК, пряча глаза, кинулись на выход, оставив растерянного Игоря Николаевича в полном недоумении, которое продолжалось минуты три.

Никакой Марфы Феодосьевны он сроду не знал. То есть, возможно, среди его обожательниц-пациенток имеется некая Марфа Феодосьевна, которая забеременела неизвестно от кого, а теперь делает экивоки в его сторону в припадке платонического обожания. Только он здесь совершенно не при чём!

Игорь Николаевич хотел догнать Трупичкину, чтобы до конца с ней объяснить наедине, кто такая эта Марфа Феодосьевна, какие сплетни распускает, однако вовремя остановился.

Нет, так добром дело не кончится. Вот, допустим, назовут ему, кто эта Марфа Феодосьевна есть и где живёт, и что дальше предпринять прикажете? Начнёт он кричать, что я не я и семья не моя? Самому поднять шум-гам? А она скажет – ты, сукин сын, меня обрюхатил! И докажи потом, что не был с ней в темнушке целых двадцать минут, когда в медицинской карточке отмечено посещение! Заигрался, Игорь Николаевич с общественной любовью, ох и заигрался! А от любви до ненависти всего один шаг! И какая-то злобная особа тот самый шаг сделала! Теперь сплетня разнесётся по городу самого, что ни на есть грязного толка, только берегись! Да что сплетня, может и под суд подвести запросто с этой темнушкой и репутации навек лишит, работы, профессии! К женщине-матери наш советский суд всегда благоволит, что она скажет, то и правда, придётся на ней жениться! Вот история, а? Что делать? Как быть?

Игорь Николаевич аж закрутился на одном месте, жутко захотелось бежать сломя голову неведомо куда, спасаясь от страшной опасности, но куда? Куда?

Примчался в родную поликлинику, словно ища спасения в привычной среде обитания. Попытался в ней раствориться, спрятаться, вроде получилось. Фу! Слава богу! Здесь всё по-прежнему. Надолго ли? Скоро разнесут по городу. По-стариковски испытывая сердцебиение, будто от погони, вошел в свой кабинет, рухнул на стул.

Медсестра Катя удивленно подняла на него наивный взор.

– Что, уже закончилось ФПК?

– Да, – ответил как можно равнодушнее, – очередное повышение квалификации состоялось.

Она надписывала новые талончики на завтра. Эти глазные больные каждый день теряют несколько штук по причине плохого зрения, за неделю исчезают практически все талоны. Врач сидел и смотрел, как прилежно и красиво Катерина выводит его фамилию. Предложить выйти замуж? Попросить руку и сердце? Прямо сейчас, не откладывая в долгий ящик? А ведь и согласится еще чего доброго. Но слишком молода, почти одного возраста с Трупичкиной. Ах, какая дрянь эта Трупичкина, при всех выговорила в глаза! Опять начнутся разговоры: на молодой женился!

Болезненно поморщился, встал, вышел из кабинета. Нет, ему нужна настоящая жена, красивая, умная, ровня по возрасту, пусть чуточку моложе, такая как... Ольга Васильевна. С ней он почувствует себя с этой стороны

полностью защищенным от всяких дурацких претензий. Как раньше. Глянул на часы и кинулся вниз по лестнице вприпрыжку.

Вбежал в регистратуру, сразу к ней.

– Ольга Васильевна, вы ещё не сдали билеты в театр? Нас отпустили раньше времени...

Сказал громко, чтобы все слышали. Ольга Васильевна аж застеснялась, беспомощно поникла:

– Сдала.

Но сегодня Игоря Николаевича и это обстоятельство не смутило. Он взял её нежно под руку.

– А знаете, наверное, в кассе не всё продано, давайте сходим, развеемся?

И хотя Ольга Васильевна не была готова на данный момент к такому срочному походу в театр, без раздумий согласно кивнула. В её жизни произошёл долгожданный поворот. Какое поистине счастливое окончание рабочего дня при ужасающе траурном начале!

А что пережила за прошлую бесконечную ночь – уму непостижимо: тысячу, миллион раз пожалела про эту глупость с билетами, и, казалось, всё кончено навсегда, трогательные нежные чувства её безвозвратно сгорели, обратившись в сухой хладный пепел стыда перед сотрудницами и самой собой. Зато сейчас вдруг настало неожиданное светлое пробуждение!

Как чудесна бывает жизнь человеческая... Ровно бы ни с чего, раз!!! – как осияет всё кругом... и день сияет... и два, а иногда целых три дня подряд.

Она подарила Игорю Николаевичу влюбленный взгляд уже никого не стесняясь, именно тот самый, особенный, от которого у нормального мужчины дыхание перехватывает минут на пять, ну, а у не вполне нормального начинается нервный тик на левом глазу, так это не к окулисту следует обращаться, с этим извольте к невропатологу пройти, пожалуйста! Двенадцатый кабинет, с двух до пяти! Эй, куда? А карточку забыли?

4.

Все в глазном отделении прекрасно знали, что доктор Трупичкина не хуже самой Лебедушкиной чрезвычайно остро реагирует на отлынивание нижнего персонала от работы, и когда где соберутся тихой сапой в одном месте санитарки да начнут ляды точить – сие зрелище мгновенно выводит её из себя, стоит ей только увидеть. Разносы устраивала ежедневно, помогая патронессе поддерживать в отделении образцовый порядок.

Такое поведение молодого ещё врача не являлось беспричинным, как и всё в этом мире. Галатея Ромуальдовна подозревала санитарок, да и медсестер в распространении порочащих её честь сплетен, которые, как известно, оказывают дезорганизирующее влияние на работу всего коллектива.

Она улавливала отдельные слова, фразы, и ей казалось, что говорят о ней. Впрочем, вслух об этом не заявляла, но так или иначе благодаря её заботе о трудовом настрое младший медперсонал то и дело увольнялся, его повсеместно не хватало, даже операционные медсестры вылетали вон без выходного пособия. Впрочем, и заведованием Лебёдушкина больше всего любила снимать женский стресс, как следует наорав на неудачно подвернувшуюся под руку медсестру. В этом отношении Панацея с Галатеей были родственно схожи.

Вот идёт Галатея Ромуальдовна по сумеречной части коридора быстро, но тихо-тихо, и слышит, что за поворотом, в женском туалете льётся из крана в ведро вода и разговаривают меж собой две санитарки.

Трупичкина мигом притормозила, встала у стенки с равнодушным видом, вынула из кармана какой-то рецепт и приступила к его изучению, вслушиваясь: о чём идёт речь в самое-самое рабочее время?

А ничего не подозревающие санитарки продолжали трепаться, рискуя быть услышанными не только Трупичкиной, но даже больными, что Ромуальдовну расстраивало более всего. Она с трудом удерживалась, чтобы не выскочить из-за угла и не наорать на них как следует!

– Что не поехала на пикник воскресный отдохнуть? – спросила Полина Сергеевна, имевшая среди санитарок смешное прозвище «Электровеник» и которую Трупичкина более всех подозревала, – отрываешься от коллектива? Нехорошо!

– Ага, есть мне, когда развлекаться, а ты, небось, ездила?

– Конечно. Я всегда рада с родным коллективом. Знаешь новость? Слышала, что на природе приключилось?

– Слышала, что вода в речке холодная и никто не купался.

– Зато как загорали...

– По тебе не видно.

– Так мы люди пожилые, в тенёчке сидели, смотрели, кто как с ума сходит.

– А что, кто-то опять сошёл с рельс? Давай, рассказывай, кого муха укусила?

– Кто-кто, перво-наперво, главная наша приехала с сынком да с этим... Игнатичем из кардиологии, втроём, как одна семья.

– Хо, вчерашнюю сказку рассказываете, Полина Сергеевна. Они уже месяца три как не скрывают, хоть и в ЗАГСе не расписаны. Взрослые люди, по самовольному желанию сожительствуют.

– А тут сафишировали, да ты тихо, не кричи так, не ровён час... совсем не про то рассказываю. Постелили, значица, общую простыночку на травку, Лебёдушкина с сынком рядышком загорать улеглась, Игнатич сбоку присоседился, но, видно, неудобно кардиологу на глазах всего коллектива голышом с чужим заведованием лежать, поворочался – поворочался бледными ногами на солнышке и купаться побежал. Сынок Лебёдушкиной с ним наперегонки кинулся. Вдвоём они и купались, остальные только воду

трогали и сразу отходили – холод от неё идёт ледяной. А те заскочат с криком – выскочат, по бережку попрыгают и опять – скок!

– Ишь ты, сладилась у Панацеи семейная жизнь. Редкостная история по нашенским временам. Может, добрее к народу относиться будет?

– Слушай, чего я тебе ещё скажу-то. Рядом с Лебёдушкиной Трупичкина на синеньком покрывальце прилегла, близеёхонько. Затасканное такое покрывальце, аж травка наскрозь светится.

Трупичкина скомкала рецепт в кулаке. Точно! “Электровеник” пускает слухи. Ну, погоди мне теперь!

– Вот карьеристка! Так и лезет, так и лезет! Даже на природе ластится, ну и что дальше?

– Ага, лежат, значит, две стерлядки рядышком, на солнышке коптятся. Я тут оголодала, за яйца с огурцами принялась. Разрезала, посолила, потёрла половинки до пенки, а запах, а обоняние работает! Только откусила, прямо от удовольствия сомлела вся – глянула опять в их сторону, и веришь – нет, жевать перестала! Смотрю и глазам своим не верю: Трупичкина Лебёдушкину за спину обняла, положила на неё руку. А та, ничего, терпит!

– Ты посмотри, что делает! И при всех?

– Какое при всех, что им все? Главное в том состоит, что когда Игнатич от речки подбежал с сынком, оба, как мокрые собачонки, трясутся от холода, хотели прилечь рядом, но Лебёдушкина не позволила, приказала обсыхать стоя.

– А Трупичкина что? Обнимается?

– Ещё как! Игнатич с мальчиком неприкаянно походили кругом, уже боятся присоседиться. Игнатич на травку сел в сторонке, а с мальчика капелька воды на Трупичкину долетела, так она развредничалась не на шутку, криком кричит: «Отойди, не брызгайся!» Вот такие дела в нашем царстве-государстве обстоят!

– Вострая какая!

– Щука саблезубая!

Трупичкина резко шагнула к санитаркам:

– Кто здесь опять лясы точит в рабочее время? Поменьше языками трепать надо, лучше работать. Живо за дело! Вам заработную плату начисляют по труду, а не за болтовню.

– Мы только воду налили, сейчас мыть пойдём.

– Какая зарплата, такая и работа.

– Предупреждаю последний раз, уволим! Если услышу, как болтологией занимаетесь – выгоним в два счета.

– Да ради бога, – сказала Полина Сергеевна, – я и сама заявление прямо сейчас положу. Будут мне тут попрекать всякие разные...

И сняла резиновые перчатки.

– Небольшая потеря для коллектива, если такая бездельница уйдёт. Скатертью дорожка! Чего встали, передумали? Нет? Пойдёмте, заявление класть, как обещали. А вы не желаете присоединиться?

– Нет пока.

– И я передумала.

– Очень жаль. А то написали бы на пару и свободны! В таком случае придётся пока выговор дать за халтурную работу. В палатах под кроватями пыль. Учтите, будет три выговора, уволим по статье за халатное отношение к обязанностям, попробуете тогда устроиться на работу, кто вас возьмёт?

Галатею Ромуальдовну трясло. С Панацеей надо решать серьезно, пора брать под опеку. А начать следует с дурочка Лёвы. Поприжать его к ногтю.

Врач-кардиолог Лев Игнатьевич стоял за деньгами в больничную кассу на первом этаже, прислонившись к косяку двери в ярко освещенный коридорчик бухгалтерии, ещё оставаясь в полутьме общего неосвещённого коридора. Очередь двигалась медленно, за ним два-три человека, а впереди человек пять. Думал о своём, разном, в том числе о том, о чём думать не хотел вовсе.

К примеру, отчего ушла жена. Ушла тихо, забрав только свои вещи и ребёнка, оставив даже кольцо и сережки, которые он ей подарил на день рождения и всегда полагал её личной собственностью. Они остались лежать на туалетном столике специально на виду, чтобы не искал, не маялся понапрасну. Имелось в этом факте такое страшное унижение, что Льву Игнатьевичу при воспоминании хотелось исторгнуть стон точно такой же, каким застонал он в первый раз от неожиданности, увидев недорогие, купленные с зарплаты врача ювелирные украшения, сиротливо поблескивающие на пыльной лаковой поверхности.

Человека, к которому жена ушла, он знал. Ничего особенного тот из себя не представлял, обыкновенный постовой милиционер, уличный гаишник, который по мере надобности регулировал дорожное движение там, где семафоры выходили из строя, а в основном ловил нарушителей правил уличного движения, засев в придорожных кустах.

Кардиолог видел его однажды зимой на дороге среди клубов автомобильного, быстро смерзающегося в колючие иголки сизого дыма, круглолицего, краснощекого, толстого в форменной зимней одежде, коротконового человека. Тот махал полосатой палкой то в одну, то в другую сторону, а свободной рукой тёр замёрзший нос. Таким и запомнил навсегда. Потоки машин подчинялись гаишнику беспрекословно, красивая умная жена кардиолога тоже подчинилась, перейдя жить из нормальной двухкомнатной квартиры в общежитие барачного типа: деревянное, старое, похожее на двухэтажный сарай. Не оставив даже прощальной записки, и главное увела за собой дочь, тем самым обрекая её на ужасающее коммунальное существование. Почему???

Лев Игнатьевич подавил стон.

Затуманенными глазами посмотрев на проходящую мимо Трупичкину, он не улыбнулся ей. Имелось в этой глазной даме нечто несимпатичное и даже слегка неприятное, хотя и трудно сказать, что именно.

И что же вдруг он наблюдает?

Проходя мимо, та словно бы слегка запнулась, да нет, тормознула резко и равновесие при этом немного утерjala, нагнувшись вперед, смотрит быстро то на Льва Игнатьевича, то себе под ноги, снова на Льва Игнатьевича в полном замешательстве и борется при этом за остатки равновесия с силой инерции, которая волочит её дальше по коридору, а кажется, что с другим борется изо всех последних женских сил – подойти немедля ко Льву Игнатьевичу... спросить о чём-нибудь... совершенно не по существу дела. Или даже лучше ничего не спрашивать, а заглянуть в глаза снизу вверх и стоять молчать... Ой, что там говорить, когда и без того всем прекрасно видно и ясно, что с коллегой творится, особенно тем очередникам, что за спиной Льва Игнатьевича находятся.

Они тоже на Трупичкину уставились: ух, ты!... Всё с вами ясно, девушка, вот те на! И следом мгновенная мысль, словно молния, озаряет небосклон общественного сознания: а что же нам теперь с заотделения Лебёдушкиной прикажете делать?

Тормозила – тормозила Тряпичкина на одном месте, ногами перебирая, качалась – чуть носом не падала вперёд, бросая растерянные взоры семиклассницы на кардиолога, будто впервые в жизни его увидела, а всё же пришлось дальше лететь, с одной стороны, сила инерции, с другой появились на губах коллег понимающие сочувственные усмешечки.

И вынужден был Лев Игнатьевич признаться себе, что хотя несимпатична ему Трупичкина, а всё же определенно есть в ней человеческие чувства. Прежде ему как-то не доводилось видеть, чтобы так кто терялся при встрече с ним из-за этих самых чувств, даже жена бывшая. О, да там-то как раз наоборот, два года гонялся, преследовал, умолял, прежде чем соизволила заметить. Жена была красotka, Евлупьевна не такая симпатичная будет, а Ромуальдовна и вовсе чёрте что.

Нет, как несчастная Трупичкина сейчас при всех, так никто на него не засматривался и не спотыкался при этом. А ведь ничего особенного из себя Игнатьич даже в двадцать лет не представлял, был, как господин Бло, абсолютно средний человек без всякого шика, без изюминки, которая женщин привлекает. Они же вроде галок: им блеск нужен.

Лева вполне нормальный человек, врач, специалист своего сердечного дела, только лицо не ярко выраженное, излишняя припухлость на щеках, а не в подбородке, и глаза чересчур спокойные, можно сказать вялые, глубоко посаженные, и не атлет, и в компании праздная в раж не впадает.

Это когда под настроение вдруг начинает из иных, тоже неприметных личностей вдруг словно шампанское фонтанировать, такие искристые смешные монологи заворачивают, откуда что берётся? Блистают один вечер всего, а, глядишь, уговорят кого надо и глаза партнёрши в танце тоже начинают ответно фейерверк излучать, и пошло – поехало... на зависть даже красивым и умным и спортивным.

На него ни разу не находило. А если находило, то не там, где и когда нужно. Скорее всего, кривоватая усмешка дело портила, будто он сам над

собой всегда слегка иронизирует. По молодости почти незаметна асимметрия рта проявлялась, но чем далее – тем более, уже и складка особая справа наметилась, несмотря на всю борьбу с этим лицевым явлением.

Нет, не может быть, чтобы Трупичкина могла в него... вториться. Да и зачем ему это? Совершенно не нужно, а вместе с тем... да нет, тут другое... с чего вдруг? Это из-за Панацей что-то... точно!

Фу! – аж выдохнул с облегчением, – конечно, конечно, как сразу-то в голову не пришло? Явно Панацея просила её при случае что-то для него передать, какую-нибудь информацию, а эта, натолкнувшись внезапно на Игнатъича, хотела вспомнить, да не смогла! Тормозная баба! Дура, чуть не упала! Идиотка!

И почувствовал в душе Лев Игнатъич наряду с облегчением некую мельчайшую толику разочарования. Вот не влюблялась ни одна в него по собственной инициативе никогда, приходилось самому выслуживать счастье: чувствами, делами и упорством. Так-то он старательный, чего решил, того добьется непременно. Ага. Игнатъич опять криво улыбнулся. Но уж Трупичкиной и задаром не надо. Боже упаси от такой... радости.

А вечером ещё больше подивился, когда шёл с работы, думая, в какой магазин лучше с зарплатой податься: продуктовый и там в очередях погрязнуть, или промышленный и какой-нибудь подарочек своей Панацее приобрести. Последнее много приятнее, но тогда из чего ужин ей и ребенку готовить?

Перед ним впереди по больничному коридору шла тоже с работы женщина, он не обратил внимания, откуда она вдруг возникла, из какого коридора больничного выскочила, но резко появилась, словно ниоткуда, как лемовская марсианка. На самом выходе вдруг приостановилась и отступила в сторону к стеночке, словно пропуская кардиолога перед собой. Коллега его пропускает? Странно. Он глянул в лицо. Перед ним стояла Трупичкина, опять Трупичкина, и опять смущённая!

“Случилось что с Панацеей? – встревожился Лев Игнатъевич, – или нужда какая, а может, просто поделиться хочет человек пережитым за день?”

Остановился, повернулся к бедной Лизе, от смущения шею в сторону вывернувшей, изображая рассеянный взор, ни дать ни взять, хочет сказать нечто жизненно важное, а не решается – совесть, скромность или что другое мешает. Она не выглядела теперь семиклассницей, быстро повзрослев за истёкший день, и смотрелась женщиной мятущейся от вполне зрелых чувств, готовой ради любимого на всё.

Наступило общее молчание.

Галатея Ромуальдовна завела за спину руки, прислонила ладони к стенке, оперлась о них задом, приобретя устойчивую позу, а Лев Игнатъич стоял прямо перед ней, боком к выходу и мечтал бежать далее, но вынужден был ждать, что скажет Галатея? Не зря же стала в позу, обещавшую интересный разговор.

Оба не произнесли ни звука.

“Ба, – догадался Лев Игнатьич, – так я вас ещё и развлекать должен? Выпытывать причину странного поведения? Вот это извините, время дорого, надо бежать срочно по хозяйству, забот полон рот... кушать хочется, а тут ещё... эта... встала.

“Неужто правда влюбилась?” – вернулся он к прежним раздумьям, и вроде угасшая мельчайшая искра пыхнула – засветилась, будто на неё дунул мелкий бес самодовольства изо всех сил.

Народу поблизости теперь не было, Ромуальдовна вела себя по меньшей мере странно, трудно подыскать для такого поведения подходящее объяснение: мялась, смотрела то влево, то вправо, но ни разу на Льва Игнатьича, однако продолжала молчать, будто воды в рот набрала!

Первым не выдержал кардиолог. Немного приятно, но сомнительно, очень сомнительно, а главное – ему ничего такого от Ромуальдовны задаром не надо, ему пора по магазинам!

И убежал ведь Лев Игнатьич от Галатеи Ромуальдовны самым наглым образом, оставив прислоненной к стенке, кинув на прощание: “Простите... извините... спешу... очень... радбылвстретт-ся!”, – что обычно бормочут невнятным людям, возникающим на пути, несущим в себе неопределенное и уже осязаемое препятствие, от коего хочется побыстрее освободиться. И мимо шурррр-рр! в дверь, как не бывало!

Не поверил Лев Игнатьич! Он же взрослый человек, не мальчишка, пожил, знает. Во-первых, лицо Ромуальдовны хоть и мятушееся, а всё одно сомнительное, и, во-вторых, так не бывает в жизни: то ничего-ничего, а тут вдруг бац! И сразу две любящие объявились, начальница и подчинённая, не его начальница и подчинённая тоже не его, но все равно плохо, к чему бы это? Не-не, нас не обманешь! Или бывает?

Вздыхнул кардиолог, нутром чуя, что влетает в очередную передрыгу, в коленкоровый переплёт, такой уж он неуверенный в себе человек, да побежал рысцой по своим мужским делам: ужин пора готовить, сына из школы встречать. Панацея просила в магазине продуктов прикупить, сама опять задержится на работе.

А тут такое дело... Нет, знаете что? Спасибо за доверие, но нам чужого не надо.

Однако не на ту напал!

Стоял пару дней спустя наш умный, выдержанный и совершенно не верящий в свою мужскую притягательность кардиолог у доски приказов, возможно, и правильно не верящий, разглядывал список отпускников, подсчитывая, сколь же дней внедрилось меж его отпуском и отпуском Панацеи, как вдруг рядом Трупичкина опять нарисовалась, сзади встала. Оглянулся, кивнул и далее с умным видом изучает списки.

Как вдруг ни с того ни с сего чувствует Лев Игнатьич экстраординарное происшествие меж ним и подданной незаконной супруги, при котором его, взрослого сознательного мужчину, врача, человека в белом халате, дававшем клятву Гиппократу про “не навреди”, да что там, давно отца ребенка, физически крепкого в общем-то человека... слов

нет...чувствует он ужасающую вещь, которая ни в какие разумные рамки не лезет: взяли его за... мягкое место сквозь халат, брюки и трусы, как ни в чем не бывало, будто сто раз такое проделывали и... жулькуют.

Лев Игнатъич даже на месте застыл, от страшного возмущения превратившись в статую. Никогда никто не смел с ним так обращаться! Даже ушедшая к милиционеру жена, про Панацею и говорить нечего. Просто не верится. Да как она смеет? Вытворять этакое непотребство?

Однажды Лева собственными глазами наблюдал подобное в уличных условиях, на трамвайной остановке в час пик.

Народу внутрь вагона набилось уйма, двери не закрывались. Кардиолог за право уехать толкаться не полез, не любил стоять в толчее в качестве селёдки, предпочёл дожждаться следующего трамвая, отступил на шаг назад и тут увидел, что висевший на подножке амбал положил пятерню на джинсовую круглую попку стоящей рядом девушки, которая ростиком была вполовину его, и тоже начал жулькать.

Девушка стукнула маленькой ручкой по пятерне, но убрал ли амбал лапу, Лев Игнатъич не досмотрел, так как очередная попытка трамвая закрыть двери увенчалась успехом, и состав из двух вагонов покатился по рельсам.

Однако и там на душе остался неприятный осадок на всю жизнь: хамство чрезвычайное! Здоровенный хряк самым наглым, оскорбительным образом тискает на глазах у прохожих пятнадцатилетнюю девчонку, лапает её, пользуясь недостатками в работе коммунального транспорта! Морду набить такому мало!

А вдруг ей приятно? Черт этих женщин разберёт, жизнь вон как показала, что сам Лев Игнатъич не очень в них разбирается, ушла же его собственная жена к такому здоровенному хряку, значит, ей с ним веселее пребывать даже в бараке без современных удобств? И что он там с ней делает? Чем занимается? Тоже лапает? Само собой лапает, без сомнения.

Но ему лично ужас как неприятны действия, что производят наглющие пальцы Трупичкиной!

Бить с разворота коллегу локтем по физиономии он, разумеется, не станет, хотя и следовало бы, а взглядом сожжёт в порошок всенепрременно. Сейчас вот повернётся и...

Поворотился Лев Игнатъич к обидчице и... напоролся снизу вверх на взгляд: такой просительный, неотрывный. Неужто правда настолько сильно хочет женщина, что презрела все нормы поведения, неужто всё-таки бывает? Несмотря ни на что? Что начальница её Панацея, и среди бела дня у доски приказов люди могут увидеть...

Оторвал кардиолог Галатею от своей задницы, сжал покрепче на всякий случай проказливые пальцы в ладони, как бы снова за что не уцепилась странная коллега, а та бедром прижалась – нате вам! и вот здрастье, уже спереди приклеилась, с бессмысленной хамской робостью в глупых глазах...

– Ты что творишь? – прошептал Лев Игнатъич с тем выражением близости, с каким обычно герои-любовники отрывают от себя дуреющих любовниц на производстве в разгар рабочего дня, когда те заходят в кабинет без дела, садятся на стол прямо на деловые важные бумаги и начинают приставать со своей любовью. Как будто и Ромуальдовна давным-давно его близкая женщина. Быстро обернулся по сторонам, – люди кругом, увидят, – тем самым уже признавая её право на вечернее и ночное время, а также выходные и праздничные дни, когда Панацее будет некогда, видя близко, слишком близко ищущие губы и всё прочее скорее в мечтах, нежели на деле, томительно-женское.

“Какая всё-таки она, бедняжка, некрасивая, – вздохнул про себя Лев Игнатъич, глядя в круглые почти без ресниц близкие требовательные глаза, – да мужиковатая, лет уже... к тридцати, пора деток иметь, а замуж не вышла. И кандидатур незаметно. Да, тут немудрено... природа просит. А неужто Ромуальдовна надумала ребенка себе устроить без мужа? И его выбрала? Нынче многие женщины так поступают, вот и она решилась... обратиться. А похоже на то, между прочим. И что, разве некрасивая женщина не может испытывать подлинную страсть? К нему? Отчего же не пожалеть? Надо подумать на досуге... как поступить. Честно, по нашему мужскому разумению говоря, нехорошо нуждающейся даме в подобной мелочи отказывать.

Да и куда ей ещё пойти? В глазном отделении мужчин врачей нет, есть студент медбрат, но как можно с братом-студентом? Инцест получится. А Лёва ближе всех оказался – при Панацее, и она при Панацее, вот и влюбилась.

Это в шестнадцать лет девушки обожают далекими образами заморских принцев грезить наяву и во сне, которые приплывут за ними на яхте с алыми парусами, или, на худой конец, прикатят по-гусарски на тарантасе под вечер и выхватят прямо из палисадника, увезут от надоевшей маменьки венчаться в забытой богом сельской церквушке у заспанного попа без благословения родителей.

А начиная с определенного возраста около тридцати, те же самые девушки никуда не сбежавшие и не вышедшие замуж, предпочитают влюбляться в ближних мужчин, чтобы ночью далеко не ходить по скрипучим половицам. Чтобы дружить семьями. У Льва Игнатъевича есть дочка от прошлой жены, то есть нынешней гаишниковской, у Панацеи свой мальчик имеется, пусть будет и у Галатеи. Все поблизости, все рядом, все будут дружить: и дети, и взрослые. Очень, очень мило. А что, пожалуй, в этом что-то есть, – думает Лев Игнатъевич, глядя на близкую Ромуальдовну и лишь самую чуточку морщится: уж больно нижней чувственно ощеренной челюстью бедняжка на щуку смахивает или крокодила.

В свободное время любил Лев Игнатъевич с сигаретой в зубах строить логические цепочки, то бишь размышлять обо всём на свете и делать собственные выводы по любому поводу. Это он называл “до всего дойти самому” и только на то всерьёз полагался, до чего добрал самостоятельно

при помощи тех логических цепочек. А воспитан был в детстве на советских сказках, в том числе про крокодила Тотошу, который, как известно, питается, согласно рифме, резиновыми калошами, заказывая их по телефону парами. Опираясь на столь базисные факты и при помощи логических цепочек, привык Лев Игнатьич думать, что и все прочие живые крокодилы отличные ребята, если, конечно, их вовремя подкармливать. Весьма полезные санитары природы, разве что в шляпах да при портфелях не ходят. Впитал с молоком матери человек бессмысленную весёлость пустых переделкинских рифм, которая отвадила его напрочь от народной мудрости, слишком грубо иной раз, дюже неделикатно звучащей для интеллигентного уха.

Вот, например, нелитературное выражение: “Взять за ж...” в бытовом наречии означает отнюдь не робкие вздохи на садовой скамейке и не признание в любви при помощи специальных карточек, с красиво нарисованными жасмином или сиренью, а нечто совершенно противоположное: “Внимание!!! Начинается чёрный период жизни. Вам, любезный, грозят крупные неприятности в самое ближайшее время! Пора срочно вертеться изо всех сил, чтобы выкрутиться с минимальными потерями, и главное: ни в коем случае не расслабляйся! Как расслабился – пропал!”.

И если решился Игнатьич произнести хотя бы про себя народное выражение, то мигом бы осознал, что никакая эта не влюблённая женщина прищучила его сзади, и даже не чрезмерно страстная вцепилась, размечтавшись о внебрачном ребенке. Нет конечно, не может женщина так поступать! Не женщина это вовсе, а... крокодил. И зовут того крокодила отнюдь не Тотошей, и питается данная рептилия не фабричной резиной сорок второго размера, но... ослабленными людьми. Кусает их бессовестно ядовитыми зубами, рвёт, и тем самым заражает окружающих той же самой слабостью, бескрайне расширяя ореол своего питания. Санитар природы – как любят выражаться умные экологи. Именно, именно, тот самый санитар, после которого от человеческой природы ничего доброго уже не остаётся.

Но нет, не произнёс слов мудрости народной несчастный кардиолог, не вспомнил даже, ибо в глубине сердца лелеял неугасимую детскую веру в предобрых крокодилов – санитаров, очень интересных также и с научной точки зрения существ, избирающих свой пол в зависимости от температуры окружающей среды.

Размечтался Лев Игнатьич к сожительнице Панацее Евлупьевне присовокупить любовницу Галатею Ромуальдовну с будущим ребеночком, в переносном смысле говоря, предпочел хороводить вокруг хлебных деревьев с растущими на них сайками, булками да батонами, и строить свои бесконечные логические цепочки, тонкие, изящные, хоть дамам знакомым дари на 8 Марта, да и бог с ним, пусть дальше строит, коли нравится.

5.

На второй день к обеду, узнав, что пациента из элитной палаты до сих пор никто не навещал, не позвонил ни лечащему врачу, ни ей, ни главврачу больницы, даже с шофером не доставили в кабинет коробку с вином, цветами, копчёной колбасой, конфетами и баночкой икры, Панацея сообразила, что пришелец надул их самым, что ни на есть злостным образом. И приказала немедленно выкинуть прохиндея вон из элитной в обычную мужскую палату на восемь человек.

Медбрат-студент, тот самый, коего кардиолог забраковал в качестве отца будущего Трупичкиного ребенка, отвез Дениса в общую мужскую палату, где помог переползти на свободную койку.

В последний момент переселенец воспротивился:

– Простыня смята, кто-то на ней спал.

– Что вы говорите, больной, – Трупичкина слово «больной» умеет произносить как «недоразвитый», – кровать свободная стоит, значит, белье постелено чистое, его сразу после выписки меняют.

Денис собственным здоровым глазом видел, что простыня вся в мелких складочках от спавшего на ней тела, но возражать лечащему врачу, находясь в её епархии, не посмел, лёг и закрылся от злобного взгляда одеялом.

Когда медперсонал покинул палату, сосед по палате Володька, парень лет двадцати пяти, сказал:

– Это медбрат ночевал.

– Да уж само собой не сестра, – развеселился незрячий Саня в чёрных очках, – рискованно им здесь, в мужской палате, отсыпаться. Они в женских дрыхнут, когда места свободные есть.

– Нет, женщина, – не согласился Денис, – подушка женскими духами пахнет.

– Чёрт, – возмутился Саня, – как это я проморгал? Вообще-то у меня обоняние на духи не очень работает, зато слух отличный.

– Она не храпела, ты и проспал, пока за Трупичкиной подглядывал. Саня у нас в Трупичкину влюблён, – пояснил Денису рослый человек, которого все называли Машинистом, – ему сны про неё чудные снятся, а он нам рассказывает. Веселит народ.

Лежать в общей палате много веселее, чем в элитной. Народу полно, все друг с другом разговаривают, обмениваются информацией.

Самый-самый старожил – слепой Саня, крепкий коренастый человек в чёрных очках, лет тридцати пяти, который не видит ничего, ни вдаль, ни вблизи, даже света, и живёт, погруженным в непроглядную тьму и утро, и день, и вечер, следуя больничному распорядку.

Саня ослеп восемь лет назад на стройке, где работал маляром: нёс по лестнице ведра с только что погашенной горячей известью, оступился, упал навзничь и вылил известь на себя. После прошёл десятки больниц, где сделали ему около сорока операций на выжженных глазах, отчего бельма

покрыты многослойными шрамами, имели вид страшно ужасный, даже спать приспособился в чёрных очках, чтобы не пугать спросонок зрячую жену. Кто и где только его ни оперировал! Всё без толку. В конце концов доктора махнули рукой: что сгорит от щёлочи – то уж не увидит! От кислоты и то легче спасать.

А он продолжал страстно мечтать хоть краешком глаза свет ощутить, чашку разглядеть с ложкой, хоть бы слегка.

Одна матушка Лебёдушкина не брезговала препарировать Саню снова и снова, ничего, впрочем, не обещая. Исключительно эксперимента ради, оттачивая своё мастерство, а впоследствии Трупичкиной отдала учиться резать. Вот ей-то, Ромуальдовне, и довелось сотворить истинное чудо.

На одной из операций, неизвестно какой по счету, Ромуальдовной уже вполне самостоятельно проводимой, забыла она поставить больному обезболивающий укол, размечталась, видно, о своём, девичьем, в результате чего Саня полтора часа терпел, сжав зубы так, что один коренник не выдержал натиска, треснул пополам, но в шок не впал, выдюжил, ибо здоровьем обладал отменным.

Зато с тех пор начал видеть сны волшеббно-яркие, интересные, сверхреальные, в обычной жизни сроду такого не бывает, чего во сне замечательном приснится. Ровно по-новой зрение ему даровалось из рук Ромуальдовны, только не дневное – обыкновенное, а ночное – сказочное.

Мужики в палате не раз шутили, как расскажет, бывало, им с утра Саня свой очередной сон, что де Трупичкина его той операцией в рыцари свои произвела, как английская королева, ибо всё от неё человек претерпел молчком, ни слова не вымолвил, ни криком не вскрикнул, и никуда жаловаться не пошёл.

Вернее будет сказать, уточняли иные умники со средним образованием, не в рыцари, а прямо в русские князья, которым в Орде, за не вовремя или не полностью привезённую дань тоже глаза выкалывали. Но князюшкам-страдальцам за землю Русскую там быстро делали.

Кольнет палач ножичком булатным в глазоньки ясные по приказу хана ордынского, и вытекут те наземь. После мучений сих православная церковь опять же князюшку в святые мученики произведёт, ангелоподобные, в то время как Саню целых полтора часа врачаха резала неторопливо, мурлыча под нос песенку: «А не шоферы мы, не плотники – да, но сожалений горьких нет!», зато и награда выпала из рук Ромуальдовны особенная, не сравнить с церковной, как-никак при жизни даровалась. Телевизор покупать незачем: спи и смотри! Каждую ночь, без перерывов на частую профилактику показывают ему всё новые и новые замечательные фильмы – сказки. Жизнь настала – умирать не надо! Тем более, что на государственном больничном питании Саня пребывает совершенно бесплатно неделю за неделей, уход тоже казённый, постельное бельё меняют, а дома, в довершение ко всем радостям, пенсия инвалидная потихоньку капает в помощь жене и детям.

Раньше не видел ни днём, ни ночью. Существовал в полном и безнадежном мраке. Теперь хоть ночью светло, как днём делается.

И вот видит опять Саня перед своим носом щучку средних размеров, что стоит в самой струе, богатой кислородом, чуть-чуть пошевеливая рыльцем да жабрами.

На рыбалке человек весь процесс сверху наблюдает, с берега или лодки, по зиме со льда. Оно, конечно, захватывающее зрелище, особенно когда маленький стаканчик для разогрева прихватишь с приятелем, после того как пробуришь с десятков лунок, выставишь снасти и ждёшь первой поклёвки. Однако изнутри подводный мир даже без стаканчика много интереснее!

«Плотвичек дожидается, – размышляет Саня, вместе со щучкой находясь под слоем тёмной зимней воды и полуметровым льдом, совершенно не испытывая при том ни малейших неудобств или там потребности в кислородной маске, – рот раскрыла, эки зубки! И санки хищные, как... у Трупичкиной. На охоту вышла – по времени.

По радио ветер обещали южный, метель поднимается. В такую погоду щука проснулась, и чёрт только её разберет, как узнает, рыба кровь, что там наверху делается, но факт остаётся фактом. Постой, да я же Трупичкину в глаза никогда не видел, отчего тогда щучка похожа стала на врачиху? А от того, верно, что часто слышал от больных с остатками зрения слова: Ромуальдовна летит, щучка зубастая!»

Лихо сглотнув плотвичку и почувствовав аппетит, щука – Ромуальдовна направилась прямым ходом к жерлице, выставленной рыбаком в этом месте на окуней и мимоходом срезала трех живцов, легко перекусывая леску. Над лункой, снизу похожей на туманный заоблачный диск луны, мелькнула тень, да поздно!

Ромуальдовна пришла в волнение, хвостом дёрнула, желаньем выиграла: эх, налимчика бы сочного! Молнией сверкнула, и нет налима, всплывшего не-вовремя из укромной ямы тоже в струйке постоять.

Ядри твою в качель! – восхитился Саня, – во даёт, паразитка! А что будет творить лет этак через десять, когда в силу войдёт? Жизни никому не даст! Даже можете не надеяться!

Тут щука – Ромуальдовна, сделав круг, резко устремилась вверх, к туманному диску, выскочила, будто в небо из воды, ударилась холодным склизким боком о снежный наст и пошла осторожно по рыбацким следам к берегу уже точно сама собой, Трупичкиной Галатеей Ромуальдовной, студенткой медицинского института, живущей в общежитии и с утра до вечера сегодня очень голодной. Пальтецо неважноецкое на ней одето, на рыбьем меху, сумочка так себе, про сапожки вовсе умолчим, но походка её, щучья, самоуверенная в себе на все сто двадцать издали видна.

Ох, и мастерица, однако!

Только пурга разыгралась не на шутку, снег так в лицо и лепит! Подбежала студентка к остановке троллейбусной, встречает её здесь молодой приличного вида человек в импортной дублёнке, по виду студент,

только в отличие от Ромуальдовны более обеспеченный. Родители ему хорошо помогают, даже чересчур. Поймали резвые молодые люди такси и покатали в гости, куда обеспеченный студент смог пробиться через знакомых за довольно-таки серьезную плату.

И увидел Саня парочку уже в трёхкомнатной квартире, вроде той, какую через семь лет Ромуальдовна заполучила, выйдя замуж за престарелого бравого вояку, быстро скончавшегося от сердечного приступа. В зале на стульях и креслах сидят несколько человек, смотрят на купленном в московской «Березке» видеке приобретенный с рук порнофильм весьма сомнительного качества.

В сторонке небольшой столик с разнообразными бутербродами, бутылкой коньяка и рюмками изображал из себя настоящий шведский стол. Хотя стоимость угощения входила в оплату сеанса, к нему никто пока не притронулся, широко раскрытыми глазами компания пялилась на благую весть с Запада, где все трахаются со всеми, а это очень интересно, у нас такого нет, жалко пропустить хоть кадрик.

Новоприбывшую парочку хозяин разместил на задворках просмотрового зала, поблизости от шведского столика. Студент тотчас уставился в экран, он не предупредил подружку, какого рода кино предстоит увидеть, и слегка стеснялся. Хозяин тоже удивился, что Валёк прибыл с девицей. Остальные зрители – солидные мужики, в основном за тридцать, а впрочем, уплачено полностью за два места, какое ему дело? Пусть смотрят, аппетит постельный нагуливают, не жалко. Только у нас без обниманий, пожалуйста, и громких чмоканий, не кинотеатр вам государственный, подпольный видеосалон.

Поморгав несколько минут на экран, Ромуальдовна заметила в потемках шведский столик, развернулась к нему. Её разобрал щучий голод, принялась глотать один за другим бутерброды со шницелями. Выпила рюмку коньяка.

В сытной голубой темноте ей вдруг стало легко и предельно ясно то, что неосознанно мучило с момента созревания. Ни мальчики с подростками в детстве, ни молодые люди в нынешней студенческой жизни не оказывали Галатее должного внимания. Если начнёт какой идиот ухаживать, то без всякого энтузиазма: мол, клюнет – хорошо, нет – плыви дальше с богом, никакой беды нет. А между прочим, она изо всех сил старалась, как любая другая, произвести впечатление. Ждала, но без толку. Столько лет дурили голову, а оно вон что оказывается! Вон оно как! А она то, глупая, терпела! Не только возможно быть самой собой, но и должно сделать это в ближайшее время. Не обременительные второстепенности требуются ей, и не то нужно всем этим чужим мужчинам, вылупившимся на экран. Ах, как она их давно ненавидела за то, что не позволяют ей делать, что хочется, и, главное, когда хочется. Преграды пали. Ясно главное: надо не ждать, а всё делать самой. Сейчас. Сию секунду, вот дожует яблоко и задаст им перцу! Наконец-то!

Трупичкина доела яблоко, встала, начала деловито раздеваться, свешивая одежду на спинке стула, будто собиралась лечь спать, перепутав

чужую квартиру и комнату общежития. Сейчас они её захотят, да ещё как! И будут! Нет в этом ни малейшего сомнения.

Сидящие впереди зрители увлеклись просмотром, не замечая происходящего за спинами. Зато Валёк вытаращил глаза: рехнулась скромница или как? При всех что-ли решила? Так надо было вчера после ресторана соглашаться идти к нему, вместо чего тоненько выщипанной бровью лишь повела в ответ на приглашение, ни да, ни нет не сказала, о практике своей в анатомке рассказывала на пути в общагу, куда он недовольный её сопровождал, причем с неприятными подробностями, после которых даже как-то не тянет целоваться. Да и без подробностей не тянет. Зря связался, хотел для счёту переспать.

Студент вскочил со стула, пытаясь остановить подружку, но Галатея резко отшвырнула молодого человека от себя: не мешай смотреть, а сама продолжила сдергивать одежду, пока не обнажилась до гола.

Раздевшись, подошла к толстому мужчине в свитере, сидевшему по центру единственного зрительного ряда, который показался ей самым подходящим кандидатом для уединения, наклонилась близко, заглянула в лицо, взяла за ворот свитера, утянула в соседнюю комнату, как в омут под корягу.

Толстяк не возмутился, проследовал с видом впавшего в транс лунатика. Когда дверь закрылась, молодой человек, приведший Ромуальдовну в приличный дом, встал, налил себе рюмку коньяку, выпил одним духом, заел последним шведским бутербродом, оставшимся после оголодавшей Трупичкиной, и отправился в прихожую одеваться.

Прочие зрители были настолько поражены произошедшим в комнате событием, что забыли про экран, запереглядывались вопросительно вытянутыми голубыми лицами друг на друга: извините, услуга входит в стоимость просмотра? Или предоставляется за отдельную плату?

Что касается хозяина квартиры и подпольного видеосалона, тот сначала просто онемел от наглости неизвестной девицы. Она что, решила на холявку дом терпимости устроить в его семейной спальне? Зашипел на Валька:

– Зачем проститутку приволок? Здесь видео, а не бордель.

Впрочем, зря переживал, они и так уже находились под известной статьей, запрещающей организацию подобных просмотров, одной статьей больше, одной меньше.

Валек сердито и громко ответил:

– Какая проститутка? Студентка-скромница, блин... была. Наверное, от твоей порнухи у неё крыша поехала, сам с ней теперь разбирайся, с дурой остромордой.

И он действительно ушёл, до глубины души обиженный, что не его скромница Трупичкина так бесцеремонно затащила в чужую спальню, причем буквально вчера только не согласившись на свидание после ресторана тет-а-тет в отдельной однокомнатной квартире, которую снимают для него родители. А честно говоря, не слишком и уговаривал, была бы красавица, а то ни рыба - ни мясо, так себе, вобла постная.

Хозяин решил рискнуть.

– Для тех, кто с девушкой будет, оплата тройная.

– А можно половину завтра отдам? – спросил Рафик Аванесов, шаря по карманам.

– Я пас, – сказал другой.

Остальные промолчали. Сумма набегала весьма приличная.

– Можно, – разрешил хозяин салона, вновь добродушно усмехаясь, прикидывая возможную прибыль.

Когда толстый, таща за собой свитер и штаны, выскочил из спальни, пал на место, в изнеможении уронив руки до пола, от него поднимался знатный пар, будто только что товарищ из финской бани. Ему бы теперь в прорубь нырнуть для контраста, на самое дно уйти, в тёмную яму, где жил когда-то поживал сочный налимчик, не зная о скорой встрече с щучкой. Или в сугроб лечь полежать.

Нагая Галатея вышла следом, внимательно осмотрела оставшихся ничего не выражающим взором и села на колени к тому зрителю, который сказал: «Я пас», обняла за шею. После чего встала, повела в спальню, по-прежнему держа за шею, как невзнузданного коня. Тот успел, правда, спросить из неудобного положения: «А можно я тоже завтра?». «Можно», – усмехнулся в ответ подпольный предприниматель.

Прибыль росла на глазах, что радовало.

Пропустив всех мужчин в живую очередь, Ромуальдовна не успокоилась на достигнутом, вышла из комнаты в зал, где и опустилась на ковер перед зрителями, предлагая себя по новой любому желающему, и кто мог, брал её тут же, а кто не мог, ползал рядом, пытаясь ухватить брыкающиеся в экстазе ножки, да подержаться.

Порнуха по телеку никого более не интересовала. Теперь все, включая хозяина-инфарктника, оказались на полу, приняв активное участие в общем свальном блуде с одной неутомимой распутницей, которая имела всех многократно, и в отличие от мужчин ничуть не уставая, ни внешне, ни внутренне.

Те, для поддержания своих мужских сил, время от времени отползали от телесной кучи к шведскому столику, выпивали быстренько рюмку, наблюдая процесс со стороны расширенными глазами, словно не веря, что происходящее возможно не только за железным занавесом, но в обычной трёхкомнатной хрущёвке, и с воодушевлением бросались в гущу блудодействия. Сначала даже вырывали её друг у друга, толкались, переругивались, сверкая глазами. Потом, изрядно выдохнувшись, потянулись, было, одеваться, однако Ромуальдовна никому не позволяла отбиться от кучи-малы, страстно извиваясь, змеей скользила по неприлично бесштаным телам, и если кто проявлял хоть малейшее физическое желание, седлала немедленно наездницей-дикаркой и погоняла до полного бездыханного отпада.

По прошествию времени, для всех на ковре потерявшего изначальный смысл мерила, она встала и принялась прохаживаться меж ними, лежащими кто, где, и как попало.

Её самцы валялись кучей без движения. Они не спали, но затаились по слабости, уже побаиваясь нападения неутолимо жадной студентки, оказывать ей сколько-нибудь достойное сопротивление сил не осталось.

Уничтоженные в своём естестве, бессильные, моргали глазами, пытаясь напоследок улыбнуться, чтобы прошла мимо, не набросилась. Улыбки те были весьма странного свойства, точно натянутый тонкий пергамент на передние зубы.

Трупичкина поставила ногу на белый лоснящийся бок лежащего первоначального толстяка, которого звали Шота Иоселиани, начальника снабжения треста столовых и ресторанов, нынче валявшегося трупом, без свитера и штанов, в одной рубахе, да и рубаха задралась с белых, черноволосых упитанных ляжек, будто погибший на поле боя, над которым власть поизголялись окрестные мародеры. Встала, осторожно развела руки в стороны для сохранения равновесия, принялась передвигаться по туловищу мелкими шажками балерины, вытягивая носки, попутно заглядывая ему в глаза. Толстяк пытался улыбнуться. Пряменько вытянутым носочком Ромуальдовна нащупала место на животе, где находилась поджелудочная железа, и ступила туда уже пяткой, перенося вес всего тела в одну точку, и по выражению лица нашла-таки самое болезненное место, после чего принялась аккуратненько устанавливать в него по переменке то одну пятку, то другой носок. Танец такой получился.

Через полгода снабженцу приснился вещий сон, который Шота запомнил и пересказал всем друзьям на несколько раз, будто рыжий племенной бычина боднул его тупым рогом в левый бок и раз, и другой, а он, благородный Иоселиани, между нами говоря, наследник древнего княжеского рода Кахетии, был точно привязан к стене и не мог ни увернуться, ни взять по-мужски того быка за рога. Полностью обездвигел. Смог только закрыть глаза, чтобы не видеть, как бык ударит его в третий, последний раз.

А через год, когда наследнику древних традиций удалили поджелудочную, и пришла пора с красного кахетинского перейти на инсулин, он даже и не вспомнил, как щучка Трупичкина топталась на нем, пристально вглядываясь в выражение княжеского лица и видела его будущее, а может, даже и создавала его, ввинчивая кривоватый большой палец ноги эфирным движением в мясисто – усталую брюшную плоть.

Ей было жутко приятно диагностировать бесстыдников ей отдавшихся, точно в кайф, ибо эти пухлые обезображенные мужчины навсегда теперь её, что живые, что мёртвые, без различия. Она вобрала в себя их энергию, их жизнь, а для пустых бранных оболочек, с её точки зрения, всё теперь равно: валяться бесчувственно или безжизненно. Пусть терпят, как она перешагивает или перепрыгивает с одного на другого, валяющихся в неприглядной наготе, подавляя малейшее телодвижение, которое

рассматривается ныне как наличие лишней энергии, которое они обязаны отдавать ей тотчас и до последней капли.

Заведующий институтской лабораторией Муса Оглядкин хотел натянуть на мерзнувшие от бессилия ступни носки, случившиеся возле, но был тотчас наказан самым грубым, ранящим сексом: Трупичкина проскакала на нем полную дистанцию амазонки, крепко вцепившись в волосатую грудь, беспощадно пришпоривая, пока он не выказал застывшими глазами абсолютную покорность и сломленность. Казалось, хрусткая корочка льда покрывает глаза и его, и Рафика, который бился с щучкой дольше всех, бросался на неё, взвизгивая, раз за разом, но был так же уничтожен, вульгарно заезжен в стельку, в ничтожество, до состояния непотребного ошметка неизвестного происхождения, до бранных сухих мощей, и его чёрные, прежде всегда пылавшие огоньками восточные глазёнки уподобились хладным ноябрьским полыньям, запаянным тонким ледком.

Она продолжила поход, внимательно озирая мужские окрестности.

Вот раньше и не посмотрели бы даже в её сторону, проходя мимо, чихать хотели на щучку вострозубую, не то, чтобы цветочки подарить хоть 8 Марта и в любви признаться самым шутейным способом! Зато теперь все сразу врюхались по самые уши, разлеглись своими окороками наружу и в рабство ей очень легко сдались, счастьем замученные сволочи!

У хозяина слабым местом оказалась грудная клетка с левой стороны. Трупичкина ощутила это интуитивно и принялась пользоваться.

И правда, два месяца назад в Москве у того случился микроинфаркт на почве обмена монгольских тугриков на валютные чеки в кустиках, недалеко от «Березки», когда рядышком на шоссе взвизгнули новыми хорошими тормозами милицейские «Жигули». Взвизгнули да понеслись дальше, а человек на скамейке весь обмяк от укола под лопатку и внезапно наступившей душной черноты, скоро, впрочем, благополучно растаявшей.

Теперь он лежал навзничь, а Трупичкина свеся голову на грудь стояла прямо на его сердце. Хозяин не кричал, не дергался, лишь вымученно терпел без сопротивления горьковским героем Данко, человеком с открытым сердцем, на которое одна прохожая уже наступила осторожно, не случайно и тщательно, а он ничего не мог даже прошептать. Если бы сказал хоть слово, воздух из грудной клетки вышел полностью, и нога Галатеи легко раздавила бы слабое сердце, поэтому крепился, стараясь не выказывать боли. Но Галатея боль видела, своим хождением острыми пятками определяла, а находя новую, разглядывала её формы на мужском лице с любопытством, и ей было приятно как при собственном, а не их оргазме.

Она двигалась по ним как шемаханская царица по трупам убитых в схватке за неё воинов, да и действительно ли убитых? Испытывая огромное наслаждение, причиняя их сначала таким дерзким, а теперь беспомощным, слабым телам боль, словно пыталась додавить, умерщвить до конца.

Завершив пытку животным наслаждением, оделась и, не сказав никому ни слова на прощание, покинула квартиру.

Жена хозяина салона вернулась тика в тикку к условленному сроку, когда гостей-зрителей по договору с мужем уже не должно было находиться в квартире, застала их там в ужасном виде, по-прежнему валявшихся повсеместно: на ковре, на диване и даже на семейной кровати, невменяемых.

И это с одной-единственной бутылки коньяка! На двенадцать человек! Впрочем, двоих уже не оказалось. Что за мужики пошли! Но все простила, узнав, что благоверный содрал с посетителей за столь дурное поведение оплату в трехкратном размере, вследствие чего удалось, наконец, погасить набранные для покупки валютные долги.

Дальнейшие сеансы обещали приносить чистую прибыль.

К сожалению, в мире социализма подпольный бизнес осужден самой природой бытия на недолговременное существование. Через три месяца с прибылью и видиком пришлось скоропостижно расстаться. Но не прокуратура конфисковала орудия совершения преступления, жена хозяина салона сама продала в одночасье достижения западной технологии: так срочно понадобились деньги на похороны мужа, внезапно скончавшегося от инфаркта миокарда. Сказалась продолжительная работа в Монголии, стране с тяжелым резко-континентальным климатом, как известно, весьма губительном для сердечников.

В дальнейшем Трупичкина устраивала себе разгрузочные дни под давлением внутренних обстоятельств редко, но метко.

Осторожничала, дважды в одном месте никогда не объявлялась. То ночью с танцев забиралась с каким-нибудь курсантом в казарму, где принимала на себя весь его взвод и дневального офицера, прибежавшего разобраться, что за шум-гам? То ехала хмурая, недовольно прислушиваясь к себе, на далекую окраину города и там, на стройке, бузовалась в вагончике со строителями, и за такой веселый денек прорабу процентовку закрывать становилось нечем, все силы бригад уходили в Ромуальдовну. А на последнем курсе Трупичкина скрытничала настолько, что с приближением роковой потребности просто выезжала в соседний городок и в какой-нибудь базарной подсобке обслуживала многочисленных продавцов фруктов из Средней Азии, которых набегало на такой бесплатный танец живота до черта со всех окрестностей, и старых, и малых. Она имела их захлеб, полуоткрыв рот и выставляя нижнюю челюсть с острейшими, ровными, маленькими зубками, ужасно напоминавшими щучьи...

– Мужчины! Ка – пать – ся!!

6.

Призывный утренний крик зарождается где-то в неведомой дали больничного коридора, сопровождаясь нежным мелодичным звоном, будто женщина, производящая его, на самом деле некая живая хрустальная люстра, к тому же ходячая.

– Муж-чи-ны! Ка-патья-ся! – кричит медсестра Флора, отправляясь в путь по коридору.

– Вот не терпится бабе с утра пораньше! – бормочет Саня, – ох и приснилось мне сегодня, братцы! Приснится же такое!

Семь часов.

Величественно – высокая медсестра Флора выкатила из процедурного кабинета высоченную этажерку на колесиках, уставленную сотнями пузырьков и бутылочек с этикетками, осторожно пустилась в свое утреннее нелегкое, обычное путешествие.

На угловой кровати, словно у входа в чум, сидит, поджав ноги, пожилой сын тундры, которого все зовут просто Якут, с круглым жёлтым лицом, с широко раскрытыми чёрными слепыми глазами, и как всегда улыбается неведомо чему. Возможно, лучам солнца, осветившим стену.

Видит ли Якут это свечение, чувствует ли? Похоже, что нет. После трех безрезультатных операций врачи отступились. С самого начала никто к Якуту не приходил, передач не приносил. Привезли родственники из тундры, оставили на попечение государственной медицины да забыли, никто не думает забирать обратно. Живет себе: тепло... темно... кормят четырежды в сутки, Якут улыбается.

Морщины концентрическими кругами исчертили плоскость лица. От губ через щеки вверх к вискам, встречаясь на лбу. Чем шире улыбается Якут, тем больше круговых морщин возникает, когда смеётся, не лицо – срез столетнего кедра.

Говорят, если ночью включить свет, Якут сидит в той же позе и улыбается. Он всегда готов капаться первым под руководством Флоры. Своих лекарств, дефицитных, тех, что родственники достали бы по большому благу, Якут не имеет, поэтому ему перепадает то, что есть в больнице: альбуцит и еще какая-нибудь дешёвая витаминная ерунда, абы хоть немного пощипало, и то хорошо, и то уход. А каково слепому в тундре? Никто не знает, даже завотделением Лебедушкина, каждый раз дотошно выпрашивая Якута, когда за ним приедут родственники, на что Якут только улыбается многослойнее.

– Придётся вам ещё одну операцию сделать, – пугает Лебедушкина.

– Делайте, – кивает слепой, радуясь невесть какому счастью.

И Лебедушкина уходит ни с чем: операция без улучшения зрения не улучшит показателей отделения, здесь и приписки не помогут. Слеп Якут на все сто процентов, про такого уже никак не напишешь: «в послеоперационный период наблюдалось улучшение остроты зрения на 1,5 процента».

- Приснится же такое, – повторяет Саня, садясь на кровати.
- Что? – интересуется бодрствующий Якут.
- Чёрте что и сбоку бантик.
- Давай, соври на прощание, – просит футболист Славка, отслоечник, которого сегодня выписывают, – веселей будет капаться с Флорой.
- Опять про Трупичкину, небось?
- Саня ожесточенно крутит головой, разминая затёкшую шею:
- Про неё, щучку. Про её молодые студенческие годы, чего она тогда вытворяла. Вечером расскажу, жутче бояться будете.
- Меня вечером не будет, – произнёс Славка довольным голосом навсегда выздоровевшего человека.
- А тебе про то и знать не надо, а то не женишься ещё, испугавшись.
- Смотри, Саня, – говорит Машинист, – узнает Галатея, зарежет тебя как-нибудь на столе совсем... в виде экстраординарной ситуации.
- Да пусть режет, разве я против? Она, матушка наша разлюбезная, большая на то мастерица.

Флора вкатила свою хрустальную этажерку в палату. Якут улыбается в её сторону изо всех сил, как полагается закидывает голову, медсестра с двумя пузырьками идет к нему. Закапывает.

– Эх, хорошо сегодня щиплет, – блаженствует Якут.

Слепой Сашка тоже довольствуется казенным лекарством – финансы не располагают к дефициту, да и блата нет, зато у Геннадия Галактионовича целая личная аптека с десятками пузырьков, которые он уже выстроил на тумбочке. Галактионыч попал в больницу по настоянию жены, а так видит неплохо, даже без очков обходится. Сашка высказывает догадки, начиная прямо с утра.

– Галактионыч, который день за бесплатно паришься?

– Третья неделя пошла, – сообщает тот, аккуратно растворяя веки пальцами под меткую пипетку Флоры.

– Устроила твоя жена себе отпуск за твой счет. Хоть бы раз к ней наведалься домой под вечер, посмотрел, чем она там дышит.

– Мы с родителями живём, – сообщает Галактионыч, старательно моргая, перед очередной порцией.

– Чьими?

– Её.

– Ха, так они тебе и сказали, ночевала тучка золотая дома али на груди утеса-великана соседского.

Галактионычу немного за тридцать, он замолкает, не желая распространяться на скользкую семейную тематику.

Это маленький, пухленький, немного напуганный исследованием его глазных органов человек, и определила его сюда совсем даже не жена, а её отец – высокопоставленный партийный функционер областного уровня. Но, к счастью для Галактионыча, Лебедушкина про тестя ничего не знает, ей достаточно того, что сам Галактионыч в горкоме партии работает

референтом, птицей невысокого полета, а и то легко попасть под нож, узнала бы про тестя – давно зарезала.

Однако у ГэГэ ничего не находят серьёзного, просто глаза быстро устают от чтения партийной прессы, это и подозрительно. Его пристроили по огромнейшему благу в горком, передовицы с утра второму секретарю обсказывать, доклады писать с филфаковским образованием, да на побегушках бегать, а он читать ту прессу оказался не в силах – проруха с работой выходит.

– Давайте, Вячеслав, закапаемся напоследок! – говорит Флора футболисту.

– Закапайте его Флора, а уж вечером сегодня ему жена закапает!

– А разве вы, Слава, женаты? – спросила вдруг Флора не обесцвеченным, а вполне нормальным, человеческим голосом.

– В эту пятницу свадьба будет! Женится наш футболист.

– Поздравляю. Но в футбол теперь вам играть нельзя ни в коем случае.

– Это да. Посмотрим, чем заняться. Хотя чёрт его знает, что делать? Больше трёх килограмм не поднимать, в наклон не стоять, на машине не трястись, сплошные ограничения.

– Ничего, – Флора профессионально исполнила свой долг и обычным механическим тоном добавила, – годик побережетесь, там легче будет. После вашей операции четыре месяца пациент нетрудоспособен.

Флора равнодушна ко всем больным сразу и к каждому в отдельности. Самое равнодушное в ней – маленькие, круглые, слегка навязат глазки, уютно живущие меж ровных надбровных дуг и белых щек пампушками. У неё сильные белые руки надутой сосисочной формы, а особенно ноги. Сделав своё дело, она легко, без малейших усилий выкатывает огромную этажерку с медицинской стеклотарой из палаты, и все, кто может, следят за ней, даже тихий утлый человек Галактионыч, даже слепой Сашка, кажется, начинает видеть.

– Мощный голеностоп, – отмечает Славка-футболист, – аж жениться чего-то шибко охота, глядя на нашу Флору.

– Вот женишься, – будет тебе разом и флора, и фауна!

– Ага, многообразие дикой природы.

Медсестра слышит, но не реагирует, пропуская досужие фантазии больных мимо ушей, везёт аптеку на колесах далее по маршруту.

– Муж-чи-ны!... Ка-пать-ся!

Сашка безнадежно вздохнул:

– По половицам чую, весома женщина! Должно быть, жутко хороша в деле!

– Метр восемьдесят, не меньше, и при габаритах, – дал спортивную характеристику Славка, – её в воротах здорово ставить, плечи – не прошибёшь! Я таких уважаю. Это ж надо, в пятницу женюсь!

– Больше трёх килограммов не поднимать, а невесту из загса на руках потащишь?

– Сама пойдёт, как миленькая.

– Эх, хорошо тебе, Славка.

– Да уж, разумеется, неплохо.

Одному Славке везло с утра пораньше, а всем остальным обитателям палаты номер восемь не очень.

– Саня, ну соври чего-нибудь, а то скучно.

– Давай, сон рассказывай что-ли, не жмись, – требовательно просит Машинист, – пока Нонна Викторовна не пришла.

– Пусть придёт, – соглашается Саня, – да натрёт тебе задницу спиртиком, сразу нескучно станет. Ладно, так и быть, расскажу.

И не торопясь обсказал в подробностях про щучку-Ромуальдовну, обкусавшую жерлицу и попавшую по зимней голодухе в городскую квартиру на просмотр видео.

Мужики зачарованно слушают, потом начинают хвалить рассказчика:

– Складно врешь, как по писаному.

– Что приснилось, то и вру. С меня взятки гладки, – отрезал Саня с обычной иронией, сидя на краватив самодовольной позе – ноги калачиком.

Занюхав запах спирта донесшийся из коридора, Якут ещё больше, чем для Флоры повеселел, задвигался на кровати, начал прибираться.

Когда Нонна Викторовна вошла с подносом, на котором разложены десятки наполненных шприцов, он поднял плоский нос, втянул воздух наслаждаясь, сказал: «А, хорошо!»

Ему непонятно, зачем спирт надо расходовать на задницу, а спросить за всё время так и не осмелился. Якут очень любит, когда приходит Нонна Викторовна. Зрячие тоже ждут: очень красивая женщина. И уколы хорошо ставит, безболезненно.

– Нонна Викторовна, мне, пожалуйста, со шлепком.

Нонна Викторовна шлёпает так быстро и легко, что сам укол не чувствуется.

Машинист рассыпался в благодарностях:

– Эх, все бы так! Большое спасибо! Лёгкая у вас рука, Нонна Викторовна! А вот девчонку-практикантку как-то попросил со шлепком, она иглу засобачила чуть не до кости, а потом как шлёпнет по тому же месту со всех сил! Яп-понский городской!

Нонна Викторовна спокойно улыбается:

– На здоровье.

День прошел бессмысленно, в лежачем положении донимали сомнения: «Стоит ли?» Других вызывали на процедуры, самой страшной из которых, по мнению большинства, являлся укол под глаз, исполняемый непосредственно в процедурном кабинете на деревянном стуле с высокой спинкой, на которую велели откидывать голову и не дёргаться. Этого не любили все, за исключением Сани, который, приходя с процедуры, запрыгивал ноги-калачиком на кровать и говорил: «Хорошо, с хрустом

черепушку пронзила. Сладко!» Машиниста от этого передёргивало, он ругал Саню, обзывая мазохистом, требовал заткнуться, не то сам врежет ему с хрустом. И даже со скрежетом.

Саня смеялся, молчал некоторое время, а потом повторял с выражением:

– Хорошо, сладко!!! А давайте пожрём для разнообразия?

Присутствующие мгновенно вдохновились идеей, начали готовить стол к внеочередной трапезе, отвлекающей от неприятных процедур. Один Денис не принимал участия, лежал на голодной диете не поднимая головы. На третьи сутки спина болела так, будто таскал мешки с мукой на мельнице. К вечеру появилось ощущение, что позвоночник сломался.

А уже ночью случилась неприятность с Машинистом. Он и днём жаловался на боль в глазах, в тёмной палате долго болтали, дольше всех Машинист. Потом, когда большинство уже спали, вдруг заорал:

– Глаз не могу закрыть, яп-понский городской!

– Почему? – удивился Денис.

– Словно режет веки ножами, когда закрываю. Да что же это такое? Вытащили ведь мне стекла уже, а так режет, будто снова насыпали.

– Ему пацаны стекло в кабине тепловозной кирпичом вынесли, глаза и замусорились, – пояснил Денису Саня.

– Так удалили же стекла, – простонал Машинист.

– Иди сестре дежурной пожалуйся.

Закрыв ладонью глаза Машинист на ощупь побрел из тёмной палаты в светлый коридор.

Медсестра сидела за столиком, читала книжку. Первый час ночи. Только все успокоилось, а тут мужик шлепает не по форме босиком, стонет, как маленький.

– Что у вас, Ларионов, опять приключилось?

– Веки не могу закрыть, режет как ножами. Врача можно?

– Это ваша палата хохотала два часа? Вот и досмеялись.

– Страшно режет, будто снова стекло в глазах. Можно, врач посмотрит?

Сестра нахмурилась: думала без неприятностей ночь пройдёт, нет, не получается. Врач-то есть, как не быть? В ординаторской сидит, сама Панацея Евлупьевна сегодня дежурит, но не одна сейчас. В двенадцать ночи в ординаторскую прошёл Лев Игнатъич, с медсестрой поздоровался чин чинарём. Сначала дверь имела небольшую щелочку, через которую пробивался чрезмерно яркий свет, коим славятся неоновые лампы, расположенные внутри, а недавно та щелочка исчезла. Дежурная медсестра контролировала процесс. Значит, дверь закрыли изнутри, в противном случае она немного отходит. Идти стучаться? Беспокоить людей? О-о-ой! Беда с этими больными! А вдруг у них там кушеточный процесс в самом разгаре? Сожрёт Панацея с костями, две недели будет гонять – зло срывать, роздыха не даст. Что делать?

– Идите обуйтесь и пижаму оденьте, – приказала больному, – сейчас позову вам врача.

Убрав больного, тихонечко, вежливо постучалась. Дверь открыли почти сразу. Значит, не успели. У сестры отошло от сердца. И Панацея смотрит весело.

– В восьмой палате у больного Ларионова обострение, жалуется, – доложились сестра.

– Посиди, я скоро, – сказала Лебёдушкина в ординаторскую Льву Игнатьичу, и пошла смотреть Машиниста.

Уставив челюсть на приборную подставку, тот терпел изо всех сил.

– А вот вижу, – сказала врач по-прежнему весело, будто продолжая беседу с кардиологом, высветив глаз, – стекло вышло. Сейчас уберём.

– Так убирала... Галатея Ромуальдовна.

– Значит не всё. Внутри глаза стекла не видно, заметно делается, когда выходит. Минуточку, обезболим. А теперь потерпим.

Вынув, заторопилась.

– Идите в палату.

– Всё?

– Всё.

– А шлифовать глаз не надо? Мне Трупичкина шлифовала.

– Не надо. Идите. Кстати, после этих процедур может начаться помутнение, вас предупреждали?

– Что-то такое Трупичкина говорила.

Машинист возвращался в палату, размышляя на ходу: одна говорит надо шлифовать, другая – не надо, зато про возможное помутнение глаза обе в один голос поют. Мол, если что, мы предупреждали. Если нет – вот какие мы молодцы. Никто ни за что отвечать не хочет. Только машинисты да стрелочники всегда виноваты, у остальных природа в ответе. Да итит твою мать!

Панацея торопливо простучала каблучками в ординаторскую, бесшумно отворила белую дверь, Лев Игнатьич сидел за столом, шевелил плечами, читал журнал, вздыхал. «Дождается», – подумала Лебёдушкина радостно.

Вернувшись в палату, Ларионов опустил на кровать, прикрыл глаза – вроде бы не так режет.

– Денис, – произнес он тихо, – вот у тебя высшее образование, скажи, с какого возраста у детей совесть появляется?

– Совесть? У детей? Не знаю.

– У некоторых никогда не появляется, – вмешался Саня, – некоторые граждане всю жизнь бессовестными проживают. У меня лично в первом классе проснулась, как сейчас помню, когда учительше кнопки на стул подложил. А у соседей наших сверху до сих пор никакой совести, всю ночь до утра могут пить-гулять, до других людей им никакого дела нет.

– Вот у тех пацанов, что мне глаза выстеклили, тоже совести нет пока, – вздохнул Машинист и лег.

В последние минуты перед тем как Денису ехать на операцию, на соседа Геннадия Галактионовича вдруг напало желание поделиться сокровенным. Может, и правильно. После операции люди умолкают. Про свое молчат, а заодно и чужого не выдадут. Больно разговаривать.

Геннадию Галактионовичу всегда и везде было плохо. Он повсеместно чувствовал себя чужим, инородным телом: и в горьком партии, где трудился референтом, и здесь в палате, и в доме тестя, и даже в присутствии жены, тихой, спокойной, в голову лезла одна и та же идиотская мысль: зачем я здесь? Для какой радости?

И это, несмотря на то, что по сути жена была ему единственной родственной душой во всем мире, с ней только и можно поговорить тихо про обуревающие горести. Она не отмахнется, будет печально слушать хоть десять часов подряд, но сейчас в палате её нет с ним и не с кем поделиться накопившимися несуразностями жизнеустройства. Он искал: с кем? С кем? Нашел Дениса, которого недавно привезли из другой палаты.

Тот никого ещё толком не знает, встать ему нельзя, и он, как и ГэГэ, не ест с мужиками за общим столом, тоже всем чужой. К тому же сейчас его отвезут на операцию, где будет жутко больно, из-за которой он позабудет всё, что ему расскажет ГэГэ, и это хорошо. Короче, Денис самый подходящий собеседник, с кем ГэГэ может поделиться наболевшим.

Шепчет Галактионыч на ухо, почти причитает: «Жена моя – бедное, нежное создание, очень болезненная женщина. Жаль мне её было очень, вот и женился, а совсем не по карьерным соображениям, как приписывают недоброжелатели. Не принимал в расчёт, что папа руководящий работник, конечно, он печётся о ней, даже чрезмерно, ну и обо мне стал заодним. Со зрением чуть заминка произошла, так сразу сюда пристроили, в глазную хирургию, где лучшие спецы работают, но спецы-то по резанью, а я не хочу, чтобы мне в глаза лезли инструментом металлическим, раз слезят – посмертно будут резать – посмотрите вон на Александра. Сколько операций было – сам не упомнит, а всё слепой».

От таких рассуждений внутри Дениса йокнуло. «Отказаться, пока не поздно? Но уже отлежал трое суток без движения. И сколько можно на безголовых девушек смотреть? Пусть делают. Вон, Славке сделали, видеть стал, так сразу женится человек. Но больше трех килограммов не поднимать. В наклон не работать. А что если завязать левый глаз повязкой? Чёрной? Под Кутузова? Тогда девушки сами начнут обегать за три версты. Да чего там, надо рискнуть, дети терпят, нам ли взрослым людям с высшим образованием бояться медицинской науки?»

Пришла врач Трупичкина, дала шариковую авторучку подписать бумагу, что Денис не будет иметь к больнице претензий, если в случае форсмажорных обстоятельств ему во время операции придётся удалить глаз. Сердце замерло, тоже почувствовав себя отдельным донорским органом.

– А у вас часто бывают... форсмажорные обстоятельства? – с нервным смешком спросил пациент.

– В моей практике ни разу.

«При чем здесь вы, если операцию будет делать Лебёдушкина?» – удивился Денис. Но уточнять подробности не стал, расписался. Однако Трупичкина всё равно ушла недовольная. Будто не так расписался, не в том месте или некрасиво, в общем и целом не понравилась ей подпись чем-то существенным.

Около половины десятого в палатную дверь заехала длинная каталка, толкала которую страшно знакомая девушка, та самая, которой он нечаянно отрезал голову лазерным гиперболоидом и получил отслойку за прегрешение. Голова по-прежнему извивалась, горя и не сгорая в голубом факеле.

Вот, начинается. Она приехала за ним! Именно она!

Теперь ясно, чей голос Денис слышал из коридора, лёжа в отдельной палате. Думал, что чудится. Нет, брат, то предупреждение было, а сейчас состоится окончательная расплата. А для чего ещё явилась в белом халате с каменным лицом, когда и без того поджилки трясутся?

Стала понятна кармическая сторона дела: это в нашем мире он поигрушечному лишил её головы, а где-нибудь в соседнем измерении всё произошло в кровавой реальности, там она была Марией-Антуанеттой, а он палачом: взял на себя большой грех. Ясно, в какую сторону сия посланница развернёт дело, оказавшись участником операции.

Возможно, что обратно его привезут в палату на этой каталке уже без глаза, или вообще не сюда привезут, а сразу доставят в морг.

Последнее обстоятельство, с точки зрения классической йоги, даже лучше, душа настрадается вволю, получит очищение и выпадет из общего круговорота, успокоившись навсегда в нирване.

Сразу видно: не настоящая медсестра привезла коляску, практикантка медучилица, но всё же из другого мира, как только встречается – немедленно идёт к нему. Тот раз в автобусе и сейчас опять приближается с неотвратимой закономерностью по его бедную душу:

– Кто Денис Иванов?

– Я, – признался несчастный обречённо.

Бороться не имеет смысла. Он согласен на любое наказание.

– Перебирайтесь на каталку. Помогите ему, товарищи.

– Я сам.

Но его втащили на твёрдую поверхность, сверху накрыли белой хладной простыней. Нет, даже не санитарка это, толком возить не умеет.

Чуть дверь не разбила в щепки и ногами вперёд вывезла. Посланица возмездия.

Лет от силы семнадцать, никак не больше. Посмотрела испуганно, упёрлась ... и повезла такого большого такая маленькая, щеки уже надула, но ещё не пыхтит. Тоже, наверное, в первый раз.

Вперёд, по коридору! Поворот, ещё поворот... и вот он, как премьер-министр на лимузине въезжает в огромную пустую залу для особых приёмов, залитую солнечным светом, но ужасно холодную.

Ага, вот и стол операционный! На нём будут резать. Зябко лежать в трусах на столе под одной простынкой и ждать! Ужасно!

Сопровождающая практикантка завращала рычаги, пытаясь поднять его до уровня стола, как ни странно, ей это удалось. Без спроса схватилась за оледеневшие ступни, потащила с каталки на стол.

– Я сам.

Денис переполз на стол неуклюжим тюленем, стараясь не напрягаться, чтобы не сдвинуть сетчатку.

– Холод жуткий в вашей хирургии, здесь, наверное, анатомка рядом с холодильником, чтобы далеко не таскать?

– Скажете тоже.

А сама взяла маленькие ножнички, вроде маникюрных, приблизилась вплотную, требовательно посмотрев в лицо, спросила со значением:

– Который у вас глаз больной, правый или левый?

И ножнички остренькие кверху подняла. Чуть не пощелкала ими, как парикмахерша.

Он просто вмёрз в стол. Точно, посланица. Или сумасшедшая? Что, в общем-то, без разницы. Неужели надумала сама операцию производить? Ножничками? А что? Может, она знает, что Денис ней случайно натворил через автобусное стекло, сейчас вырежет глаз и... растворится в воздухе бесследно, как её голова в голубом пламене. Где только бродит эта чертова Лебедушкина?

– Левый, – улыбнулся заискивающе, отвлекая сумасшедшую от идеи-фикс вырезать ему глаз ножничками, – вас как зовут?

– Аня. Вы не моргайте, ладно?

– Почему?

– Я вам ресницы остригу. Положено перед операцией.

– Ладно... стригите.

Зря Денис трусил, не доверяя юности медсестры, очень быстро и аккуратно та лишила его ресниц, классно работает. Главное – не больно... Так бы и вся операция.

– Что здесь? – раздался бешеный вскрик опоздавшей Лебедушкиной. Она ворвалась фурией, – кто позволил?

– На плановую операцию привезли больного, – вздрогнула медсестра Аня, – я его подготавливаю.

– Вы с ума сошли? Я вас спрашиваю, с ума сошли или что? Вы знаете, что эта операционная ещё не готова после ремонта?

– Мне сказали сюда везти. Врач Трупичкина. В ту, что на четвёртом этаже не получится, грузовой лифт сломался.

– А здесь операционная не обработана ультрафиолетом! Вы это понимаете своей дурной головой? Инфекция попадет во время операции, кто отвечать будет?

– Но я же не смогу завезти его по лестнице на каталке, если лифт не работает.

– Вы что, слов не понимаете? Здесь – нельзя!!!

“Ура, – подумал больной, – на сегодня операция отменяется! Значит, я кармически прощён. Может, завтра лифт починят? Хоть завтра, хоть послезавтра, только бы не сегодня!”

– Везите на четвёртый этаж!

Он тюленем шлепнулся обратно на каталку, девушка впряглась, повезла из светлой, ужасно холодной залы обратно в тёмный, зато теплый, почти родной коридор, уже тем совершенно замечательный, что в нём бактерий полно, а глаз не режут.

Ехал, наблюдая потолок и окрестности. Медсестра разогналась – торопится успеть вовремя. Когда проезжали мимо двух людей в белых халатах, стоящих почти вплотную друг к другу снова померещилось что попало, пришлось закрыть больной глаз. Ничего не померещилось. Мужская рука лежала на знакомой осиной талии. Денис прикрыл оба глаза, они пролетели мимо. Но их тормознула Трупичкина, которую держал в объятиях неизвестный доктор.

– Куда это вы повезли моего больного? – удивилась Трупичкина даже в большей степени, чем Денис.

– Панацея Евлупьевна приказала на четвёртый этаж доставить.

– Лифт же не работает!

– А здесь ещё не облучили ультрафиолетом, инфекция может быть.

– Ну... везите.

Медсестра Анька доставила прямо к двери лифта, нажала кнопку.

– Не работает!

– Что, дальше пешком? – поинтересовался больной, слезая с катафалка.

– Только потише, не бегите по лестнице. А то вылеживали свою сетчатку три дня, а теперь отвалится.

– Вдруг не отвалится?

В операционной взобрался Денис на стол, здесь тоже не теплее! А как неудобно лежать!

– Почему холодно в операционных?

– Чтобы бактерии не размножались.

Пришла Трупичкина в хирургической одежде, осмотрела стол с инструментами.

Он ещё ждал лучшую сетчаточницу города Лебедушкину, однако по решительному выражению лица Трупичкиной, с каким она вдруг

приблизилась к нему, понял, что на этот раз не дождётся: не надо было обманывать врачей импортным костюмчиком.

– А разве не Панацея Евлупьевна будет делать?

– Оперировать буду я! – непререкаемо резанула Трупичкина и сильнее нахмурилась.

«Накололи!» – подумал больной огорченно, и хлоп! В глазницу вставили кольцо, отчего моргать сделалось невозможно.

– Свет! – скомандовала Трупичкина.

Слева загорелся фонарь.

– Выше!

– Выше не получается, – ответила медсестра Анька, повертев какие-то ручки.

– Черт возьми! – Трупичкина перегнулась через стол, что-то покрутила, рванула фонарь вверх, он слетел со штатива, оказавшись у нее в руках. – Держите! – отдала медсестре. – Держите выше! Ещё выше! Вправо! Не влево, а вправо! Вы знаете, где лево, где право?

В глубине души Денис надеялся, что его усыпят и он ничего более не увидит и не услышит. Не хочется видеть этот ужас! Ждал, что вот сейчас Трупичкина наденет на лицо маску с хлороформом и наступит благословенная темнота. Но кольцо в глаз вставили, а маску так и не надели. Зато врач взяла здоровенный шприц, сказала ему: “Не дергайтесь, а то без зеницы ока останетесь” – и с размаха, действительно, с противным хрустом, которого боялся Машинист, воткнула иглу под глаз.

Он понял, что надо будет ещё многоночко претерпеть, схватился руками за специальные поручни, идущие вдоль стола, на котором валялся, напрягся, замер, готовясь пережить разрезание глаза, огорченно шевеля лишь пальцами ног. Знал бы, каково здесь придётся валяться, да ни в жисть бы не пошёл! Бог с ним, с народом этим, пусть безголовым ходит, раз такой есть! Ладно хоть Анька рядом, светит. И маленько греет.

Оставшись неусыпленным, он по-прежнему видел и слышал, обретая даже больший кругозор благодаря кольцу. Так одновременно наблюдался трясущийся фонарь в руках испуганной практикантки Аньки, её белое лицо, далее видел как Трупичкина режет ему глаз тем самым глазом и ещё уж совсем невероятное на стороне приглядел, постороннюю мужскую руку на пояснице согнувшейся над ним докторши.

– Как у вас тут дела обстоят? – полюбопытствовал невидимый ему хозяин руки, скрытый за Трупичкиной.

– Нормально, – обрадованно откликнулась Трупичкина, расцветая и делаясь значительно мягче лицом, – хорошо, что зашел, поддержишь меня морально, – и еще сильнее изогнулась.

Рука с поясницы переместилась ниже, оказывая необходимую моральную поддержку. Впрочем, судя по всему, не вполне достаточную. Мужской халат, застегнутый слева направо, приник к наиболее мягкой части бедер хирурга нежно, но страстно и сильно, это Денис уже не столь разглядел, сколько почувствовал, когда в его судорожно сжатый на поручне

кулак тяжело ткнулось мускулистое бедро Трупичкиной под воздействием коллегияльного чувства.

– «Зачем они сейчас? – горько думал пациент, переживая за судьбу разрезанного глаза, – обождать не могут разве?»

– Что у вас руки трясутся? – рывкнула микрохирург рассерженно, мужская рука тотчас слетела с её зада, – я вам говорю, медсестра, – уточнила Трупичкина. – На меня не светите, держите лампу ровно! И не трясите её, как дворник метлой! – Что это? – поинтересовалась она, скосившись на своё бедро, упершеясь в кулак пациента под влиянием внешних сил, – что это вы так напряглись? А ну–ка, расслабьтесь.

– Да, да, расслабьтесь, – пророкотал мужчина, – не нужно зажиматься. Говорю вам, расслабьтесь, куда ж так годится, а ну, дайте руку, пульс посчитаю... эка себя довел – двести ударов в минуту.

В воздухе остро запахло горелым и палёным одновременно.

– Аппаратура перегорела? – озаботился Денис.

Трупичкина как раз колдовала палкой, похожей на милицейскую дубинку, но с электрошнуром.

– Это мы вам сетчатку прижигаем, чтобы приросла по-новой.

– А... А то я думаю чего так сильно завоняло? А это глаз, тогда ясно.

– Попрошу молчать!

– Расслабьтесь, молодой человек, – повторил доктор-мужчина, – всё будет хорошо. У нас подобные операции в семидесяти пяти случаях из ста дают положительный результат.

Он по-прежнему не отпускал бедра хирурга.

«Ох, не мешал бы ей оперировать! А то вырвут глаз в связи с форс-мажорными обстоятельствами!»

– Вашими бы устами да мед пити.

– Напрасно, напрасно вы так на операцию настроились. Надо с любовью и расположением, – ласкательно провёл где-то позади Трупичкиной. – Тогда всё и получится.

В холодной операционной, где даже бактериям не под силу размножаться, к тому весьма тянуло людей в белых халатах.

– Лежите и не дергайтесь! – Трупичкина снова тыкнула милицейской палкой в глаз.

Запах гари усилился. По трубам больничной вентиляции он проник во многие палаты областной больницы, к нему принохивались: какое сегодня меню на обед в столовой? Пережаренные котлеты опять? Или жжёные шкварки в рассольнике?

В мужской палате номер восемь соображения по поводу долетевшего из вентиляции ветерка выразил Машинист:

– Проспали на кухне котлеты... или... кажись, сухари у них подгорели. Значит, будет суп с гренками сегодня на обед.

– С горелыми? Нездоровая пища, сплошной канцероген. Не пойду в столовую, – обиделся Геннадий Галактионч.

– А я обожаю поджаристую картошечку, – порадовался Саня, – на сале если. Хрустящую. Чего-то сегодня они раньше времени запахли.

В палату заглянула Лебёдушкина. Она была не в духе: второй день Лев Игнатьевич где-то пропадает, слышала его голос из ординаторской совсем рядом, а сам он так и не объявился.

– Почему на кроватях сидим? Сколько раз вам говорила: после утреннего подъёма все постели должны быть заправлены, и никто на них сидеть не должен! Встали, все встали! У вас стулья есть. Только лежачим можно лежать днем.

Больные поднялись, кроме Якута.

– Сыргапов, вас разве не касается?

Якут медленно слез с кровати и сел рядом на пол, поджав ноги под себя.

– Куда? – изумилась Лебёдушкина, – стульев не видите?

– Не-а. Мне так лучше. На стуле не умею.

Лебёдушкина заставила Якута сесть на стул, поучила немного сидеть и убежала далее наводить порядок в подведомственном отделении. Как и Трупичкина, она не любила долго пребывать в мужских палатах. То ли дело в женских, где её обожали слепые бабки, громко и протяжно величая матушкой–спасительницей.

Народ перелез обратно на постели.

– Давайте перекусим маленько, что ли? – Саня понюхал воздух, – разбередят душу эти столовские раньше времени. Володька, не в службу, а в дружбу, сгоняй за салом в холодильник.

– Я пойду, пожалуй, – сказал мужской друг хирурга, – буду ждать тебя... там... Скоро закончишь?

– Как смогу, постараюсь в полчаса уложиться, но ты дождись, – Трупичкина искательно оглянулась, одарив многообещающим взглядом.

После чего снова нахмурилась и пошла паять сетчатку короткими решительными тычками.

Сердце Дениса билось со страшной силой.

Через полчаса он начал повизгивать, следуя манипуляциям докторши.

– Уже зашиваю, – успокаивала она.

– Больно ...

– Действие укола закончилось, вот и больно. Не ставить же ещё один.

– Не ставить, – согласился болезный, – не надо.

– Всё, везите в палату, – побросав перчатки, Галатея срочно убежала куда-то вслед человеку с нежными пальцами.

Великая сила – служебный роман. Так, бывает, прихватит над распростёртой разрезанной плотью, верите – нет: сил никаких нет терпеть просто.

Еле шевеля отмерзшими конечностями, Денис перебрался на каталку, после чего был опять довезён до лестницы, там пешком, и снова на каталке до кровати.

Девушка везла старательно. Наверное, так же старательно и героически вытаскивала бы раненых с поля боя, под свист пуль и грохот разрывов на плащ-палатке, коли довелось воевать. Он её очень уважал, хотя и было стыдно лежать колодой, когда тебя везёт на себе практикантка, словно маленькая послушная лошадь пони. Многих бы вытащила и с передовой на своих узких плечах, многих бы спасла. Получила бы медаль. А потом какой-нибудь спасённый боец вернулся и женился на ней и стали бы жить-поживать, детей наживать.

Размышляя о чём попало размороженной головой, болезный катился на место.

Трупичкина определенно выжгла глаз. Как отвратительно, как ужасно плохо жить на свете и лежать на операционном столе, если во время операции хирурги телами тяготеют друг к другу с повышенным коэффициентом гравитации!

Уже в палате более взрослая настоящая медсестра наложила ему плотную повязку на оба глаза, чтобы вообще ничего не видел, не глядел на белый свет:

– Лежать двенадцать дней без движения вот так как сейчас, в этой позе, – пояснила она на прощание. – Ни в коем случае не переворачивайтесь. Положение головы на подушке тоже не меняйте. Судно и утку просите приносить товарищей, у нас мало нянечек, так что не надейтесь зря.

– Что, снова лежать? – изумился оперированный.

– А как вы думали? Двенадцать дней. Сейчас самое главное будет происходить – сетчатка прирастать, надо немного потерпеть.

“Господи, хоть бы видеть нормально! Согласен и на двадцать дней, но чтобы только результат положительный. Господи, хоть бы ничего плохого не случилось!” – взмолился комсомолец, и до самого отбоя пролежал, верша разнообразные молитвы, выдумывая их очень легко и просто, как бывает, когда беспомощен: ни сесть, ни встать, и ничего-то у тебя существенного нет, кроме слабенькой, весьма сомнительной надежды.

В туалете санитарки мыли судна, гремя ими, громко разговаривали между собой, не боясь в эти грязные минуты жизни никого и ничего на свете. Каждая твердила про себя: а пусть только скажут чего, тут же кину заявление и уйду! Надоело!!!

– Сегодня Лев Игнатьевич, друг сердешный наш из кардиологии-то, прямо крутится весь день в отделении, будто на работу сюда перевёлся.

– Это который Панацеин? Так он здесь и прописался почти, живёт, можно сказать ...

– Живёт-то живёт, только не с тем, с кем надо!

– Да ты что, правда что-ли? Евлупьевне отставка вышла? Смелый какой мужчина оказался. А кого присмотрел?

Раздосадованная Лебёдушкина летела по коридору стрелой, вызывая священный трепет прочего персонала, но не пожилых санитарок, уставших возиться в больничном дерьме, и желающих хоть сейчас уйти работать в

поликлинику, где мыть надо одни коридоры с кабинетами, да в потолок поплевывать!

Мимо ушей заотделением не ускользнул нарочито громкий разговор.

– А кто знает, смелый он или просто глупый, раз вот уж несколько дней Ромуальдовне предпочтение отдает, всё с ней шушукается, по тёмным местам укрывается, да оглаживает, будто утюг простынь. Сегодня так прямо в коридоре обнимались.

– Ты что? Дошли, стало быть, до ручки.

– Знамо дело. Сейчас опять в разгрузочной комнате уединились.

– Вот тебе и здарсьте!

Лебёдушкина не сдержалась, вошла в туалет:

– Куда ставите судна? Чистые несите сразу в положенное место. Что за безалаберность? И вполне здесь справится одна Полина Сергеевна, а вы – немедленно полы мыть в первой палате!

– Помыли уже.

– Я сказала – немедленно! Русский язык понимаете?

– Понимаем, понимаем.

– Отставить пререкания! В первую палату прибираться, немедленно!

Шагом марш!

Разогнав санитарок, Лебёдушкина кинулась в красный уголок. Впрочем, что значит кинулась? Шла мимо, толкнула дверь – закрыто, как и должно быть. Ибо закрыт он всегда, за исключением редких случаев политбесед.

В этот раз не поверила, ещё постучалась и добились-таки, что ей открыли.

В уголке оказались застигнутыми Трупичкина со Львом Игнатьичем очень взволнованы оба. Причём Лев Игнатьич открыв, сразу отскочил куда подальше, а Галатее застыла посередине комнаты расстрёпанная, расстегнутая, вжав голову в плечи от испуга. Очень некрасивая. Даже наскоро Лев Игнатьич поразился, зачем он с такой уродиной спрятался от Панацеи в красном уголке? Следует отдать ей должное: Лебёдушкина не стала производить следствие, зачем да почему, препираться, что да как, мигом отвесила гражданскому мужу полновесную пощечину, отчего голова последнего залихватски крутанулась на тонкой шее, как у цыпленка при разделке на полуфабрикаты.

И выгнала вон: «Больше не приходи! Никогда!» Этим никогда наказала и его, и еще более себя.

Ромуальдовна неожиданно оставшись один на один с начальницей, испуганно затрепетала веками, смикитив, что секунд для благодатного общения у неё немного, после чего резво кинулась на взволнованную грудь начальницы, с учётом того, что была согнута от страха в спине бобылкой, всю жизнь протаскавшей на плече коромысло, и быстро-быстро залепетала простые теплые слова, не давая Евлупьевне крикнуть на неё, ибо если крикнет, то всё кончено, а если послушает, то может, ещё и послушается:

– Прости, родная моя, виновата перед тобой теперь на всю оставшуюся жизнь. Не сказала вовремя, что... прижимает меня Лев Игнатьич в коридоре, то в операционной схватит, а вот и сюда затащил, ключ откуда-то взял, не знаю...

Лебёдушкина покраснела: “Подлец! Дала ему ключ для встреч, так он другую сюда припёр, бессовестный наглец!”

– Прости! – Трупичкина тихо приобняла разогнувшись, и притянула уже начальницу к себе, целуя в кудряшки, лоб, висок.

– Да ты-то здесь при чём, – оттолкнула её Лебёдушкина, – столь же виновата, как и я. Обе дуры бабы.

Но Трупичкина прижала к себе голову начальницы и на прощание чмокнула в щечку, как совсем родную, нашенскую, обманутую, бабскую.

После того случая в красном уголке изгнание кардиолога Льва Игнатьевича произошло отовсюду из отделения офтальмологии (наказ всем: чтоб ноги не было! Посторонним ход воспрещен!!!) из дома Евлупьевны, из всех щелей, как мерзкопакастый таракан, меткими, хлесткими ударами был изгнан неустойчивый ухажер. На его будущем мужа поставлен жирный окончательный крест. Не то руки подать, здороваться с ним перестали врачи глазные, а вслед за ними и медсестры, даже санитарочки и те прильнули к женской глазной коалиции, хотя по всем другим вопросам составляли сильнейшую контру управляющему персоналу. Но здесь солидаризовались: Лев Игнатьевич – козёл! И нечего ему на этаже делать, зря ходить, пол топтать!

Зато акции Трупичкиной после данного неприятного происшествия, как ни странно, резко пошли в гору. Не только в отделении ещё более сблизилась, дома у Лебёдушкиной тоже. На диване сидели по-сестрински тесно, обнявшись за талии, сплотив плечи, обе одним мужчиной обиженные до скончания века. Так и разговаривали, обсуждали текущие вопросы, и кино смотрели, обнявшись.

А однажды и того больше, одной рукой продолжая крепко обнимать, пальчиками другой, как бы забывшись от удовольствия, Трупичкина провела по голой шее хозяйки и по открытой части груди. Медле-н-но, и при том упорно глядела, как собственные пальцы струятся по горлу начальницы, как бы и сама поражаясь собственной смелости. Панацея заморожено восприняла это действие, молчала удивленная, не зная, что предпринять. А Ромуальдовна ещё крепче прижалась, стала нежно целовать шею и расстегивать пуговицы халата, гипнотизируя хладнокровной медлительностью.

Евлупьевна совсем притихла, нахохлилась и халат на груди расстегнуть позволила.

“Не позднее, чем через неделю, – думала Трупичкина, совершая подготовительный разогрев с обычной медлительностью хладнокровного пресмыкающегося, оказавшегося на теплом диване, у теплой груди, – сброшу тебя на пол и истопчу всю. Тогда будет и мне полный кайф”.

Сынок делал в другой комнате уроки, проверять которые нынче вошло в почетные обязанности Трупичкиной, а прежде Лев Игнатьевич проверял.

Каждую свободную минуточку проводила теперь Евлупьевна с Ромуальдовной вместе.

Сошлись Лебёдушкина с Трупичкиной окончательно и бесповоротно на главной тропе международной эмансипации: раз нет мужиков нормальных, одни козлы кругом носятся, рогами о стенки стучат, то и ладно, и без них прекрасно обойдёмся. Своими собственными женскими силами построим личное и семейное счастье.

8.

Что же будет? Что со мной теперь будет? Вечная темнота? Я навсегда слепая... никто меня не полюбит... кому нужна слепая жена? Даже просто слепая девушка... никому не нужна... будут жалеть слепенькую... и обходить сторонкой...

А при чем здесь девушка? – удивился Саня спросонок, – чего это я разнылся фикось накомь? Прелезет же в голову, слава богу, не первый год замужем.

Но посторонние мысли лезли и лезли, отталкивая собственные сны в сторонку, опрокидывали в небытие, а сами выскакивали яркими обжигающими вспышками, как близко вспыхивающие огни фейерверка в липкую осеннюю ночь:

... слепенькая буду... слепенькая... дома буду всё время сидеть... пока папа с мамой живы, а как умрут, то определят в какой-нибудь приют инвалидов, койко-место выделят, буду сидеть на той койке до старости в беленьком платочке, никому не нужная, а в столовую по стенке добираться.

«Все состаримся, и все помрем, уймись дура, чего расхныкалась без толку?»

Но тоненький девичий голосок продолжал стонать в уютном, тёплом пространстве саниного сна, сопровождаемом внешне обычным храпом и ворочанием крупных мужских тел на разболтанных казённых койках.

... и Митя не посмотрит в мою сторону, а если посмотрит, то все равно не увижу, и хорошо, что не увижу, потому что подумает при этом: слепая... не пойду больше в школу. Никогда. Ни в какую, никуда, в школу для слепых тем более... Никто, ни один человек не будет отныне смотреть иначе, как с мыслью, глядя, что запуталась с палочкой на тротуаре: «Перевести её, что ли, через дорожку?»

Никто мне не нужен! Сама... умру... и никому не буду в тягость... ни Мите... ни папе... ни маме... и всем будет лучше. Похоронят... поплачут... и легче им станет, что я больше не мучаюсь на этом свете... Митя, может, и плакать не будет... забудет и всё. Пока я жива, ему неудобно дружить с Валькой, а как не станет меня, чего стыдиться? И папа с мамой тоже поплачут-поплачут и успокоятся: у них есть ещё Андрюшка, а так со мной придется плакать весь остаток дней, с химичкой слепошарой, даже обругать не смогут богом обиженную...

Боже, за что? Не хочу, не хочу больше жить, забери меня к себе, пожалуйста, здесь я уже настрадалась. Зачем в потемках шариться ещё пятьдесят лет? Не хочу! За что ты меня так наказал? Что я тебе сделала? Не буду больше страдать, не буду, не радуйся! С меня довольно!

Сашка заворочался, проснулся. Не хватало ему чужое нытье слушать. Лежал, внимая рассветным звукам и ожидая призывного жизнеутверждающего вскрика Флоры.

Рано утром раздался протяжный девичий вопль. Денис еле оторвал затекшую шею от подушки, кругом темно, схватился за глаза, ощутил повязку, вспомнил про то, что нельзя вставать, и лёг обратно в указанную позу.

Девчонка продолжала визжать где-то неподалеку от их палаты что-то невнятное, вроде как: «Отпустите». Мимо простучали каблуки дежурной медсестры, потом еще чьи-то тапки пробежали. Крик перешёл в глухие рыдания и быстро стих.

– Что такое случилось?

– Сейчас схожу гляну, – отозвался Володька, – разоралась какая-то ни свет ни заря.

Но сходить не успел. В дверях нарисовался Сашка в одних трусах и босиком, довольная улыбка играла на грубоватом лице, прошлёпал к своей кровати, сел, начал натягивать пижамную куртку.

– За ножку девочку поймал, – сказал сладенько, чувственно причмокнув, будто маньяк сексуальный, – дергалась, дурочка, но не сильно, от меня не уйдёшь! Руки ещё ого-го! Она какие! Сколько я ими раствору перетаскал на стройке! От меня не уйдёшь, и думать нечего! – повторил задумчиво, – а тоненькая ножка оказалась, прямо страшно: думал, оторвётся, жиденская ещё совсем щиколотка. Но ничего, втащил помаленьку.

– Какую девочку? Зачем? – прервал тёмные речи Володька.

– В коридоре отловил, еще немного бы и ушла, брыкается, визжать вздумала дурочка, всех перебудила. Ага, побрыкайся мне тут, размечталась! Да молодая шибко, лет четырнадцать, не больше. По щиколотке судя. Не соображает ничего, а я быстренько усмирил, вот помяните моё слово: сегодня выпишут её за такое поведение, лишнего часа держать не будут, верьте, я Лебёдушкину природу знаю, она церемониться не станет.

– Какое поведение?

– Само собой нехорошее. Ладно, расскажу с самого начала, всё равно проснулись. Лежу я, слушаю, кто чем дышит. В пол шестого чуть этак послышалось, будто дверь в какой палате тихонько приоткрылась. Ну, думаю, проснулась первая старуха до туалета. Открылась дверь и ничего – тишина. Парализованная, что ли, какая так долго выкарабкивается? Дверь-то, чувствую, держат, в обратную сторону не пускают. Долго держали. Кого дожидается? Али сестра дежурная переспала часок-другой в палате, а теперь в засаде стоит, наблюдает тоже, кто чем на рассвете дышит? Нарушение

режима слушает? Ан нет. Задвигалась тихо-тихо. Дежурные так не ходят, чтобы в час по чайной ложке. Но все равно чувствительно, как тапочки по линолеуму крадутся. Чего, думаю, надо кому так по коридору ползти? Всё равно дежурной сестры на боевом посту нет, спать ушла в палату. Не слышно её давно: стул не скрипит, страницы не шелестят, большими грудями не вздыхает над романом своим, нет её. А эта тогда чего боится? Сбегаёт, что-ли? Или на свиданку вздумала? Так пёрла бы по-быстрому, чего ей посередине коридору прятаться, дуре слепой, пока никого нет?

– Слепая, что ли?

– Напрочь, как я, но недавняя, неуверенная. Слепые и зрячие по-разному движутся. А тут вдруг затихла и минут десять на одном месте пыхтела. Чуть меня не сморило, засыпать начал, вдруг – щёлк! Шпингалет оконный в коридоре! Ага, ясное дело, что удумала. Прыг я с кровати и босичком в коридор наладился потихоньку, знаю, что не увидит, а всё ж надобно тихо подкрасться. Только и успел случайно за ножонку схватить. Она-то совсем было туда уже вниз головой нацелилась.

– Прыгнула?

– Выпасть размечталась. «Эх ты, дурочка, третий этаж всего, убиться не убьёшься толком, с такой высоты, а руки – ноги переломаешь обязательно, ну позвоночник, может, вот будет родителям счастье от тебя на старости лет – от парализованной, не дай бог», – говорю ей это, а сам тащу обратно в окно, на подоконник. Та визжит поросёнком, ножонками сучит, жить не хочет. Нет, от меня не отобьёшься, не дам дуру свалить. Сестры набежали, принялись обнимать-целовать, уговаривать. А чего уговаривать? Ремня хорошего ввалить – быстро образумится.

– С чего решилась?

– Вчера после операции первый раз сняли повязку, оказалось, что по-прежнему ничего не видит. Щелочью в школе обожглась, опыты ставили. Плеснуло на оба глаза сразу и все. Да ещё лицо пострадало. Понять можно, а допускать нельзя. Сообразила прыгать ночью, когда дежурная спать уйдёт. Вызнала порядки, хитрая какая. Сегодня же с утра и выпишут, пусть её дома папа с мамой караулят теперь. Лебёдушкина таких историй не любит. После первых операций прыгать! Мне уже за сорок штук зашкалило и то ничего! А я им – делайте дальше! Мне бы хоть чуть свет померещился, чтобы чашку видеть, и слава богу. Я остаток жизни бога благодарил бы и жил припеваючи. А тут, вишь, раз – и в окошко. Жить не хочу! Мала ещё не хотеть! Кто бы тебе позволил не хотеть!

– Муж - чи – ны! Ка - пать – ся!!

– Давайте перевязку буду делать, – сказала пришедшая к Денису медсестра знакомым голосом практикантки, который не вызывал уже ассоциаций с параллельными мирами и не грозил карательными санкциями, напротив, сильно обрадовал.

Она присела рядом, не на стул, как вчерашняя медсестра, а прямо на край кровати и начала разматывать бинт, поддерживая голову одной рукой.

Денис не ожидал, что перевязку тоже будет делать Анька, думал – прежняя сестра придёт, от которой пахнет приторными духами, аж дыхание перехватывает. С Анькой легче дышится.

– Когда сниму, глаза не открывайте.

– Ладно.

Развязала неощутимо, закапала глаз чем-то прохладным, и обратно наложила повязку легко, будто не касаясь руками. Все практикантов заставляют делать подряд – на каталках возить, свет держать и перевязки делать. Жаль, что быстро ушла.

День выдался жаркий, в палатах окна растворили настежь, а душно. Денис снова решил не есть, и ему еду не носили.

– Володя! – закричала женщина снизу с улицы, – выйди, я тебя жду!

– Володька, жена пришла!

Володька быстро убежал, но скоро вернулся, сел на кровать, пнул тумбочку. Тот же голос снова позвал:

– Володя, выйди, у меня времени нет!

– У меня тоже нет, – Володька лёг на кровать, закинул руки за голову.

Дверь в палату отворилась.

– Владимир, к тебе жена пришла.

– Да знаем, не орите, видите, человек спит?

– А, ну так бы и сказали.

– Володя, я больше к тебе не приду, раз ты себя ведёшь по-хамски!!!

– И не приходи, – еще немного поразглядывав солнечные блики на стене, он вдруг вскочил и убежал из палаты вниз к жене, а она продолжала угрожать:

– Не приду, так и знай! Как ты мне устраиваешь фокусы, так и я буду!

Внизу Володька дернул супругу за руку, ломая рупор, сложенный у рта и направленный на третий этаж.

– Перестань орать!

– Володя, почему убежал? Я тебе штаны принесла с рубашкой, переодевайся быстрее, идём: у Лильки день рождения, посидим немного, успеешь в свою больницу, никто даже не заметит!

– Не могу я! – крикнул Володька, тараща глаза почти так же громко, как до него жена, – в субботу приду!

– А я, что, должна одна, что ли, на дне рождения сидеть? Переодевайся быстро, никто не узнает. Ну? Есть у меня муж или нет?

– Говорю, сейчас обход будет, дура, а потом на анализы!

– Ах, так? Дура, значит? Как zenки таращить – здоровые, а как с женой пойти, сразу больные! Да? Кому говорю – идём! Всё равно у тебя ничего не найдут, только зря бока отлежишь в этой больнице!

– Я сто десятый раз повторяю: здесь я не по собственному желанию, а по направлению медкомиссии. Если не пройду обследование, могут к работе не допустить, а то и вообще из шоферов турнут, этого ты хочешь?

– Шоферюга несчастный! Испугался! Из шоферов его турнут! Не бойся, не турнут! Никто даже такую болезнь не слышал, туберкулез глаза. Врут они! Пошли! Наши девчонки собрались, посидим немножко, хоть повеселимся.

– Не могу я, как не поймёшь?

– Правда, больной, что ли? Наши девчонки с мужьями да кавалерами припрутся, а я, как дура одна сидеть буду, платочек теревить.

– Не ходи!

– Ещё чего не хватало!

– Заколебала! – плюнул и убежал в палату.

Через секунду, как прилег на кровать, раздалось:

– Володя! Выйди на минуточку поговорить, а Володя?

– Да отвали ты!

– Я прошу тебя, Володенька, выйди! Тебе не стыдно? Жена надсажается, а он... бессердечный!

– ...

– В последний раз прошу... выйди, Володя!... Раз не хочешь – пеняй на себя! Одна пойду, раз не хочешь... Володя, ну выгляни?

Володька не выдержал, кинулся к распахнутому окну, молча погрозил кулаком.

– Ах так, да? Хорошо же, пеняй на себя! Больше не приду! Никогда!! Так и знай!

Володька бросился на кровать. Жена и не думала уходить.

Обиженный супруг закусил губу. Остальные сделали вид, что тоже не слышат. Одно плохо, голос жены Володькиной сильно достаёт до самого нутра, таким голосом орехи колоть и стекла оконные разбивать вдребезги. Ведьма баба.

– Вот глушилка! – недовольно морщится Сашка чуткий к звуковой ауре, и, видно, страдающий от неё так же сильно, как разрезанный и сожжённый Денис после операции. – Давайте, окна закроем, что ли?

Володька ожесточённо захлопывает рамы. В палате сразу делается душно до невозможности, а жену всё равно слышно.

– Володя! Я ухожу! Я к тебе больше никогда не приду, Володя!!! Слышишь? Ты меня слышишь? Так и знай! Не приду!!! В ногах будешь валяться, прощения просить!!

Вовка кинулся вниз, на свиданку. Всё повторилось.

– Не ваша жена кричит на улице?

В палату заглянул пожилой, низенький, толстый, лысый человек в чёрных очках и белом халате. Прямо как врач.

– Заходи, Борис Иосифыч, наша, наша орёт, да не стесняйся ты, заходи, поорёт и перестанет, – обрадовался гостю Сашка. – садись,

рассказывай, как там твоя жена поживает одна, после всего того, чего над тобой учинила. Почему не приходит кричать под окна? А?

Нерешительно улыбаясь, на ощупь, похожий на врача человек вступил в палату.

– Это кому тут у вас сделали операцию? – спросил он.

– Денису, молодой парень с сетчаткой, пока неженатый, надо с ним, Иосифыч, опытом поделиться. Давай, не увиливай, рассказывай, что да как, а ты, паренек, слушай умудрённого человека, мотай на ус, он плохому не научит, только всему самому хорошему. Иосифыч у нас врач, и не какой-нибудь терапевт общей практики или глазник, он у нас сексопатолог. Большой специалист оказался в своем деле, на практике доказал – на молодой в семьдесят лет женился, уговорить деваху – тоже уметь надо.

– В шестьдесят пять.

– Я и говорю – молодец. Вот Денис сегодня из-под повязки ничего не видит, я хоть как ничего не вижу, а должен же он знать правду-матку. Слышь, Денис. Иосифыч лысенький старикашка, маленький, а женат на высокой молодой девице и, говорят, красавица необыкновенная... Иосифыч, красавица жена-то?

Борис Иосифович застенчиво улыбнулся и кивнул, делая шаг в обратную сторону к дверям, но Сашка уже засёк его местоположение, приобнял мощной рукой за плечи, хлопнул по животу.

– И каким же образом ты её уговорил с этакой брюхенцией?

– Профессиональная тайна.

– Ага? Тогда расскажи молодому человеку: почему здесь очутился, на лечении в глазном отделении?

– Лекарство от глаз мне прописали чёрного цвета, жена перепутала...

– С чем спутала?

– С йодом.

– Йодом зенки тебе залила? Оба? Как успела-то?

– Она быстро. Медсестра.

– Да. Что тут скажешь? Специально закапала, чтобы не сильно наблюдал за её личными секретами по женской линии. Вот Денис наука так наука: не женись в старости на молодой, хуже будет!

– Вообще жениться не надо, – буркнул Володька.

– Ну, это смотря кому и на ком. Если смотреть нечем, то сначала надо сильно думать.

Борис Иосифович вывернулся-таки из лап бывшего строителя и стукнувшись животом о закрытую створку дверей, покинул палату.

– Володя! Я в последний раз тебя предупреждаю! Больше не приду!

9.

Зато в противодействие угрозам володькиной супруги, среди бела дня совсем не в обычное время процедур, в палату опять заглянула Нонна

Викторовна с большой резиново-брезентовой подушкой в руках, похожей на кислородную. Подошла к Машинисту:

– Ларионов? Разденьтесь до пояса и ложитесь на свою кровать для процедуры. Вам прописали азот.

Машинист стоял возле общего стола и жевал бутерброд с салом. Он быстро засунул остаток в рот, добавил туда же здоровый ломоть сала, чтобы противостоять очередной медицинской каверзе, послушно оголился до пояса перед красивой, статной Нонной и прилёг на живот, как ему приказали, доверчиво смежив глаза.

– Укол делать будете?

– Азот введём.

– Для чего?

– Врач назначила, ещё вопросы будут? Для ускорения заживления. Ларионов, лежите тихо, не ерзайте, пока иглу вводить буду.

– Интересная процедура, – подошёл Володька, – в спину что ли?

– Скажите спасибо, что в спину, а не в глаз.

– Спасибо, – сказал Машинист.

Нонна Викторовна уже ввела ему толстую иглу под кожу на лопатке, но больной даже не поморщился.

– Больно, Машинист?

– Нормально.

– Ты раздуваешься. У тебя воздух под кожей пузырем надувается. Лихо. Как воздушный шар, или горб. Он не взлетит, Нонна Викторовна?

– Если будет лежать тихо и спокойно, то никуда не денется. Лежите Ларионов без телодвижений, азот со временем сам выйдет, а часть в организме растворится, – медсестра властным движением выдернула иглу и унесла подушку с собой.

Зрячие ходячие потянулись со всего отделения на экскурсию смотреть на Машиниста, щупали спину и были поражены: до чего наука дошла!

– Здорово она тебя надула!

– Как верблюд одногорбый стал!

– Машинист, к тебе жена пришла!

– Куда встаёшь? Азот весь выйдет без толку, погоди, мы её через подвал в палату доставим.

Володька и вправду довольно быстро вернулся с яркой спутницей в разноцветном платье из японского шелка, полыхающим всеми цветами радуги из-под врачебного халата, взволнованной неожиданным обстоятельством, что муж по неизвестной причине обездвижен. Белый халат проводник увёл прямо из ординаторской, и теперь с гордым видом стоял рядом. Машинистова жена оказалась весьма привлекательной молодой женщиной, обладавшей, бесподобной изящности фигуркой, которую не мог скрыть наброшенный на плечи халат.

– Ой, Коля! – так всплеснула она руками, увидев раздутого мужа, что халат спал с неё, – кто это тебя так укусил?

– Это его Нонна Викторовна, процедурная сестра. Красивая дамочка – футы-нуты. Пришла со своей подушкой, заставила раздеться, лечь, а потом надула – ушла, – кратко и весело описал развитие событий Володька.

– Бедный ты мой, – жена присела рядом на кровати, стала жалеючи гладить болезного по огромному кожаному куполу, расположенному несколько ассиметрично, ближе к правой лопатке, будто он при смерти, – да что же это с вами здесь делают?

Потом обняла за бока, губами прильнула к спине по соседству с холмом Нонны Викторовны. Прижалась, заморгала – вот-вот заплачет.

– Ребята, – взмолился Машинист надтреснутым голосом, – выйдите минуток на двадцать из палаты... пожалуйста. И это... Володя... покарауль в коридоре, чтобы никто не вошел.

– Покараулим, можете не беспокоиться, только это... азот не выйдет?

– Да чёрт с ним, с азотом.

Женщина перестала гладить мужа, выпрямилась и вдруг так бурно матово покраснела, что глаза засверкали белками.

– Слепым тоже уходить? Мы ничего не видим!

– Выходи, выходи! Трупичкину же углядел третьим глазом и Якута с собой забирай на прогулку.

– О, Якут, пойдём в коридор водку пить!

– Водку? Пойдём! – Якут, как сидел на корточках посередине своей постели, тут же ловко на руках спрыгнул на пол и пропал под кроватью.

– Э-э, Якут, куда? Нам в коридор.

– Сейчас тапки найду и пойдём с Сашкой в коридор водку пить, – расхвастался он.

Лежачему Денису Володька накрыл лицо вафельным полотенцем, накрыл одеялом с головой.

– Потерпи.

Ходячие обитатели палаты принялись прогуливаться в коридоре. Медсестра Флора неторопливо и плавно несшая пышное тело, обычно не обращая ни на что внимания, и то удивилась:

– А что это вы все здесь?

– Проветриваем, – важно сказал Саня, – азоту много в воздухе скопилось.

Азот Нонны Викторовны из спины Машиниста улетучился до последнего грамма после встречи с женой. Накрыв стол принесённой снедью, та удалилась легкой походкой. Больные сели праздновать очередной медовый месяц Машиниста, позабыв про Дениса, который терпел под вафельным полотенцем и одеялом, пока не заснул и проспал целый час, чуть насмерть не задохнувшись. Хорошо, гость пришёл.

– Вот ты где разлежся, сачок, – сказал голос инженера 1-й категории Казанцева, и его же рука убрала с лица полотенце, – еле нашёл, крепко ты окопался. На входе не никого не пропускают, но зная ваши больничные нравы, прихватил с собой белый халат. Против белого халата больничная охрана бессильна. Здорово, брат!

- Здорово!
- Как жизнь, скоро ли операция?
- Уже прооперировали.

– Правда? – растерялся коллега, – ничего себе. Значит, пока мы собирали передачу, ты уже того, порезался? Не поспешил? Прими от лица коллектива яблоки и апельсины, а ещё вот достали через профком по блату коробку конфет для врача твоего. Тебя Лебёдушкина оперировала? Говорят, она любят такие, с коньяком ассорти шоколадное, Прокофьевна лично сама справки навела, разузнала. Надо было, конечно, перед операцией поднести, да ничего, лучше позже, чем никогда.

– Меня Трупичкина резала.

– Да ты что? Про Лебёдушкину вызнавали, ты же сказал, что у неё оперироваться будешь, эх, незадача, но ничего, давай вручим Трупичкиной. Хочешь, от твоего имени пойду и вручу. Или сам отдашь?

– Лучше сам.

– Тебе видней.

Коридор взорвался криком:

– Почему в палате посторонние? Где дежурная медсестра? Что, не по глазам вам нарушение режима? Немедленно вон из палаты!

– Это кто такая? – успел спросить Казанцев, вставая.

– Лебёдушкина и есть. Ладно, иди. Спасибо. Передавай всем привет.

– Давай, сейчас ей вручу, а то рассердится на тебя из-за меня.

– Перебьётся.

– Молодой человек, вы, вы! Немедленно вон! Без разговоров!!!

Казанцев внушительно откашлялся, будто собирался возражать, но только буркнул Денису:

– И впрямь, перебьётся. До свидания, брат.

Прощеголял скорым шагом мимо, как настоящий молодой доктор, только-только после института: с больными вежливый, с персоналом тактичный, а главное, весьма симпатичный.

Таких особенно любят и уважают старые заслуженные санитарки и молоденькие незамужние медсестры, до тех самых пор пока не начнёт доктор наравне с прочими поддавать в ночную смену спиртик, да обнимать всех по очереди, согласно графика дежурств, и не сменил добродетельный лексикон на общедоступный циничный, а если характер и воспитание позволят, то просто хамский.

Этот ушел навсегда молодым: Панацее и медсестре кивнул, извинился, до свидания сказал. Как-никак в заложниках остался брат по разуму 2-й категории Иванов Денис.

Коробка с конфетами пребывала в руках лежавшего. Панацея Евлупьевна глянула мельком, по достоинству оценив коньячное шоколадное ассорти, отсутствующее в городских магазинах и привозимое данниками из Москвы, кое она любила поглощать после операций с натуральным кофе, что варила ей в турке на плитке преданная Трупичкина в неограниченных количествах.

– Мужики, – позвал Денис соседей, – возьмите конфетки к чаю. С работы принесли, откройте для всех. Угощаю.

– Так может это... – начал было отказываться Машинист, мельком глянув во след уходящей из палаты Панацее.

– Давай, открывай, – обрезал его Саня, – жизнь наша горькая, подсластим больничную пилюлю маленько.

Тем вечером разболтались. Уже по выключенному в палате свету пробрался из коридора на своё место Саня, сел на кровати.

– А вот нам с женой, когда ещё по молодости гуляли, никакого искусства особенного не требовалось научного, как Иосичу, – начал он рассказ в общей тишине, – по одной чистой любви дело происходило. Никакого приваживания специального не было, никаких магий научных, терапий мануальных. Я из армии пришёл и на стройке работал, а она в десятом классе училась, собиралась в институт поступать. И такая любовь промеж нас разгорелась в ту весну и лето, что словами не описать. Накал страшный.

А родители её против были, да и понятно: дочке надо экзамены выпускные сдавать школьные, в институт готовиться, туда вступительные экзамены держать, а тут на горизонте строитель коммунизма нарисовался, простой работяга весь в извёстке. Ясное дело, препятствовали, особенно теща жутко невзлюбила. Прямо видеть не могла. До сих пор не может, я ей комнату в квартире выделил, говорю, Василиса Перфильевна, вы в своей комнате живите, раз меня видеть не хотите, я к вам сюда не заходил, не захожу и заходить не собираюсь, чтобы настроение ваше драгоценное не испортить, а вы почему-то на кухне торчите весь день. Но сейчас ничего, сейчас ерунда, а прежде они ещё в частном доме жили в четыре комнаты, со здоровенным забором и дочку перестали за калитку выпускать: сиди дома, учи, нечего по улице без дела шляться. Короче, посадили под домашний арест. Эх, смешные люди, ей богу. Перескачу я через забор прямо с улицы и в картошке спрячусь. Они в конце огорода картошку садили, ряды высокие, кусты зацвели уже, сидишь и ждёшь пока она до туалета пойдёт, ну и окликнешь, подзовёшь. Сядем меж грядками прямо на землю, обнимаемся, не без того. Ох, и хорошо в картошке июньской обниматься, земля теплая, взрыхленная, как пух, лежать на ней – одно удовольствие, как в люльке. В августе жена поступила в свой институт, а в сентябре пришлось теще замуж её за меня отдавать, никуда не денешься, природа пустоты не терпит. Расстраивалась страшно, аж в обморок падала, ей богу не вру, падала: стоит-стоит и вдруг как повалится... А чего злиться, если рассудить здраво? Дочь выучилась в своём институте и двух детей за это время родила, я квартиру кооперативную трехкомнатную на стройке получил под семью. Живём – не тужим.

Саня расправил постель и впрыгнул под одеяло.

– С женой у нас до сих пор любовь большая. А с тещей по-прежнему, как кошка с собакой. Когда ослеп, подначивала жену развестись, злыдня

старая. Жена на работу уйдёт, я на первый этаж спускаюсь, там меня соседка ждёт. Нет, мне бы вот видеть чуток, хоть чашку, хоть ложку и был бы полностью счастливым человеком.

Пока Саня весело рассказывал про свою любовь, Денис радовался за него, но вдруг оказалось, что есть ещё и дополнительная соседка. “Так что же это за любовь? – почувствовал недоумение он. – Зачем? Зачем портить? Пусть даже соседка красивая и добрая, и фигуристая, как Нонна Викторовна, к примеру”.

В прочем палатном сообществе известие о взаимоотношениях с нижней соседкой, напротив, вызвало осязаемое удовлетворение и воодушевление. Жена что? У всех жена. А вот соседка – другое дело!

Даже Машинист, несмотря на дневную встречу с супругой, вспомнил тоже почему-то про соседку:

– Несколько лет назад очень симпатичная женщина к нам в дом переехала жить, на вид лет тридцати. Глаза большие, голубые, но с двумя маленькими детьми и мужем, из другого города сменялись квартирами в наш дом. Здороваться стали. У неё характер оказался общественным, на собраниях выступает с оргпредложениями по улучшению окружающей жизни и конкретно песочницу для малышни возле дома устроила, посадку деревьев организовала. Приличная семья. Оба в каком-то учреждении работают, хорошие люди, что ещё скажешь, симпатичные. И вот представьте себе, у меня с ней однажды приключение случилось.

– Всего однажды? – изумился Саня, – с соседкой этой? Да как же так? Не, Машинист, мы тебе не верим.

– погоди. Я её ни вслух, ни про себя соседкой не называю. Как-то не подходит это слово. Просто женщина из нашего дома. Так вот, делал летний ремонт в квартире, дошла очередь пол красить, а в жилой квартире, сами понимаете, это морока страшная, когда мебель повсюду нагромождена и девать её некуда, приходится двигать: сегодня там ходи, здесь не ходи, а завтра наоборот. А всё равно забудет кто-нибудь и пройдёт по крашеному, а ты виноватым останешься. Взял, да и выслал семейство в деревню на выходные, без всяких там “не хочу”! Начал малярничать честно, без халтуры. Есть люди, которые запах краски в такой густой концентрации не переносят, я – ничего, терплю, здоровьем бог не обидел, голова не раскалывается, балдею слегка.

Работаю во все лопатки, на совесть мажу, как полагается – только литровые банки пустые отлетают, для себя стараюсь, не для дяди, и вдруг – звонок в дверь. Кого чёрт несёт не раньше не позже? Иду, открываю – на площадке та женщина соседская стоит совсем по-домашнему, в одном халатике пёстром да шлёпках на босу ногу.

– Здравствуйте, – говорит и смотрит.

– Здравствуйте.

А я вообще в одних трусах, потому что кожу от краски проще оттереть растворителем, чем штаны. Ладно, не держать же на площадке человека, коли самому туда не выйти по соображениям этичности.

– Входите, – говорю, – только у меня здесь сильно краской пахнет. Она заходит.

– Ремонт ведёте? Можно посмотреть?

Зашла, дверь прикрыла за собой, оперлась на неё спиной, почти возлегла и ничего не говорит... смотрит.

Машинист вдруг смолк, как бы переводя дух, но всем слушателям показалось, от нерешительности. “Сейчас врать начнет”, – решило общество. Человека можно понять, не всякий солидный мужчина любит про подвиги рассказывать, бывает загорится из-за чужого рассказа человек, начнёт про своё, а потом шасть в кусты: не помню, давно было. Верно, и Машинист сейчас придумает отговорку, как бы в сторону уйти от правды, соврать поаккуратнее. Поэтому Саня решил не давать время на хитрости:

– Не стесняйся, брат, рассказывай, как у вас там случилось...

– В том-то и дело, – продолжил Машинист нерешительным голосом, с интонацией явно врущего человека, – что ничего не было.

И начал пояснять, будто оправдываясь перед коллективом за нестандартное поведение:

– Видите ли в чём дело, ясно мне тут стало всё, чего там непонятного? Но...

– Неужели упустил... дар небес? – церемонно выразился Саня, морщась лицом и шеей, даже очками чёрными восстал на брови против нелогичного развития событий.

И другие тоже поморщились, желая усювестить рассказчика, чтобы перестал врать ближним своим, исповедался по-честному, как было.

– Долго впоследствии размышлял и пришёл к выводу, что сильно от краски забалдел, больше никаких причин не нахожу. Нечем больше мне собственное поведение объяснить, – совестился Машинист, – помню, смотрю на неё, понимаю, но... смешно и всё. Весело, смеяться хочется. Так, улыбаясь и простоял, как дурак в трусах, рассказывал, какой ремонт делаю, где обои брал, где обойный клей покупал. Она молчит, глядит заворожено, глаза расширились на пол-лица. Разве ж я виноват, что в голове моей веселье полным ходом играет, но не того плана, не от близости к женщине, а от половой краски. Протрепался какое-то время, смотрю, зрачки у неё прояснились, смысл деловой в них наметился, конкретно слушает. Потом говорит:

– Мы с мужем тоже ремонт задумали делать. Спасибо, что рассказали, ладно пойду я, а то суп убежит. И ушла.

– У, жалко-то как! – застонал Саня, – ну, а потом, после, отношения не наладил?

– Нет, зачем? Да и некогда, работы много, смены ночные знаешь как выматывают? Здороваемся на полном ходу, не останавливаясь мимо друг друга проносимся, каждый своими путями бегают.

– Грустная история.

– Кстати, вот о ночных поездках. Мы с женой в то время разводиться собирались. Прожили десять лет, надоели друг другу смертельно, даже в

лица не смотрели неделями, только из-за детей в одной квартире существовали. Сильно не ругались, просто обрыдла такая жизнь. И работал через силу, особенно в ночные смены. У нас же не поспишь, с этим строго.

Следующая ночная поездка выпадает после того случая, едем, около часа ночи, как обычно, клевать носом начинаю. Говорю помощнику: “А ну, налей-ка мне чая покрепче, без сахара”. И тут вдруг прямо на тёмном стекле всплыло будто наяву: заходит ко мне соседка. Близко так, прямо напротив глаз, в считанных сантиметрах, отпала всем телом на дверь, грудь без ничего под халатом дышит. На сей раз выиграло ретивое без краски на полную катушку! Страсть выше крыши переполняет. Помощник кружку с чаем протягивает, а я ему сквозь зубы: после! А сам мысленно хватаю её, вздымаю в воздух и через крашенный пол в залу, на большой диван бросаю. Через полкомнаты пролетела! Ох, чего только не вытворяли! До самого утра. Никакого чая не надо, глаза вперёд смотрят, спать не хотят, руки на автомате сами всё выполняют, а голова горит, как прожектор в ночи. Приятно, чёрт возьми!

И что вы думаете?

Домой приехал, поспал чуток, часа два не больше. Еле дождался, когда жена с работы придет. Только стала разуваться у входа, будто кто меня в бок как саданёт, налетел на неё, подхватил в одной туфле ещё не снятой, да в зал, как швырну от бешеной энергии, что за ночь скопилась, на диван, через всю комнату, как ночью чудилось – точно долетела, самый раз, и того... пока детей нет... Платье выходное вдрыск порвали.

Так и пошло после этого события. Выпадает ночная смена: всё, жди, придёт обязательно, явится без спроса прямо на стекло, станет напротив в таком состоянии безбашенном, и я всю смену будто аккумулятор от сети заряжаюсь, к концу поездки аж искры летят на контактах. После смены столько внутри энергии, что жену родную чуть пополам не рвёшь. И ей приятно. В первый раз даже за платье ругать не стала, хотя пришлось на тряпки пустить, хорошее совсем ещё было платье, и такая меж нами любовь разгорелась по-новой спустя десяти лет брака, что видели, недели вытерпеть не может. В больницу прискакала, привыкла в горячке жить. Одно плохо: снимут по зрению с работы, поездок не станет ни дневных, ни ночных, откуда прикажете заряжаться?

Компания молчала.

– Вот, пацаны чёртовы, только жить начал нормально, только-только радость настоящую почувствовал, так нет вам! Верите – нет, нашёл бы этих недоносков, взял прут да отстегал в полную силу: не пакости людям, не привыкай с малолетства чужую жизнь заедать!

– А ты не пробовал в ночную смену на стекле, того, жену представлять? – любопытствовал Володька.

– Э, нет, – сразу возразил Саня, – тут перекрёстное опыление. Если соседку видит, то с женой хорошо, а если жену увидит, то к соседке побежит.

– Глупые люди. Не понимаете что ли? – удивился Машинист, – я на стекло никого вызывать не умею. Говорю же: сама является, причём исключительно в ночную смену.

10.

С утра Денис ждал, когда придёт практикантка Аня. И точно, пришла она. Только дверь приоткрылась, уже чувствовал, что по его душу ангел. Всё как вчера при перевязке случилось: прохладно, свежо, радостно и воздушно. Ангел, натурально ангел чистой красоты.

Окончив перевязку, полюбопытствовала шепотом, приблизив губы о к его уху:

– А почему не кушаете?

– Не хочу растолстеть за двенадцать дней.

– И руки вам не моют?

– Нет. Я же не ем.

– Тогда как-нибудь сегодня забегу, помою руки, ладно?

– Приходите.

Придя во второй раз, сказала: «Это я. Осторожно, сейчас таз поставлю» и водрузила пластиковый таз с водой ему на живот, но сама садиться уже не стала. Стоя принялась работать.

– Одной рукой держите тазик, другую дайте мне.

Денис подчинился.

– Теперь наоборот.

Когда лежишь весь день и всю ночь недвижимой колодой, то и гигиеническое мероприятие – великое событие. Вдруг Денис ощутил, что палата затихла: с утра шумок от разного рода деятельности гудел, не переставая, даже когда красивая Нонна Викторовна ставила в мягкие места со шлепком уколы, а тут разом стихло. Слышно только, как бьётся в стекло новоприбывшая с улицы муха.

«Подслушивают», – понял Денис.

Но Анька ни на кого внимания не обращала, сделала своё дело и ушла.

В палате по-прежнему царит рабочая тишина. Обдумывает народ жизнь. Обмозговав, как следует, в подробностях, вынес решение устами Машиниста:

– Это, Денис... сестрёнка-практикантка, которая к тебе забегала... того... влюбилась, однако.

Старика Дизеля – маленького, ссохшегося, белого как лунь, лет этак восьмидесяти пяти с гаком, положили в палату прямо перед обедом. Впрочем, положили – фигурально выражаясь, а на самом деле притопал своим ходом, разложил вещички в тумбочке, припасы в холодильнике и проследовал на обед вместе со всеми ходячими.

После обеда Дизель вернулся в палату, достал из холодильника сала, хлеба, варёных яиц, заел жидкую больничную кашу домашними продуктами, поспал часик мертвым сном, вскочил бодренький как огурчик и отправился в коридор на прогулку.

Гулял Дизель весело, в охотку. Заложив руки за спину, похожий в полосатой пижаме на бывалого лагерника, двигал ногами в шлёпках по коридорному линолиуму конькобежцем, хотя и не слишком споро.

Как только какая-нибудь больная обгоняла седенького старичка, он тут же щипал её задницу, быстро прятал руку за спину и катил дальше.

– Дедушка, ты что ль? – дивится тётка повадке старичка, глядя сверху вниз на пуховый белый венчик, нимбом колыхавшийся на облысевшей голове.

Дизель не оправдываясь достал из кармана конфету, вручил потерпевшей и дальше зашаркал, пока очередная бабка не вздумала обогнать одуванчик в узком коридоре. К вечеру так разошелся, что принялся щипать медсестёр и санитарок, неизменно компенсируя вред конфетой.

Весть об интересном поведении престарелого кавалера мигом облетела женские палаты. Полюбоваться на него вывалила такая куча народа, что конфеты у Дизеля быстро кончились, после чего он стал щипаться бесплатно. Некоторые бабки давно забывшие про ухаживания изо всех сил норовили обогнать его и по второму и по третьему разу.

Зашедший после ужина больной соседней палаты по имени Павел тоже заинтересовался Дизелем, который как раз расположился за столом с салом.

– Что новый товарищ? С катарактой? Это, дед, ерунда. Не операция, чистый ширпотреб по нынешним временам, мелочи жизни. Вот у меня настоящая глазная болезнь, глаукомой называется. Знаешь, дед, что такое глаукома?

– Что? – спросил Дизель, отрезая приличный шмат, кладя на хлеб и откусывая.

– Отрежь и мне, я расскажу в подробностях и деталях, ладно, не беспокойся, сам отрежу, не толкись зря.

Дизель не возражал.

– Это такая болезнь сложная, – зачавкал бутербродом сосед, – при которой так повышается внутриглазное давление, что глазное яблоко твердеет неимоверно, делаясь твёрже металла. Короче говоря, превращается в каменюку. Хоть молотком по нему бей – не разобьёшь, бесполезная трата сил и времени. Кстати, а вот знаешь, дед, как лично тебе операцию будут делать? Хочешь, поведаю? Вкусное у тебя сало, сами солите, нет? Я люблю именно такое, с розовыми прожилками... немного ещё отрежу. А запах какой, да? Аромат!

– Как будут делать? – не выдержал Дизель.

– Да как и всем прочим смертным, обыкновенно. Там у них есть главное ведёрко с дезинфицирующим раствором, чтобы зараза не попала, и деревянная колотушка такая большая, но легкая, это главные инструменты. Они их стерегут как зеницу ока и нашему брату никогда не показывают. Да

ты дед, главное, ничего не бойся, веди себя спокойно, как дома в горнице, скажут тебе – проходи, ты проходи, скажут – ложись на стол, ты ложись: чему быть, того не миновать.

Вот когда ляжешь, с тобой начнут разговоры разговаривать на предмет самочувствия, а во время этих самых разговоров сзади подходит специальный хирург, реаниматолог называется, ага, значит подкрадывается он тихой сапой уже с этой самой колотушкой в руках, а ты-то его не видишь, он со стороны головы всегда заходит, сзади. Профессия у него такая особенная, их и в институте специально учат тихо подкрадываться. Они там даже экзамен специальный сдают: сзади к экзаменатору подкрадываются с точно такой же колотушкой, если за пять шагов их учитель слышит – два тебе за экзамен, если с трех – три, с двух – четыре, с одного шага – пять получает.

– А если вовсе не услышит? – поинтересовался Сашка.

– Тогда студент имеет законное право трахнуть учителя колотушкой.

– Здорово.

– Так вот, дед, эти пока с тобой разговоры разговаривают, отвлекают, тот подкрадывается тихонько, размахивается и хрясь по темечку – глаз сразу выскакивает наружу, другие хирурги его на лету ловят – цап-царап и быстро в ведро окунают с дезинфицирующим раствором, пока свеженький ещё – с пылу с жару. Потом достают, что надо с ним делают на отдельном столике, с глазом твоим, и обратно – щёлк, ставят на место, вот и все дела. Он же там, как подшипник смазанный вращается, понял? Что, не интересно? Поди уже тебе рассказали давно, а я надсажаюсь зря? Нет? Вот, видишь, только Павел правду открыл, за это ещё кусочек отрежу – не сало, голимый смак в аккурате. Хорошо посолили, спасибо. Ладно, двину помаленьку на боковую укладываться, ты главное не беспокойся, здесь очень хорошие спецы работают, особо эти, реаниматологи: с одного раза нужный глаз выхлестывают, главное – не дергайся, когда на столе лежишь, головой не крути, а то промахнётся ещё чего доброго, не тот выбьёт.

Народ посмеялся, Пашка ушёл. Суть да дело, процедуры настали, там отбой, и свет по палатам выключили.

Якут сидит на кровати, не ложится, держит рукой ватку от укола, время от времени вдыхает запах спирта и удовлетворенно сопит.

– Я водку шибко люблю.

– Э, кто же её не любит? – удивился Машинист. – Только до добра она не доводит.

– Я как ослеп, так сразу пить бросил, – согласился Саня. – А так каждую субботу и воскресенье навеселе существовал. Слепому да пьяному не выжить в нашей природной среде. Упадешь где и замерзнешь.

– На транспорте пьяному тоже нельзя, – подтвердил Машинист, – я не о работе своей говорю, а по жизни рассуждаю. У меня случай был в практике: отмечали день рождения в деревне, у сватьёв гуляли, а с народом не рассчитали, набилось в избу народу под самую завязку, и, конечно, водки не хватило, а магазин на другой стороне села стоит и закрыт вечером, но

продавщицу можно попросить – откроет. Я на своей машине был, ну и говорит мне сват: «Слтай Никола по-быстрому, а то нехорошо получается перед честным народом позориться».

«А что такого? – думаю, – гаишников здесь нет, не город, движение на улицах вечером тоже никакого, места известные, дорулю как-нибудь на малой скорости, всё ног не бить».

Выхожу на крыльцо, гляжу: на улице прямо возле нашего двора старушка стоит и на меня смотрит. Знаете, какие в деревне заборы? Заплоты из поперечных жердей, чтоб скот чужой во двор не забредал. А так все видно, что на улице делается.

Сумерки опустились, часов десять вечера, сизо-сизо так, будто туман ночной от леса растёкся. Надо к машине идти. А я стою, словно прирос к крыльцу, на бабку ту гляжу, да не видал вроде таких в деревне прежде. С собой невысокая, в платке, фуфайке да резиновых сапогах, ровно как из леса пришла, за грибами ходила, что ли, но ни лукошка, ни ведерка при ней нет. Руки свободные и как бы длинноватые слегка, из рукавов сильно торчат, а может, это фуфайка коротковата, обтрепалась, чёрт её знает.

«Вот, – думаю, – напился так напился, ноги не ходят, точно ехать надо!»

А сам от старушкиных глазков оторваться не могу, серенькие такие, мелкие, а вот ухватила мой взгляд и сосёт в себя. Что за ерунда! И вдруг смотрю, а руки-то у неё из рукавов – растут! Тонкие, иссиня – белые, толчками увеличиваются, да namного сразу – раз, два, три, вот уже прямо возле живота моего оказались, я и ногти успел разглядеть, вроде обычные, небольшие, но под ними сильно земля напичкана, будто на пашне бабка свеклу полола.

– Это она из могилы выцарапывалась! – догадался Сашка.

– Ты слушай дальше что. Стою ни жив, ни мёртв, шелохнуться ничем не могу, обмер весь, и что интересно, пёс у свата всегда брехучий, где кто пройдёт чужой, так два часа потом без перерыва будет матюкаться, а тут забился в конуру, даже носа не показывает!

– Собаки привидения боятся.

– Ну. Тут я совсем окаменел. Вдруг дверь на растапашку распаивается, выскакивает шурич Петруха и говорит: “Постой, на мотоцикле быстрее сгоняю”, – шур мимо к сарайке, выводит свой драндулет, а я ничего ему сказать не могу, не ездил, мол, не надо. Язык отсох что ли.

– Случилось с ним что?

– Вот как газанул сразу, метров пятьдесят пролетел и в столб. Насмерть. Смотрю: а старушки нет, будто под землю провалилась.

– Твою смерть на себя воспринял.

– Точно. Я на поминках уже не пил, как ни уговаривали за помин души. Свечку сходил в церкви поставил.

Старик Дизель долго ворочался, потом стих. Выжидал, сколько хватило терпения. Когда все выговорились и захрапели потихоньку один за другим, сполз с кровати и ударился в бега.

Никакие операции ему не нужны. Так дотянет, сколь бог даст. Главное, выход какой-нибудь найти, чёрт с ней с одеждой, завтра Михаила пошлёт, разменяет пижаму на одежду.

Он спустился по лестнице до самого низа, пошел по светлому, пустынному коридору, который был на самом деле подвальным переходом из областной клиники в медицинский институт и содержал много технических ответвлений, заблудится в которых – дважды два. Дизель бежал скоренько, по сторонам не оглядывался, кругом пусто, щипать некого. Домой надо. Ну их, докторов этих с деревянными колотушками, как-нибудь перетопчемся без операции. Восемьдесят лет прожил, и дальше протянет сколько там ещё осталось.

Но тут свет погас. Повсеместно. Сделалось темно, как под землей. Впрочем, это и было под землей.

– Э, – громко позвал Дизель, – что за шутки? – сообразил взяться за стеночку, идти по ней.

Шёл долго, пока не нашупал дверь-решётку с большим висячим замком. Тупик. Двинулся обратно, шёл-шёл, вроде свет голубоватый затлелся непонятно где. Дизель оторвался от стенки, выставил руки вперёд и двинулся на свет. Шибко уж дальний, слабый, еле-еле различимый большими стариковскими глазами, а всё равно настроение поднимает. Долго ли коротко ли шёл, пришёл. Свет слабый, неясный даже здесь, возле самой синей лампы. Под лампой за столом сидит дежурная старушка седая, медсестра поди, и читает книжку.

– А где здесь глазное отделение? – спросил Дизель запросто, как в доску свой больничный человек.

– Что, потерялся? – спросила старушка, через силу отрываясь от книжки и поднимая лицо.

И вдруг видит Дизель – не старушка это вовсе. Глаза молодые, девичьи, лицо слегка одутловатое, а волосы сильно седые. Дыхание перехватило, не смог Дизель ничего ответить, лишь кивнул.

– Ладно, пойдём, старче, провожу.

Поднялась из-за стола, легко пошла в темноту коридора, не оглядываясь и не проверяя, идёт старик за ней, или нет.

Старик шёл. Мода, наверное, у них, у молодых, нынче такая пошла, в седой цвет краситься – вот в чем дело, успокоил он себя. А ты испужался сразу. Вот дурочка, накружилась под старуху, ещё успеешь состариться!

Войдя в обычное расположение духа, попытался щипнуть медсестру сзади, хотя конфет в кармане не было. Промахнулся. Ишь, совсем расклеился чего-то. Ближе, ближе, ближе подкрался, снова цап! Мимо. Да что ты будешь делать? В третий раз изловчился уж изо всех сил хватить, но снова промахнулся.

А сестра идёт себе, даже не оборачивается.

Вдруг говорит:

– Не бойся, там колотушками по голове не глушат. Таких инструментов не бывает и ведер с раствором тоже.

– Ну почему? Пусть дезинфицируют на здоровье, хоть в ванне. Я не против. Раз полагается. Чего-то я тебя почти не вижу. За руку возьмусь?

– А уже пришли.

– Как пришли? Куда?

– Сейчас, – сказала проводница, – пообвыкнитесь, свет увидите. На него пойдёте. На мой же свет пришли. А мне пора на место. – И проплыла обратно мимо деда, не успел щипнуть как следует. Да нынешних не за что и щипать. Вот раньше были девахи! А сквозь эту рука наскрозь проваливается. Худоба!

Тут точно вдали рассмотрел пятнышко жёлтого света и побрёл на него – обратно в больницу.

11.

Очень упрашивал Саня доктора Лебёдушкину, что край ему надобно ложку с чашкой видеть, когда щи хлебать, и пусть над ним поэкспериментируют как следует, поставят ему в роговицу окошко прозрачное из кермопластика, раз роговица после всех операций единым шрамом заделалась и света белого к сетчатке не пропускает. Он как пожилая вдова нынче – на всё согласный! Выпало свободное время, и возлёт Саня в энный раз на хирургический стол.

– Ух ты, у вас здесь музыка играет! – пришел в слепой восторг, – никогда прежде на операциях музыку не слушал.

– Пробуем для успокоения, – сказала Лебёдушкина. – Ради научного интереса.

– Это вальс? А обезболевания не будет?

– Будет, будет, – успокоила Трупичкина, – лежи тихо, не дергайся, – и с хрустом, словно яблоко откусила, вогнала иглу под глаз, вводя анестезирующее.

«Эх-ма, хорошо!»

Долго ли коротко операция длилась, заиграла музыка ещё веселее. Пролился сверху свет. Саня увидел жизнь как наяву и обомлел от долгожданного счастья: не спит, а видит!

– Ой-ей-ей! Я вижу! Вижу!

– Что ты видишь? – укоризненно спросила Лебёдушкина, – сны опять вещие?

– Я вас вижу, – не выдержал он громадного чувства радости, – вы танец танцуете. Красиво. Без халатов и безо всего. Очень красиво. Давайте, давайте, ещё хочу смотреть.

– Снится тебе, замороженный наш, – беззаботно рассмеялась Трупичкина, повернув голову в его сторону, ведя Лебёдушкину за партнера.

Лебёдушкина страстно выбросила ногу и вся запрокинулась назад. Трупичкина подставила ей под спину коленку. Классно работают.

– Это пробная примерка была, сейчас кермопластик вынем, сразу и проснёшься.

– Нет, нет, погодите, дайте ещё на белый свет порадоваться, – взмолился оперируемый, – так хорошо у вас здесь в операционной, что глаз не оторвать. И вы девушки, очень красивые, когда голые. Танцуйте, танцуйте, я тихонько полежу, ей бо, не обращайтесь внимания. Понятия имею, надо и вам, небось, передохнуть, не всё же резать да пластать, никаких женских сил не хватит.

– Отключи его, надоел, – сказала Лебёдушкина, – что попало собирает.

Трупичкина кольнула глаз небрежно, походя, кобылка сухопарая, вокруг померкло, оказался Саня опять в крошечной тьме.

“Эх, помалкивать надо было! Не сообразил по неполному среднему образованию своей выгоды!”

Исчез разом белый свет.

– Не вижу ничего! Верните, пожалуйста, снова. Я больше не буду.

– Чего не будешь?

– Ничего не буду! Ей бо!

– Единственное, что ты мог видеть, это свет, – сказала Лебёдушкина, – всё остальное нафантазировал. Ясновидец. Мы только примерку делали, если будешь хорошо себя вести, поставим кермопластик, а нет – выпишем из больницы за нарушение режима с такой характеристикой, что никуда больше не возьмут. Уразумел?

– Сразу и без промедления, – согласился верноподданный пациент, – враченьки любезные, а когда вы мне насовсем кермопластик установите? Вы же знаете, бесценные наши, кому-кому, а мне много не надо, только бы чашку с ложкой разглядеть, и то не было б на всём белом свете счастливее человека.

– Ишь, как запричитал.

– Ах, матушка Трупичкина...

Но в палате не выдержал, все начистоту рассказал, что повидал снова белый свет.

– Мужики, чего Лебёдушкина со мной сегодня сотворила, знали б вы!

– Разделась и легла рядом на хирургический стол?

– Загибаете, охломоны! Раздеться разделась, а на стол не ложилась, врать не буду – и не люблю, нехорошо! Тем более про великого человека! Одно слово – Панацея! Она мне глаз сегодня сделала, я видеть начал, поняли? За столько лет первый раз и сразу чётко, как и раньше не видел, когда на стройке работал! Ах ты, боже мой, как они танцевали!

– Кто?

– Да Панацея с Ромуальдовной. Взялись друг за дружку и ну вальсировать обнажёнными вокруг стола моего под лечебную музыку.

– О, врёт и не смеётся!

– Здорово тебе привиделось с наркоза!

– Я аж забалдел! Ей бо! Смотрел бы и смотрел. А Лебёдушкина та, что пониже?

– Точно.

– Я так и понял. У неё ещё родинка на левой щеке, а лицо сжелта, хотя тельце ничего себе, женственное, белое. И под левой лопаткой две родинки рядом. Трупичкина, если честно, не показалась: морда лошадиная и сама шибко мускулистая да загорелая. На неё отдельно глядеть не интересно, зато когда парой танцуют – засмотришься.

– Ишь, все места пересчитал, чёрт слепошарый.

– Что это вы тут говорите, больной? – с хода повысила голос Трупичкина, входя в палату, – что за глупости? Кто это голыми перед вами, слепыми, танцевал танго?

– Ой, да приснилось мне, уважаемая Галатея Ромуальдовна, приснилось... стресс послеоперационный напал... почудилась, матушка... не говорил я, что вы танго танцевали...

– Ещё раз почудится – выпишу немедленно!

– Ой, не надо, матушка, храни вас боже от всех напастей, – Саня брякнулся с кровати на пол и зашаркал коленями по истёртому линолиуму в направлении докторши. – Поставьте тот кермопластик, как сегодня, я за вас ежедневно молитву буду читать с утра и в полдень и вечером. Всю жизнь! Мне бы только край чашки видеть самую малость... как нынче, когда вы...

– Прекратите здесь комедию ломать! – воскликнула Трупичкина необыкновенно широко округляя глаза, будто и ей в оба вставили операционные кольца.

При виде мускулистых коротких, страшно тяжелых рук, у неё зароились судороги, и боясь отдаться слепому прямо здесь, при всех, жутко вскрикнула: “Или... или... переведу в отделение нервных расстройств!”

– Милая моя, любимая, единственная, – и метко, и верно тянулся слепой Саня загребущими пальцами к худеньким, непроизвольно содрогающимся востреньким коленкам Трупичкиной, – умоляю, поставьте кермопластик хоть на один глазок, и никого больше видеть не буду! Кроме чашки с ложкой... Женой клянусь, да что там, нижней соседкой, как на духу, чтоб она мне больше ни разу дверь не открыла... если что.

До смерти перепугалась Галатея Ромуальдовна за гибнущую карьеру, что жилистыми ручищами ужасающий слепец охватит её сейчас, обмершую, под колени, немного ему осталось ползти, и тогда она будет не в состоянии сдержать разрывающих изнутри страстей, повалится к нему на пол, забьётся. Собрав последние силы, метнулась вон из мужской палаты.

– Христом богом молю! – крикнул следом в коридор Саня, – никого и никогда больше не увижу голыми, ни вас, ни Лебёдушкину, танцуйте себе на здоровье, а мне бы чашку свою разглядеть, только и всего!

– Не ори про бога, идиот, человек в партии состоит!

12.

Настала очередь старика Дизеля пройти через хирургию. Хотя и без деревянной колотушки дело обошлось, но привезли божьего одуванчика из операционной чуть живого, уложили в постельку, простынью прикрыли, руки сложили на груди, глаза закрыты, белый венчик на голове. Финиш.

Время проходит, мужики собрались перекусить.

– Дед, ты живой, чай будешь пить? – спрашивает Саня, который не видит, в каком состоянии валяется престарелый охальник.

Дед молчит. Из раскрытого окна воздух шевелит на голове пух, как на одуванчике, а лицо белое, недвижимое, осевшее, будто у новопреставленного апостола.

Подошел к нему Машинист, спросил конкретно, по-рабочему, трудовому:

– Дизель, чай будешь?

– Чай, чай, – обиделся старик, – что мне вашим чаем, кишки полоскать?

– А чего будешь?

– Сала давай с хлебом и луком.

Геннадий Галактионович «перекусывал» между полдником и ужином, расположившись на своей тумбочке, заставив её сплошь десятками маленьких баночек с красивыми иностранными наклейками.

Здесь были всевозможные паштеты, гусиные, утиные, с орехами и черносливом и прочей глухаринной печенкой, черничные джемы, варенья, компоты, положительно влияющие на зрение, и прочая, прочая, чего в обычных магазинах при социализме никогда не бывало.

Прейскурант на тумбочке разнообразный, однако столь мелкого калибра, напоминающий более детское питание или лекарства какие, чем взрослую еду, что никому даже в голову не приходило подойти и попросить испробовать, тем более что Геннадий Галактионович расставлял их в некоем очевидном даже постороннему глазу специальном порядке, в коем всё употреблялось тихо, без чмоканья и смакования, вследствие чего «перекусывание» весьма напоминало очередной прием специальных, очень хороших сверхдефицитных лекарств, созданных фармакологией исключительно для референтов горкома партии и никого более.

Пробовать он никому сам не предлагал. Сидел тихо, жевал с закрытым ртом целеустремленно и беззвучно, глядя на тумбочку прямо перед собой, губы сжаты в гузку. Пища абсолютно ничем не пахла, и посему его перекусываний никто вроде бы даже не замечал. Просто считали, что

Галактионович – человек внутренне больной, специальное диетическое питание потребляет, добытое в горкомовском спецмагазине, которое простым людям без нужды.

Но всё же благодаря отдельному питанию жил Галактионыч в общей палате как бы на отшибе: за общий стол не садился, когда натаскивали из коридорного холодильника у кого что есть «заморить червячка» перед отбоем или посередь дня после трудных процедур. Хотя и приглашали. За компанию чего не сесть? Пусть бы даже без баночек специальных, пусть без ничего, как Якут, просто для общего веселья. Вот кто будет без Якута садиться жрать? Якут – главный участник, сидит на своей кровати, и всё ему подносят, чего у кого вкусного имеется, прямо в руки вкладывают, и получается, что он тоже как бы находится за общим столом.

А референт отдельно питается.

Сидит у своей тумбочки, потребляет лечебное питание из баночек, как вдруг в палату заплывают две острозубые щучки: Лебёдушкина с Трупичкиной. Обступили Галактионыча, так что деться ему некуда, даже встать – поздороваться невозможно.

– Геннадий Галактионович, – обратилась душевно к больному врач Трупичкина, – слышали мы, что вы домой засобирались?

Пока Галактионыч дожевывал паштет, пока глотал и готовился ответить, завотделением Евлупьевна опередила:

– Рановато нас покидать, данных для всестороннего анализа маловато, и последствия могут наступить самые непредсказуемые.

– Конечно, – поддакнула Ромуальдовна, – но и то, что есть, прямо говорит: сетчатка ослаблена, следовательно, в любой момент может отслоиться! Нужно срочно подварить в профилактических целях.

– Не надо, – тотчас прожевал и проглотил Геннадий Галактионович, вспоминая запах горелого глаза Дениса, теряя аппетит и отодвигая от себя баночки. – Извините, не хочется!

– Что значит, не хочется? – удивилась Галатея Ромуальдовна, без атропина расширяя собственные зрачки, которые считала обворожительными и коими гордилась, ровно в полтора раза. – Сейчас самый раз произвести, главное, необходимые анализы собраны. Можно хоть завтра делать.

Однако Галактионыч сомневался, что выразил подёргиванием щёк и носа. И даже вслух посмел задать вопрос.

– Вы же... вроде говорили... мало анализов...

– Для полного и всестороннего обзора недостаточно. А по сетчатке в наличии. Хоть завтра! И без всякой очереди. А то выпишетесь, а через месяц она у вас отвалится, а тут обязательно, как назло, мест не окажется свободных в наличии, пока опять анализы соберёте, пока то, сё, пятое, десятое – эффект свежести пропадёт. Труднее будет несвежую сетчатку приклеивать. Сейчас самое то.

– Не-не... спасибо...

Лебёдушкина кинула взор на Трупичкину и покачала головой, вот де странный человек, не понимает своей удачи! Или наоборот: что-то вы, Галатея Ромуальдовна, совершенно мух не ловите. Как можно в присутствии непосредственного своего руководства не уломать и без того округлого референта на операцию при готовых-то анализах!

Скорее всего, Трупичкина расшифровала взор Панацеи именно во втором смысле, потому возложив твёрдую ладонь на округлое плечо сидящего, произнесла не терпящим прекословия голоском:

– Пройдёмте, Геннадий Галактионович, нам с вами следует поговорить серьёзно!

Пухленький человечек окинул баночки прощальным взором, кашлянул раз-другой, составил их в тумбочку, встал с видом серьёзного человека, которого зовут долг и отчизна, выкатив из палаты вперёд докторш, немного расширив грудную клетку, будто ему сказали только что: дышите!

А всё же не зря в горкоме человек работает, есть в нём нечто руководящее, – подумали оставшиеся больные, кто мог наблюдать сию картину, – определено есть! Только очень-очень мало.

Выйдя из палаты, референт замаршировал было к ординаторской, но та же твёрдая ладонь развернула в противоположную сторону, к двери в элитную палату.

– Можете, Геннадий Галактионович, размещаться здесь. Теперь это ваши личные апартаменты, что согласовано с товарищем Рашпилем.

«Раскрыли!», – понял ГэГэ и ещё ниже опустил покатые плечи. Вконец заузился. Расшифровала референта Трупичкина, прознала со стороны, что товарищ Рашпиль, третий секретарь обкома, является непосредственным его тестем, и маленький горкомовец сразу отставил ненужные сомнения, верноподданно кивнув, вошёл в палату.

Докторши проследовали за ним.

– И не беспокойтесь насчет болевых ощущений, о коих наверняка прожужжали уши в общей палате. Вам глаза резать не будем, а сделаем при помощи новейшего оборудования – лазера. Это даже не операция, а коагуляция. Таково научное название. Раздеваться не надо, лежать по двенадцать дней не надо, придёте – посветят в глаз, пощелкают, вот и вся процедура, своим ходом вернётесь в палату.

– А кто будет... щелкать?

Лебёдушкина нежно и восторженно посмотрела на подругу.

– Галатея Ромуальдовна у нас специалист. Прошла полный курс обучения на лазере в Одессе.

– Не хочу лазерного лечения, – неожиданно воспротивился Галактионыч, – благодарю за проявленную заботу, но... не требуется.

– Неужели вы против научно-технического прогресса? – всплеснула руками Трупичкина. – Как-то даже не вяжется...

– Да не против я прогресса, – наморщился Галактионыч заезженным выражением, на которых сам давно оскомину набил. «За кого принимают?»

– Тем более. Идите заберите свои вещи и несите сюда. Всё хорошенько обдумайте, а завтра поутру примите окончательное решение. Настоятельно просим располагаться, палата в вашем полном распоряжении.

И вышли.

Вот и умный, и не хотел, а попался!

Принялся Геннадий Галактионыч, чертыхаясь про себя, перетаскиваться в элитную палату, а прочие обитатели прежней палаты устроили как раз очередной внеочередной обед, чем бог через жён послал: сало солёное с чесночком, сало копчёное, мочёное под прессом в солёном рассоле, рулет, венгерский шпиг с красным перцем, хлеб чёрный бородинский, да лук репчатый тонкими дольками нарезанный в огромном количестве. По-простому, по-свойски, сидят, стоят, лежат, чавкают, анекдоты брешут.

Геннадию Галактионычу неудобно прерывать весёлую трапезу, решил как-нибудь другой раз откланяться, после заглянуть между делом, а сейчас неудобно, не стал своим человеком, да и не мог стать, раз сала не ест за компанию, а из заграничных баночек питается. Нет у него сноровки с простыми людьми работать, не бывать ему ни секретарем горкома, ни даже инструктором, туда вон какие горлопаны лезут! Исключительно референтом может, и то с подачи тестя, третьего секретаря.

Вот попрут на почётную пенсию республиканского значения старика, Геннадию на своём месте тоже ни за что не удержаться. Сомнут в три дня, в неделю уничтожат полностью, отправят какой-нибудь баней-прачечной руководить, а какой из него руководитель? Так надо ли коагуляции эти делать, чтобы прессу для шефа читать всю подряд? Сомнительно, ох сомнительно... от добра добра не ищут!

И тут Сашка распознал Галактионыча по шуму забираемых из тумбочки баночек:

– Э, Галактионыч, садись с нами, салом причастись! Моя с красным перцем притащила, так жжёт, зараза, хоть печёнку вынимай для проветривания!

– Спасибо, как-нибудь потом, ребята, обязательно забегу. Надо в одиночную палату переселиться, так что ухожу от вас...

– В элитную, что ли? Ой, не ходи, Галактионыч, откажись.

– Почему? – референт застыл на пороге.

– Слава плохая про ту палату ходит. Люди в ней портятся непонятным образом. Поселят вроде нормального блатного больного, поживёт он в ней совсем ничего, и всё – нет человека, одна оболочка остаётся. Это ежели мужик. С тетками другая страсть происходит – по ночам хохотать начинают. Представляешь? Нет, я понимаю, моя жинка похрапывает местами, да и сам не отстаю, а ты представь, ежели она хохотать ночью начнёт? Каково? Собственными ушами слышал, как ночью в блатной палате жена какого-то члена президиума хохотала. Проходил мимо – мороз по коже. Ну их на фиг, Галактионыч, не ходи, откажись, лучше давай поешь с нами салца с чёрным хлебушком бородинским и чесноком.

– Да неудобно, уже согласился. Лебёдушкина с Трупичкиной меня туда определили.

– Главное – на чеснок налегай! Ты, Галактионыч, для собственной безопасности не удрыхнись сегодня спозаранку. Полежи, послушай, что к чему разберись с вечера, понял? Ночью поздно будет.

– Чего слушать?

– Одноместная палата – дело тонкое, там глаз да глаз нужен. Того и гляди какая-нибудь санитарка-засоня сверху завалится дрыхнуть, подумает, что никого нет и придавит, мявкнуть не успеешь. Если что, кричи, брат, сразу, мы прибежим, помогём спастись, только на черную кнопку не жми. Есть на стенке кнопка траурного цвета. Денис, ты на чёрную кнопку случаяем не нажимал?

– Нет.

– Во, Геннадий, бери пример. Молодой человек, с высшим образованием, а соображает, чего делать не надо. А вот один там тоже случайный оказался, тот нажал.

– И что?

– Ему вставать запретили, а утку не дали, он просто хотел попросить принести. Так вот, нажал на кнопку, трёх минут не миновало, вваливается в палату незнакомая санитарка, здоровенная такая бабища, кувалдой в лоб не убить, встала над самой кроватью, нависла здоровенным пузом и говорит, чего надо?

– Молодая?

– Нет, старая.

– Ага, а он?

– А ему стыдно стало про утку спрашивать: извините, случайно локтем нажал, не хотел.

– А, может, надо чего?

– Нет, спасибо.

– Тогда больше не нажимай локтем. Понял? Потому что кнопка не работает, и никто на вызов не придёт, можешь зря не надеяться. Надо за отдельную плату договариваться.

– Вон оно что. Никто не придёт, а сама пришла. Интересно. А дальше?

– Денег у него с собой не было, извинился и она ушла.

– Бери пример, Галактионыч, как человек из смертельной ситуации резво выкрутился. Ни в коем случае чёрную кнопку не нажимай, про неё слава дурная ходит, к ночи болтать не буду.

– Может, там человек умер когда? – вмешался Машинист.

– Одним словом странное место, превратное.

– Что значит превратное?

– А то и значит. Своими мозгами подумай. Вот, кстати, сейчас только вспомнил, а в подвале, мужики, у нас какое отделение находится? Кого в подвале лечат?

– Хозблок в подвале и бомбоубежище, никого там не лечат.

– А какого чёрта тогда? Приснилось, будто ночью пост там дежурный находится и медсестра сидит. Я мимо иду и спрашиваю: кого, девушка, лечим? Показалось сзади по талии, что девушка. А она синее лицо поворачивает, седые волосы включенные, смотрела-смотрела, я аж заледенел в одних тапках на холодном полу без носков, и говорит вдруг: «Трупичкину Галатею Ромуальдовну». Вот перепугался – сил нет. А показать не хочу. «Здрасьте вам, – весело говорю, – доктор Трупичкина сама кого хочешь зарежет и лазером прожжёт, она же вам не так-сяк, хирург глазной!» «Нет, – отвечает медсестра, – Трупичкина очень больной человек. Скоро её лечить начнем».

Ага. Так и сказала. Смотрю, сама седая, а лицо вроде молодое, но шибко в синяках, и чего-то так мне страшно сделалось, хоть просыпайся раньше времени. Ей бо. Ни с чего вроде. Может разве от света? Освещение у них, как в мертвецкой, неон синий горит.

– Ты и в мертвецкой побывал?

– Нет, не был. Но представляю.

– Есть там одна седая и точно молодая, – вдруг вторгся в разговор Дизель, – молодые теперь в кого хочешь перекрашиваются, хоть в Бабу Ягу. Мода. Худая девка. Щипнуть совсем не за что.

– Пробовал?

– А то. Я блудил ночью в подвале. Она вывела. В синем свете живёт, белого видеть ни за что не хочет.

К вечеру сделалось ГэГэ в элитной палате до жути скучно. Хотя сам ни с кем особо не разговаривал по-прежнему месту, а всё ж слушал, что другие треплются. А тут...

Делать нечего, разделся раньше отбоя, лег. Час пролежал – не спится. Отбой, все утихомирились. Нехорошо на душе. Двенадцать ночи – не спится, ворочается Галактионыч на поролоновом толстом матрасе, будто ждёт чего, о будущем размышляет. Не особо радужные, между прочим, размышления. Жена больная, тесть старый, квартира хорошая, дача, он пока референт, а завтра неизвестно кто, стоит ли этим кудесницам лазерным давать глаз просвечивать лучом? Если шесть строчек и без очков видит? Не стало бы хуже. Раньше жил осторожно, а дальше ещё осторожнее предстоит...

Не видел даже сквозь веки Галактионыч метнувшейся чёрным лучом быстрой тени из коридора. Только почувствовал, да пискнул сдавленно: «Ой, кто это?».

Внешне после первой ночевки в элитной палате ГэГэ не изменился абсолютно, а вот стоило ему зайти по прежнему места жительства, как все, включая Дениса с завязанными глазами, слепых Саню и Якута, поняли сразу: не тот пришёл человек.

Был прежде Галактионыч хомячком с покатыми плечиками и брюшком, выпирающим яичком из-под пижамы, внешне таким и остался, но

голос за ночь приобрел басистость круче шаляпинского. Такое бывает у мужчин с утра после перепоя, а местами от простуды самой обычной, когда горло опухнет, и начнёт он вдруг говорить неожиданным рокочущим басом всякие утренние несуразности, которые жене и особенно теще обычно не нравятся. И голос, и предмет, о котором ведётся рассуждение.

Жена дёргается, морщится, повторяет: «Да замолчи ты, чего с утра разорался мне тут». Теща быстренько собирает шмутки по сумкам ехать домой от такого зятёва баса, что, естественно, большой плюс.

Геннадий Галактионыч и хохотать - ржать этим новым своим голосом начал весело, раскатисто, с удовольствием, ровно жеребец, вырвавшийся на приволье из старой конюшни с гнилой обвисшей крышей. И то, не канючить же Шаляпину: моя бедная, несчастная жена – создание... Фиг вам, люди гибнут за металл!!! С таким шикарным басом громовержца да обкомовским блатом, да ржанием карьеру можно в два счета заколбасить!

А народ подумал: не иначе сурочили человека в чёртовой палате, смотри, голос чужой у него, ржёт напропалую да матом стегается! Куда девался маленький, затюканный жизненными обстоятельствами Геннадий Галактионыч?

Слепой Саня отказывался верить, что пришёл ГэГэ, только чесал затылок. Был в полном недоумении и снов пояснительных никаких не приснилось. Пришлось объяснять ситуацию с потолка.

– Это не иначе она ему лазером своим глаз до горла прожгла насквозь, от того и орёт теперь благим матом.

– Ночью что ли?

– А то. Как Трупичкина любит ночами оперировать, вы себе не представляете! Вот и референта нашего тоже ночью... испортила по блату. Вместо глаза горло сожгла, учится Ромуальдовна. Потому и голос сменился, а нутро сделалось прожжённое.

– А знаете, товарищи, для чего у нас бомбоубежище ремонтируют в больнице? – спросил ГэГэ, врываясь в палату на третий или четвёртый раз, – думаете спасать от атомного удара? Фигу с дрыгой! Нет, братцы, там будут предателей шлепать!

Он в ярости схватил себя за горло удушающей хваткой и закатил глаза, показывая каким образом предстоит шлепать предателей социалистического отечества, отчего настроение в палате вовсе пасмурнело. Народ отвернулся, замолчал. А ГэГэ рокотал, рокотал будто лекцию о международном положении репетировал, не забывая самым положительным образом поминать эпоху научно-технической революции. Сделался горлодёр и горлохват. И почему так получается: чуть-чуть человек повыше взберётся по карьерной лестнице, на шажок, на ступенечку мизерную будущую, тут же начинает глотку рвать? И свою и чужую?

Тут же утром пришла к нему жена – советоваться.

После вчерашнего разговора ночь она провела в сомнениях и выглядела плохо наособицу, потому как хорошо не выглядела никогда, даже в молодые годы, и хоть платье шито у обкомовской портнихи и туфли модные, но, в общем и целом, наряд сидит, как на корове седло, вдобавок худенька до безобразия.

Только что выписалась после очередного долгого лежания в стационаре: лицо с безвольными чертами имеет зеленоватый оттенок больничных стекол. Вот ежели покойника заставить улыбаться при помощи механических губных прищепок на батарейках, то где-то так улыбнулась жена Галактионыча мужу в то утро.

Видно – живёт человек через силу, но всё одно старается. Трудненько ей приходится, хотя лежат блага на подносе у самых уст. Но даже когда все блага-радости в изобилии очень близко, их же ещё нужно взять да использовать тем или иным способом, растворить в себе, переработать, извлечь пользу. А это не просто сделать нездоровому человеку, последняя сила при этом тратится, и живёт она в полном изнеможении, еле-еле поддерживая себя на плаву, когда столько много разных болезней находят врачи – каждый свою, да ещё хронических, с необходимостью постоянного лечения, проведения профилактических сезонных обследований, курсов лечения.

Залечили женщину вконец добрые люди по большому благу.

Медицинская карточка бедняги напоминает огромный гроссбух какого-нибудь предприятия союзного значения, хотя конкретной опасности для жизни ни с какой стороны не намечается. Из последних сил медики доблестно отражают возможные и невозможные нападки, в результате чего, согласно выявленным хроническим заболеваниям, является Мария Александровна просто мастером спорта международного класса по болезненному многоборью.

Нет ни одного врача обкомовской спецполиклиники, который бы не обнаружил у тихой дочери 3-го секретаря обкома своего заболевания, со временем перешедшего в хроническую форму. Марии Александровне, чтобы выжить, надо лечиться постоянно, а чтобы лечиться, приходится проводить в больницах каждый день по несколько часов. И это без всяких очередей! Всегда в первую очередь! Учиться было трудно, а работать просто невозможно, и перешла Мария Александровна на больнично-домашнее существование к тридцати годам. Прежде болела на пару с мамашей, а теперь и с Геней, вот ещё не слава богу! Тот никогда прежде к врачам не ходил. Не сказать, что бодренько, а всё-таки бегал три первые года на службу в райком, куда папа пристроил, а теперь в горкоме в референтах катавасия началась с глазами: партийную прессу читать не может, глаза отказываются смотреть на газетные подвалы.

Мария Александровна очень тяжело вздохнула. Папа у них в семье – единственная тягловая лошадь. От медицинских профилактик отказывается – «некогда мне лечиться – работать надо!» – вот и весь его сказ жене и дочери.

Они и лечатся гамузом, друг дружку изо всех сил в этом поддерживая.

Тотчас пропустили её в элитную палату, выдав белый свеженький врачебный халатик, и вот жена сидит рядышком, сдвинув узенькие плечи, на кровати, сложив ладони на коленях, и говорит бесцветно усталым совещательным голосом:

–Папа конечно за, но с моей точки зрения опасно делать операцию на неопробованном оборудовании. Я бы лично не стала при подобных обстоятельствах проявлять излишнюю поспешность. Давай отложим коагуляцию до лучших времен, неизвестно, что этот луч может внутри натворить... или в Москву поехать?

ГэГэ посмотрел в зеленоватое лицо жены и впервые озлился на неё. Не дослушал тягомотину, заорал:

– К черту осторожность! Надо! Срочно надо делать и операцию, и карьеру пока есть такая возможность! Какого чёрта распускать нюни, сидеть – ждать, пока жареный петух клюнет в зад! Научно-технический прогресс должен служить интересам социалистического общества в целом и каждого советского человека в отдельности! Надо уметь идти на риск, если он оправдан историческим процессом! Представь себе на минуту, где бы мы были, если не бы рисковал Гагарин, а до него Чкалов и многие другие? В заднице у Америки!

Тихая женщина аж вздрогнула, оторопело засмотрелась на мужа, даже слегка приоткрыв рот, но более не решилась возражать или советовать. Как никогда не возражала папе. А тут вдруг её Геночка, такой милый, интеллигентный, шёлковый референт, вдруг приобрел папины служебные черты, пафос, с каким тот выступает на партийных конференциях в крупнейших трудовых коллективах. Она легко смирилась с этим. Пусть будет так, как решит он.

Ей лишь странно, отчего столь внезапно Геночка превратился в папу, без промежуточных стадий роста и развития, что было бы и диалектичнее и понятнее, ведь буквально вчера ещё они долго беседовали на скамейке во дворе, где он сидел прежним, родным, жутко не хотел навязанной операции, сомневался и говорил, что хочет немедленно вернуться домой, что ему тут надоело. Что не верит ни на йоту всем этим лебёдушкиным с трупичкиными, а теперь Трупичкина для него как новая эра, заключительный этап НТР.

Присмирив перед мужем, она сочла необходимым разъяснить самой себе, что Геночка всегда внутри был необыкновенным, героическим, как папа. Просто до поры до времени не открывался, а она все равно чувствовала и доверилась ему, выйдя замуж. Да, именно так оно все и было!

Парочкой заявили Лебёдушкина с Трупичкиной, выслушали остаток речи про научно-технический прогресс и его значение на современном этапе развития социалистического общества. В частности, о применении в народном хозяйстве лазерной технологии. Не перебивали. Трупичкина вообще опустила бесстыжие глазки к полу, что с ней случалось крайне редко,

такое на нее произвел, должно быть, впечатление рокошущий пафос Галактионыча. Или присутствие его жены, сидящей на той же кровати повышенной комфортности, на которой прошлой ночью происходили разные удивительные события. Лебедушкина одобрительно покачивала головой на выступление горкомовца, будто сидела в зале на собрании партактива.

– Согласны на коагуляцию? – нацелилась Трупичкина авторучкой в живот референта.

Тот выпрямился.

– Согласен. И буду со всей страстью коммуниста способствовать продвижениям отечественной медицины к новым горизонтам. Со своей положительной стороны.

– Хорошо, – произнесла Трупичкина удовлетворенно.

И первая двинулась из палаты, Лебедушкина, моргнув, последовала за ней следом, впервые на вторых ролях.

13.

– Сон страшный сегодня привиделся, знать, много сала вчера после ужина смял с чёрным хлебом, твоего, Машинист, вот меня ночью и прижало. Хотите, расскажу до завтрака?

– Не хотим, – ответил за всех Машинист, – и сала больше не получишь, даже не рассчитывай, пусть тогда тебе хорошие сны видятся на пустой желудок про светлое коммунистическое завтра. Как-нибудь проведёшь в палате про коммунизм политинформацию.

– Не хотите, как хотите. Я не жадный, могу и за бесплатно исповедаться, все равно не утерплю, шибко сон ужасный, опасно внутри такое долго держать, надо с народом поделиться.

Часов в двенадцать вчера уснул, сразу глаза открыл и вижу: наша любимая доктор Трупичкина несётся по подвалу, как угорелая, аж полы халата развиваются на ходу. Свет горит синий, мрачный, вроде напряжение опять в сети электрики перепутали.

«Куда же, думаю, щучка летит на такой сумасшедшей скорости?» Надо проследить, раз глаза дадены. И начал за ней подглядывать. Во сне по-прежнему всё вижу безизъяна, как раньше до вёдер с чёртовой известью, потому и спать очень люблю, спал бы да спал, так нет, Флора ни свет ни заря разбудит: «ка-па-ть-ся!». Пристанет, как банный лист, зараза незамужняя.

– Не отвлекайся, говори по существу: Трупичкина тебя заметила? – Володька надел пижаму, подошёл к Сане заинтересованный, присел на кровать.

– Да куда ей, щучке острорылой, я ж не я, а не знаю, кто, но вроде мошки надоедливой, или просто глаз летучий, могу очень быстро за ней перемещаться. Рядышком пристроился, лечу и всё подглядываю до малейших деталей. Мчится по коридору Трупичкина сквозь синюю ночь, а

про то, что дело ночью происходит, даже и говорить нечего: раз вижу, значит сплю, а раз сплю, значит, ночь на дворе. И представьте себе, залетает Трупичкина в душ, а там пар стоит столбом.

– И раздевается, конечно, догола? – понимающе улыбнулся Володька.

– Размечтался. Нет, ругаться начинает, щучка склизкая. Кричит на практикантку, что де в рабочее время размылась здесь, а в операционной ассистировать некому. Схватила какую-то одежонку с лавки и давай ту хлестать, гнать на операцию. Практикантка умоляет, что у них в общаге душ не работает, дайте хоть голову домыть, но нет. Разъярилась Трупичкина пуще прежнего, принялась девчонку хлестать, аж раскраснелась от удовольствия при синем освещении. Короче, высекла, наорала и обратно убежала.

– Какая операция ночью?

– Вот и я так же подумал. Но муха с человеком не спорит, даже пациент с врачом не спорит, чего с мухи взять? Глазею и то хорошо. Эх, мне бы так видеть, пусть даже не так, хоть чашку на столе разглядеть и то счастье!

– Ну а дальше что? Ты на чашку свою не отвлекайся, рассказывай раз начал.

– Галатее Ромуальдовна снова в подвал летит, прямым ходом к бомбоубежищу, возле него приостановилась, тихой сапой к двери подкралась, ухо приложила, подслушивает.

– А кто там может быть ночью?

– И я так подумал, кто ночью в подвальном бомбоубежище может прятаться? Что происходит? Или расстреляли по случаю войны предателей, как ГэГэ предупреждал? Но нет, оказывается, бригада халтурщиков - чуреков бомбоубежище ремонтирует.

Трупичкина запищала тоненьким голоском:

– Мальчики, откройте, это я пришла! – а сама прямо в коридоре начала с себя одежду сдёргивать.

– Разделась-таки!

– Без трупичкиных раздеваний у Сани снов не бывает.

– Тихо вы! Саня, хвоста сзади не видел? Нет? А чего тогда страшного? Ты же страшное обещал?

– Тут как раз страшное и началось. Заглядевшись, я в стенку врезался и на пол – хлоп, упал, ушибся, лететь не могу, отполз тихонько в сторонку, чтобы кто по случайности не растоптал до мокрого места, смотрю, что дальше будет. Дверь приоткрылась, Трупичкина внутрь юркнула и пошла визжать от удовольствия со всей бригадой подряд. Но я того не видел, только слышал маленько. Потом вдруг матернулась щучка, выскочила обратно, одежду хватать, как вчистит – только ее и видели. Чуреки следом в коридор повыскакивали яростные, вне себя, полуголые, те, которым, знать, не досталось, раздеться разделись, а баня закрылась на ремонт. Забегали: орут, бабу хотят.

Хитрая Трупичкина из конца коридора свет – щёлк, погасила и уткнула в отделение, а в подвале сделалось темно. Ладно, думаю, пора на крыло подниматься, до палаты лететь, иначе потопчут, придурки.

Только взлетел, смотрю из-за поворота выползает по стеночке девчонка-практикантка, тоже ни черта не видит в темноте, обратно в отделение добирается на ощупь, раз начальница приказала на ночную операцию, ну и попалась она здесь. Подумали чуреки, что Трупичкина попалась, и давай валять прямо в коридоре.

Если б у мошки той, в какую обратился, сердце имелось, разорвалось оно от того крика, каким девчонка закричала, когда её в темноте вдруг халтурщики словили. Такой крик ужасный человеку слышать невозможно. Но, видно, нет у мушек сердца, один глаз летучий. Потом нашли щиток чуреки, включили свет, глядят – не та валяется, глаза из орбит вылезли, вращает ими, как сумасшедшая, сама седая. Со страху придушили окончательно, да в тупиковый коридорчик под старый стол засунули. Сверху картоном прикрыли. Монатки собрали, дай бог ноги!

– Найдут! – сказал Машинист.

– А тех пацанов, что у твоего поезда стекло вышибли, много нашли?

– Тут другое дело.

– Не, я знаю, у сезонных халтурщиков даже фамилий никогда не записывают. Других, местных пишут, они же без прописки, а после завершения работы им выплачивают какую-то часть, как договаривались. Не найдут.

– Интересно знать, работают сейчас эти чуреки в бомбоубежище или уже смотались?

– А что, правда, они там есть?

– Здасьте вам, а с чего бы мне приснились? Видеть не видел, а слышать сто раз слышал, как они балакают в бомбоубежище и в коридоре подвальном бегают часто. Да они каждое лето здесь калымят.

Выдумывал Саня от скуки свои сны, или правда их видел, оставалось для палатных обывателей под большим вопросом. Одно дело сказки сказывать про ночные похождения Трупичкиной, другое дело доктор Трупичкина собственной персоной в дневное время: вон пробежала злая-презлая. Две вещи практически несовместимые и что у неё на самом деле в голове кроме операций и постоянного раздражения против младшего персонала – никому доподлинно неизвестно.

На самом же деле Трупичкина в последнее время находилась в самом приятном внутреннем расположении, её приятно радовала тоненькая сладенькая миндалевидно-горьковатым привкусом мыслишка, от которой и не могла и не хотела избавляться: как бы ненароком, походя и как будто случайно растлить одиннадцатилетнего мальчика под носом его собственной мамы. Это был следующий этап, и куда более глубокая

орбита падения для вполне уже взросленькой тридцатилетней хищницы, в которую быстро оформилась Галатея Ромуальдовна Трупичкина.

От одной только мысли про столь прекрасное будущее она впадала в сладчайший чувственный экстаз, который не поймёшь, барахтаясь на полу с десятью бесштаннами мужиками, познавая примитивные грубые страсти свального греха.

Тихое, нежное растрление – вот о чём Галатея грезила ныне, приобняв на диване Панацею, обнажив рыбки зубки, застывала, наблюдая, как мальчик учит уроки, выдумывая при этом новый кайф, от которого здесь же на диване её передёргивало, испытывая который не забывала крикнуть ему в спину: «Не горбись!»

Возжелав осуществления новой нижайшей страсти, поначалу просто держала объект притяжения в сетях гипнотического взгляда и попутно сама впадала в транс, представляя, моделируя изошрённое скорое будущее, строя картинку, одна сочнее другой, тем самым изменяя классическую картину мира под себя. Она не торопилась, потому что всему свой срок, если ей пока от одной мысли про обнажённого, стесняющегося мальчика, которого она сама мысленно медленно раздевает, делается в сто раз приятнее, чем от реального топтания по стелющемуся на полу телу его матери, то куда спешить? Надо беречь столь острое наслаждение, каждую его каплю, которая ещё в состоянии просочиться сквозь каменеющую с каждым днём и часом оболочку трупичкиной души.

Иногда, однако, не выдерживала, оставляла Лебёдушкину вне крепких объятий, вставала с дивана, брала стул, присаживалась за письменный стол рядом с «нашим сынком», как она нежно его называла, проталкивая ноги в тесное помещение под столом, где те якобы вынужденно соприкасались с мальчиковыми. И смотрела, как он читает учебник и пишет осторожные строчки в тетрадку.

Тонкой струйкой наркотического дыма наслаждение поднималось от детской ключицы, возникало на уровне развращенного воображения, и не были ему ведомы никакие рамки морали. Растрление. О, да! Она займется этим немедленно. Немножко, чуть-чуть. Прямо сейчас, на глазах у этой милой, глупой мамочки. То будет новое, экстремальное счастье, очень-очень опасное. А чем опаснее, тем приятнее, до жуткого трепета последнего сопротивления.

Трупичкина недавно из ванны, её короткие, по-мужски стриженные волосы влажны. Обнимая Лебёдушкину, она переняла её запах, и для мальчика пахла матерью. Он не чувствует подлянки, когда почувствует, будет поздно. Усмехнувшись этому, Трупичкина как можно более нежно, женственно, чуть ощутимо приобняла худенькие плечики, придвинув их поближе к своей приоткрытой груди: «Молодец ты мой, Женечка, умничка!»

А придержала крепенько, чувствуя с жадностью каждую секундочку начала, как он упирается, как выгнул спинку, мельком глянул ей за пазуху, дернулся в сторону, но вдруг обмяк и ещё раз посмотрел. Ути – ути! Больше ничего и не надо. Она отпустила его.

Рассмеялась грудным воркующим смехом.

Ах, как скоро мальчик в неё влюбится первой детской любовью, как начнёт ходить по пятам, преследовать робким взглядом, стесняясь самого себя. По ночам спать перестанет, вздыхать начнёт, похудеет, спадёт с лица, и если она поссорится с Панацеей, вдруг кинется яростно защищать её перед матерью, обвиняя ту во всех смертных грехах! Она их обязательно рассорит! А потом помирит, на своих условиях, разумеется. Он должен будет готов отдать за неё свою жизнь. И вот тогда только начнётся настоящая недетская игра! Галатея аж задохнулась от внезапного прилива вожделения. Ути-ути! Птенчик.

Они станут жить втроем: она, малыш и мамочка, обнажёнными будут медленно скользить телами друг по другу змеями в одном клубке, заводясь для безумного секса.

Лебёдушкина читала медицинский справочник. Ей очень приятно, что подруга обожает её ребенка, она даже не подняла глаз, вникая в диагностику сосудистой дистонии, ей так хорошо живется! С Галатеей: такой страстной, жестокой и прекрасной Галатеей, которая научила её чувствовать по-настоящему! Против этих немигающих глаз душа обмирает и трепещет, как пред пропастью. Все мужчины по сравнению с Галатеей – жалкие ничтожества, не зря она презирает и смеется над ними, а особенно над Львом Игнатьевичем, обзывая его «нашим тюфяком» и «полным фуфлом». Действительно, Лев Игнатьевич – ничтожество, сейчас Лебёдушкина видит это со всей очевидностью. Жалкий, бессовестный человек, а впрочем, все они такие. Как однако хорошо, что нынче ей нет до них никакого дела!

14.

К Денису давно должна прийти Аня. Молча сесть рядом на кровать, начать разматывать бинт.

Однажды перевязывать пришла другая, настоящая взрослая медсестра, и хотя она вежливо поздоровалась, интересовалась самочувствием, все равно у молчаливой Аньки получается лучше во сто раз.

Должна прийти, а всё не идёт, Денис чувствует: пора. Неужто решили день пропустить, лекарство на нём сэкономить?

От неприятных мыслей опять жутко затекла спина. Сколько можно валяться в одной позе, не вставая? С рождения не пребывал так долго в одном и том же лежачем положении.

Саня бегает по палате кругами, разминается.

– Хотите, анекдот расскажу про инвалидов? Значит, дело было так. В войну привезли из фронтового госпиталя в деревню раненых раздать по

дворам бабам для быстрого восстановления. Председатель созвал собрание и читает по списку:

– Солдат Иванов, без обеих рук солдатик, берёт кто?

– Берём.

– Петров, без ног, возьмёте, нет?

– Возьмём.

– Сидоров, слепой, нужен?

– Нужен, нужен.

– Кузькин, с руками-ногами, видит, слышит, только хозяйство отстрелено напрочь.

Всеобщее молчание.

– Ну что же вы, бабы?

– Чего совсем-то инвалидов подсовываешь?

Затерявшаяся Анька нашлась внезапно. Оказывается, снова её назначили помогать в операционной. Не тратя времени на долгие разговоры, быстро сделала Денису перевязку, от чего утихла боль в спине, а сама помчалась дальше.

В двенадцать часов появился новый больной солидной комплекции в солнцезащитных очках, который строгим командирским голосом с порога гаркнул:

– Здорово, орлы! Как оно, идём на поправку? Правильно! Наша советская медицина мёртвого из гроба поднимет, а нечего лежать, жить надо дальше! Особенно глазные доктора хороши, – обернулся к сестре, показавшей ему палату и койку, кивнул головой, толи благодаря, то ли отпуская, – взять хоть глазного хирурга Федорова, к примеру, – мировое светило! У господ капиталистов таких умных голов не найти – кишка у них тонка кадры воспитывать! Люди – главное достояние социализма.

Медсестра ушла.

А новенький не поленился обойти присутствующих в палате, протягивая руку и солидно представляясь:

– Елизар Елисеич!

Халат на Елизаре Елисеиче бархатный, тёмно-красного цвета, выдали ему за какие-то заслуги особенные в приемном покое, а штаны ярко-голубые, не линялые как у прочих, но даже со стрелочкой, тапки тоже весьма приличные, кожаные шлепанцы. В общем и целом, несмотря на маленький рост и большой живот, торчащий куполом из-под расстегнутого обширного халата, вид у новенького соседа важный и даже сановный.

Совершив обход, Елизар Елисеич остановился посередине палаты, подбочинясь, глянул по сторонам:

– Холодильника нет?

– В холле.

– А и ничего, ничего, вполне сносно устроены. Живы будем – не погрём, как говорит мой дружок Валька Овчинников. Мы с ним в детстве

дрались до крови, было дело, а сейчас он второй секретарь обкома. По идеологии! И что, думаете, возгордился человек? Ничего подобного! Прихожу к нему вчера только с бумажкой от врачей, так, дескать, и так, выручай, брат Валька, надо мой хрусталик из глаза к черту выкинуть, искусственный вставить. Время подошло, старость не радость, писни бумажку к Филатову в клинику, в Москву поеду за песнями.

Елизар Елисеч обвёл требовательным взглядом присутствующих, как бы удостовериваясь:

– Да вы точно Овчинникова знаете?

– Слышали, – неопределенно протянул Машинист, – такую фамилию по радио.

– Вот, вы слышали, а я с ним по ручке! Что говорить! Земляк он мой, друг детства, понимать надо! Человек настоящий, без этих нынешних церемоний, хоть и в галстук и костюме ходит, каких на улице не увидишь. Обнял меня сразу, секретарше звонок сделал, неси нам, милая, кофе, лимончик. Две рюмочки с коньячком та уже на подносе соорудила, ну сели рядышком за маленьким столиком на кресла, по свойски расположились, врезали, закусили. Э, даже говорить нечего, золотой человек! Настоящий! Вот говорят же – партия наш рулевой! Всё правильно, всё. Но только тогда, когда такие люди у руля, наши люди! Поэтому у нас и достижения, поэтому космос и медицина советская на недосыгаемом уровне! И говорит мне Валька: а на хрена тебе Филатов? Думаешь, сам тебя резать будет? У него длинный конвейер, он только руки моет, первый надрез вершит, остальное ассистенты его кумекают, а вдруг попадешь к начинающему в той цепочке? У нас тут своя звезда есть по глазным болезням, Лебедушкина. Я скажу пару ласковых – она лично тебе сделает на высшем уровне. Всё знает Валька, ах молодец! В курсе! Представляете? У самого зрение стопроцентное, а он какую-то Лебедушкину помнит, в голове держит про запас, а я пришёл – сразу и назвал! Она тебе, говорит, сделает так, что комар носа не подточит! По рукам? По рукам! Записку без церемоний самолично настрочил главврачу больницы, облздрав даже проигнорировал, эти, говорит, начнут там куролесить, ты прямо в больницу иди и ложись! Всё будет хенде хох! Аншлюсс! Сегодня приезжаю в больницу, по записке без всякой очереди ать–два, быстро, сама Лебедушкина осмотрела, передала главному спецу по хрусталикам Франц, и вот я уже здесь. Нет, вы представляете, какая система? Все преимущества социализма налицо, без всяких яких инакомыслящих, чтоб им ни дна ни покрышки!

– Товарищ Гуркин, на анализы, – позвала из коридора сестра.

– А? Видали? Лихо, да? Не успел лечь, уже конвейер включили! Правильно, Лебедушкина завтра – послезавтра операцию обещала, не тянет баба кота за хвост. У нас, советских, в руках всё горит! Орлы! Орлицы!

С сурово-победоносным видом Елизар Елисееич направился сдавать анализы.

– Видать, тоже большая шишка, судя по разговору, – сказал Машинист, – лектор какой-нибудь международный, раз про преимущества рассуждает, как Галактионыч про НТР.

– Халатец себе оторвал, что надо, – согласился Володька, – краснознаменный, у нас на автобазе из такого бархата только знамя предприятия сделано. И то его на демонстрацию не носят, от дождя берегут, а он в халате таком валяться будет на койке.

– Почему тогда в элитную палату не положили?

– Занята Галактионычем.

– Значит, не выше Галактионыча, а то бы того вышибли, нашего лазерщика в два счета.

С анализов Елизар Елисеич заявился ещё более воодушевлённым.

– Что ни говорите, а социализм – лучшая форма существования для нормального человека. Правда, хлопцы?

– Все там будем, при коммунизме, без вопросов, – отшутился Саня.

– Да и сейчас уже любой наш человек имеет право на операцию по Конституции. Лечим всех подряд: и старого и малого, за деньги не держимся! Двадцать шестой съезд партии столько средств выделил на здравоохранение! Как никогда раньше, и это очень правильно, надо лечить народ, надо, братцы! Уборщица самая распоследняя, что контору моет, и я, к примеру, все мы должны иметь доступ к бесплатному лечению. Равенство и братство – это самое-самое наше основное достижение, ибо все мы как один, за исключением, конечно, ограниченного числа всяких отщепенцев, есть советский народ. Верно говорю, орёлики?

– Ещё как! – согласился Машинист, – вы, наверное, на партийной работе состоите?

– Что? А, нет, – немного смутился обладатель краснознаменного халата, – я в другой структуре пребываю.

– Ясненько.

– В народно-хозяйственной.

– Понятненько.

– Короче говоря, на железной дороге.

– Очень приличное место, – обрадовался Машинист.

– Да, помните первые ленинские субботники? С железной дороги начались, самые-самые ответственные кадры у нас работают.

– Согласен. А вы кем служите, в аппарате управления дороги, небось?

Краснознаменный запнулся.

– В депо на складе работаю... кладовщиком. Но советское государство всех нас в больнице делает равными, и всех лечат лучшие врачи.

– Бывает, – согласился Саня.

– Бывает и корова летает, – многозначительно произнёс Машинист. – У вас кто лечащий врач?

– Мне самую лучшую назначили, Франц. Не меньше часа обследовала, и так посмотрит, и этак посветит, то в один глаз, то в другой.

– Точно, Франц по хрусталикам и прочим катарактам спец, – согласился знаток Саня. – А у нас здесь в палате Лебёдушкина с Трупичкиной командуют.

– Трупичкина? – удивился и несколько сморщился Елизар Елисеич, – нет уж, лично меня Франц оперировать будет, – и победоносно огляделся кругом.

И снова его увели на анализы.

– Блатной мужик. Дураку ясно, что социализм лучше загнивающего капитализма, чего тут нам политинформацию читать? Галактионыч, на что в горкоме работает, и то помалкивал... до поры до времени, пока в чёртовой палате не испортился, – высказался Саня.

После очередных анализов Елизар Елисеевич не скис, как иной раз случается, а снова взялся за преимущества социализма.

Усевшись во главе стола, как самый энергичный, нерезанный самобытный человек, благодаря сочному начальственному голосу, принялся рассуждать.

– Стоит нашему брату-производственнику заболеть, будьте здоровы, советская медицина все необходимое сделает, чтобы на ноги поставить, а как же иначе? Вот, допустим, я маленький винтик, а коли из строя выйду, кто будет инструмент в депо выдавать? Сбой на железной дороге получится похуже, чем, если даже какой-нибудь начальник депо заболеет. У того заместитель есть, а у меня нет, поэтому меня надо беречь не меньше начальника. И так с каждым. Равенство и братство – главные наши козыри в борьбе с мировым империализмом. У нас наверх самые простые люди с низов выходят. Возьмите хоть Вальку Овчинникова – второй секретарь обкома, это же шишка огромнейшего масштаба! Делами всей области ворочает, размерами больше Франции, а прихожу я к нему, не виделись со школы, так он меня как родного, как своего встречает-принимает, и в судьбе активно участвует. Вот что было бы, если я, допустим, к миллионеру американскому пришёл просить деньги на операцию? У них же платные и медицина и образование, да он бы послал меня куда подальше, потому что денежный мешок, потому что на прибавочной стоимости помешан, ему надо деньги растить в банке, на что ему земляк? Нет, у нас братство и взаимопомощь, социализм, одним словом.

Все слушали с опущенными лицами, как на обязательной десятиминутной политинформации в начале рабочего дня. Уж больно наворотил много Елизар про власть хорошую, прямо как по радио, так и тянется рука выключить к чертям собачьим. Но человек новый, кто его знает, может, просто дурак, а может и не просто. Короче, больные помалкивают, а если говорят, то на промежуточные темы, слегка позевывая, так, между прочим.

– Володя! – вскричала опять за окном неужённая жена, – выйди быстро на секундочку!

– Володька, твоя пришла.

– Заколебала! – Володька выскочил из палаты.

– А кто это кричит? – спросил Елизар Елисеич, – голосок зычный какой.

– Это жена Володькина, дёргает его вверх-вниз без толку на дню раз по десять, а на передачу шибко не расщедрится.

Володька скоро прибежал и улегся на кровать в свой угол, лицом к стене.

– Володя, куда девался, выйди! Володя, ну что такое на самом деле? Выйди, пожалуйста, я же прошу!

– Да пошла ты! – буркнул Володька.

– Правильно, – поддержал Елизар, – надо марку держать, иначе баба наглеть начинает и на шею садиться. Им только дай повадку. А ты не ходи, пусть поорёт, ей полезно пар спустить, даже необходимо для женского здоровья проораться как следует.

– Володя, – закричала таким пронзительным голосом жена, что у Дениса зачесались барабанные перепонки, – последний раз тебя прошу, как человека, выйди!!! Больше просить не буду! Никогда! Понимаешь, или нет?

Все вопросительно заглядывались в угол, где валялся Володька.

– Сходи что-ли, – попросил Якут, – шибко сильно баба орёт, как бы чего не вышло.

– Предупреждаю, пожалеешь!!!

– Не ходи, не ходи, – подскочил к окну Елизар, – потерпи немного, и мы все потерпим, нельзя повадку давать. Пусть проорётся, никуда не денется.

– Волод-я-я-я-я-я-я-я-я-я-я-я-я!

Муж ткнул голову под подушку. Елизар закрыл окно.

– Не ходи, не ходи, парень. Пусть баба с жиру перебесится, я их сестру знаю досконально. Твоя сторона должна одолеть. Раз дашь слабину – изничтожить будет до самого конца жизни, у них даже термин есть: «взять под каблук». Терпи. И мы потерпим за правое дело, да, мужики?

– Ну, всё, знай, Володя, довёл ты меня! Всё! Ухожу! Больше никогда к тебе не приду, так и знай! Помирать будешь, не приду!

– Знаю, знаю, – произнес Володька голосом презрительным, но дрожащим.

– Молодец, так и надо. Ей вожжа в одно место попала, а ты бегай! Так не набегаешься! Будь мужиком, не реагируй на фокусы. У них это любимое занятие чужую жизнь под свою прихоть устраивать, помните у Пушкина сказку про старика и старуху, вот точнёхонько, как есть, так и описано. Дай ей потачку маленькую, глазом не успеешь моргнуть – всего проглотит, не поперхнётся, токмо и будешь делать, что у неё на посылках служить.

Вовка не пошел, хотя жена орала полчаса, не меньше, прежде чем угомониться и уйти.

– Это она у тебя шибко энергичная. Тебя-то нет, вот ей и некуда энергию девать. Проорётся – успокоиться, это самое-самое их бабье дело – орать. Как же ей без него? Никак.

Вечером после ужина крик раздался вновь.

– Володя-я-я-я-я!

Окно было растворено, Володька махом скатился с кровати и унёсся вниз.

– Вот ведь катавасия какая! – нахмурился Елизар, – никакого порядка в семейных отношениях у людей!

Однако на этот раз Володька вернулся не сразу, как обычно, а со здоровенным арбузом минут через двадцать, как все нормальные люди после свидания: веселый и довольный.

– Мужики, давайте арбуз резать. Тёща принесла. Тёща у меня нормальная тётка, очень даже хорошая.

– Это она кричала?

– Она. У неё голос как у жены, а человек совсем другой.

Поедая сахарный арбуз, все признали, что тёща у Вовки действительно на зависть. Здоровенную ягоду припёрла, килограммов на десять тянет. Съели сразу, угостив всех нянечек, те и стол помыли, чтобы мух не разводиться.

Под конец срока Денис измаялся лежать на кровати без движения. И вот ночью ему приснился освободительный сон. Будто он негр, бегун на короткую дистанцию, выступает на Олимпийских играх 1936 года в Мюнхене или в штате Алабама, где негров до сих пор линчуют куклусклановцы.

Он негр и Анька на трибуне негритяжкой сидит, за него болеет, и кругом очень темно, практически ночь. Почему соревнования проводятся ночью, его особенно не удивило: заграница она и есть заграница. У них свои порядки. Ладно, мы и ночью победим. Какая заграница – неясно, но, судя по всему, скорее, всё же не Германия тридцать шестого, а Соединенные Штаты, вон куклусклановцы в своих колпаках с прорезями и белых медицинских халатах на трибунах сидят.

И вот стрельнул стартовый пистолет. Ноги Дениса совершили первый огромный скачок, столько энергии в них накопилось за время лежания – ужас, и в эту же секунду чертовы куклусклановцы набросили на него ковбойское лассо, прямо на глаза, и ему стало не видно, куда бежать, кругом сплошная чернота! Проклятые расисты! Нет от них бедному негру нигде спасения, даже на Олимпийских играх! Обеими руками Денис начал стягивать петлю с глаз, а она туго зацепилось, но поднатужился и сорвал. И тут же понял, что не лассо это и он не лежит, как полагается, а стоит, причём не в палате даже, а в ярко освещённом коридоре, а глаз его прооперированный видит даже хуже, чем прежде. Раньше пространство искривлялось, а солнечный свет проходил, теперь большое чёрное пятно свет застит.

И тут кто-то начал его в живот пихать.

Анька откуда-то взялась, обняла и заталкивает обратно в палату, пыхтит: «Что ты? Зачем вскочил? Пойдём обратно, ложись давай, ложись, я

новую повязку сделаю. Вот Трупичкина узнает, так уж не сносить нам обоим головы».

Окончательно проснулся Денис, тяжелея сердцем, совершил неуверенные шаги обратно в палату, лёг в постельную рекомендованную позу. Анька перевязала, посидела рядом некоторое время, затем ушла, а он безрадостно смотрел на огненное пятно перед глазами, в коридоре бывшее черным, а теперь, напитавшись светом, оно и в темноте полыхало почти как солнце. Смотреть больно с закрытыми глазами. А попробуй открыть. Получается, еще хуже зрение стало после операции, только зря мучается. Не везет, так уж не везет.

15.

– Мужики, – улышал Денис утром голос Володьки уже после Нонны Викторовны, – к нам негра привезли! В коридоре на стуле сидит, с завязанными глазами.

– Какого негра, спортсмена? – страшно удивился Денис.

– На счёт спорта ничего не знаю, но говорят, что из тайги привезли. Ночью.

– Негра из тайги? А что он там делал? Ночью?

Все, кто мог ходить пошли срочно в коридор на осмотр таёжного негра, что даже позабористее снежного человека будет. Конечно, Саня уже лазал на ощупь вокруг того негра, который действительно пребывал на стуле возле окна в коридоре, с выпрямленной спиной и крепко-накрепко забинтованными глазами.

– Не негр, – шепнул Елизар Елисеич Машинисту, – глянь, руки обычные, красные и губы... обыкновенные.

– Скорее, на шахтёра смахивает, – согласился Машинист, – наверное в шахте где-нибудь авария, вот срочно и привезли неумытого.

Пожилой седоватый мужик с абсолютно чёрным лицом, в клетчатой рубаше и потасканных брюках сидел молча. Кроме Сани, вокруг него хороводилось много слабовидящего, но любопытного народа.

– Шахтёр, дядя? – спросил Володька.

– Охотник, – ответил негр.

– Я уже провёл дознание, – буркнул Саня, – не приставайте зря к человеку, пойдёте в палату, там расскажу.

Оказалось, худощавый мужичок с чёрным лицом, действительно, профессиональный охотник, доставленный из таежного поселка, где и проживает.

– Патроны подготавливал к осеннему сезону, – рассказал Саня, – необходимые причиндалы на столе разложил перед собой: дробь свинцовой на сковороде накатал, потом гильзы, пыжи, порох и сидит себе, набивает потихоньку. А куча пороха располагалась посередине стола.

– Закурил, небось?

– Да ты что, нет, конечно. Серьёзный человек, но всего не предусмотрит. Над столом висела лампочка электрическая, вот она-то возьми и взорвись ни с того ни с сего. Порох рванул. Представляете? Вот надо ей было ни раньше ни позже, а когда патроны делал. Теперь у мужика морда чёрная надолго.

– Да, не скоро отмоется. А с глазами как?

– Глаза сейчас врачи смотреть будут, повязку снимать. Его прямо в деревне забинтовали.

Через полчаса по коридору ходил черномазый охотник, сверкая негритянскими весёлыми белками. Он стал много разговорчивее против прежнего, с удовольствием повторял всем встречным–поперечным, даже тем, кто и не спрашивал ни о чем:

– Успел закрыть, к ядрёной фене! Веки, ресницы, всё спалило, но сто процентов зрения сохранил, а то б что я без зрения сейчас делал?

Слабовидящие согласно кивали головами. Повезло. А то бы и делал, что все они делают здесь месяцами и годами. Мечтал бы край чашки увидеть, чтоб жену лишний раз не просить подавать.

– Вот что значит охотничья реакция, – тоже позавидовал Машинист, – а я не успел закрыть. Так ведь нам, машинистам, правилами запрещено глаза закрывать – на пути смотреть обязаны во что бы то не стало. А тебе в это время бац кирпичом в стекло! Вчера Трупичкина сообщила весть: помутнение роговицы на левом глазу началось. Вот ещё педагоги говорят, что детей наказывать физически нельзя! Пороть их нужно!!! Детей этих, пока поперек лавки лежат, а то вырастут во всю длину и давай кирпичами поезда обстреливать.

В положенное время бодрый Елизар Елисеич потопал на операцию. Но всё же волновался, хотя другим старался не показывать, несколько раз повторил, что ему будет делать сама Франц, а не какая-нибудь там Трупичкина-Тряпичкина.

Франц дело знает туго, уж анестезировать, во всяком случае, не забудет. Ему поддакивали: «Конечно, Елизар Елисеевич, само собой, какой может быть разговор? Франц, она и есть Франц. К плохому хирургу не направят, раз от самого второго секретаря обкома коммунистической партии идете».

После длительной операции привезли тихого на кресле, он сразу с каталки слёг в кровать, сестра заботливо накрыла болезного одеялом, после чего пролежал Елизар Елисеевич до самой ночи молчком.

Его не трогали, ни о чем не расспрашивали, предложили после ужина чайку с бутербродиком откусать, он не ответил, ну нет и нет, чего теперь? Послеоперационника грех тревожить, пусть и блатной, по бумажке оперировался, может, у самого лучшего спеца, а всё одно человек. И глаз у него разрезан не меньше, чем у прочих обычных смертных, и после

анестезии так болит, что жизнь кажется излишней и ненужной роскошью, а не формой существования материи в рамках развитого социализма.

Молчал Елизар Елисеич весь вечер, ночь промолчал, а утром рано, ещё до вскрика Флоры, часов около шести случилось происшествие: раздался в палате непонятный звук.

Будто что маленькое, но тяжёлое упало на пол и покатилося, покатилося, покатилося... куда-то, непонятно куда.

Денис проснулся от этого звука и не мог понять, что там катается по полу туда – потом сюда, и снова туда, а главное, кто хнычет, сопливо пошмыгивая. Неужто Саня опять девчонку какую в коридоре изловил и в палату притащил на перевоспитание?

Однако Саня оказался совершенно ни при чём: то не по-мужски ныл и хныкал Елизар Елисеич. А шарик металлический выпал из его глаза, точнее сказать не из самого глаза, а из того места, где раньше был глаз, а теперь нет – удалили. И вот, чтобы ямка не заросла мясом, до тех пор, пока не сделают подходящий протез нужного размера и цвета зрачков, вставили бедняге металлический шарик. К утру шарик вывернулся из-под повязки, упал на пол и покатилося по палате людей пугать: то под одну кровать забежит, то под другую путешествует сам по себе без посторонней помощи. Как живое существо из будущего.

– Уж она меня резала-резала, оперировала-оперировала, – начал, слезно пошмыгивая, плакаться Елизар Елисеич, – Франц эта, чтоб ей ни дна не покрывки. Что-то там у нее никак не получалось, сосуд какой-то лопнул некстати, только два раза уколы новые анестезирующие втыкала, а рожа сердитая такая, мне аж страшно делалось, как она шприцом в глаз замахивалась. Взмолился я: «Не надо мне никакого хрусталика искусственного, ладно, так проживу, видел же ещё немного, да пусть тускнеет к старости, раз положено природой, спасибо, не надо больше ... отпустите меня, я домой уйду ...». «Молчи! – рявкает сердито, – не скули под руку, и без тебя тошно!»

Это ей, бабе накрашенной, размалёванной меня резать тошно! А мне каково, разрезанному, терпеть ейные художества? Резала-резала, всеми недовольная, а в конце говорит: «Придётся глаз удалить». И удалила. После чего совсем рассердилась: «Столько время на тебя извела, целых два часа и всё без толку!». Целых два часа потеряла! А я? Я глаз потерял навсегда, это как называется? По великому благу, от самого Овчинникова к ним припёрся, дурак-дураком, думал: уж по бумажке сделают как надо! Сделали! И что, на кого жаловаться теперь? На Франц, или на Овчинникова, и кому? А может, сразу на себя самого донос прикажете накатать? Подписку перед операцией дал, думал, для проформы, а теперь по благу без глаза остался. Нет, прогнул социализм насквозь до самого доньшка! Все кругом халтурят, только считается, что работают. Всё норовят утащить, что плохо лежит с работы, взять тех же медиков, разве они спирт казённый не ташат, а на дежурствах не хлещут? Разве подарки от больных не получают? Разве не везде в нашей проклятой жизни блат и дефицит? Везде, от родильного дома до похоронного

бюро: всё по благу, ничего нет и всё в дефиците. Нет, надо взять большую пушку и всю эту хреновую банду расстрелять, которая жить нормально народу не даёт!

После обеда к Гуркину пришла врач Франц. Седая полная врачиха с грубоватым лицом.

– Болит глаз? – спросила сурово, разглядывая дело рук своих.

– Нет уже, – ответил Елизар Елисеич несколько подобострастно, – после операции поныл маленько, теперь успокоился.

– Да, заставили вы меня поволноваться. Ладно, дело прошлое. Завтра с утра мерку снимем, будь готов! – сказала врач тоном лагерного пионервожатого.

– Всегда готов! – отозвался Гуркин почти весело, страхась рук Франц, которая еще не раз будет ему бывший глаз щупать.

А когда врач авторитетно вышла, сказал: «Я её заставил поволноваться, слышали?» и с новой страстью обрушился на недостатки социализма, проклятую жизнь в Стране Советов, а также на её организаторов: Ленин – сволочь, Сталин – азиатский тиран из уголовников, Хрущев – хряк, Брежнев вместе со всей своей семейкой – мафиозная параша.

– Ты хоть Ленина не трогай, – пытался возразить Машинист, – он жизнь отдал за счастье народное. А что такое хреновое оно получится, не догадывался из своего семнадцатого года, из Швейцарии ж не видно.

– Вот он-то и был главной подлюкой, которая заварила всю эту коммунистическую кашу в стране, – взорвался Елизар Елисеич, – да чтоб ему на том свете в аду сгореть, трупу вечно живому, как мой глаз вырезанный внутри головы горит, хоть и валяется где-то на помойке!

Все молчали, когда Елизар разорялся. Понимали – плохо человеку, очень плохо.

Чтобы хоть маленько успокоить неважно прооперированного, Саня рассказал смешную инвалидскую историю:

– Значит, дело было так. Сидят два инвалида в инвалидном доме в коридоре, и один другому говорит: «А давай поспорим на рубль, что я смогу своими зубами свой глаз укусить?». «Давай поспорим». Вытащил тот глазной протез, сунул в рот, укусил и на место вставил, пришлось с рублем распрощаться. Сидят дальше. «А давай поспорим ещё на рупь, что я зубами другой глаз укушу?». «Но ведь он не слепой, видит, – думает другой инвалид, – не может же у него оба глаза протезные быть». «Давай, спорим». Вытащил тут хитрец вставные челюсти и клац – другой свой глаз укусил. Ещё рупь выиграл.

– Всё? – спросил Елизар Елисеич, не думая смеяться.

– Всё.

– Вот сволочь – обманщик!

Через два дня Елизара Елисеича по-быстрому выписали, и коллектив вздохнул с облегчением. Уж слишком политизированным кладовщик оказался. За один свой глаз изготовился всех коммунистов подряд

перевешать в порядке номеров партбилетов, что не досмотрели, какие у чертовой Франц руки-крюки оказались. «Раз взялись отвечать за всё, отвечайте! А то понапишут книженций: «Я отвечаю за всё!», а как до дела доходит, сразу в кусты, мать вашу! – орал Гуркин в палате и даже в коридоре начал голос повышать, – крайнего с роду не найдёшь! Расписки берут, что ежели работу плохо сделают, то не взыскивать! Крючкотворы пузырёчные! Я научу вас свободу любить! Вы у меня узнаете плату за жизнь!

Однако саму Франц, как ни странно, при выписке благодарил, извинившись, что так ей долго пришлось трудиться над его глазом, а совершенно, кстати, напрасно. Надо было сразу выкидывать всё яблоко на хрен, раз сосуд лопнул склеротический, и все дела! У него ж ещё глаз есть! Эка невидаль! Уж протез мне хороший поставьте, пожалуйста, импортный желательно...

Почти сразу после выписки Елизара случилось в городе событие, в котором начали подозревать руку деповского кладовщика.

Известие распространилось по этажу со скоростью необычайной. И тут началось действие непривычное, со стороны так и вообще непонятное: швабрит, допустим, Лизавета Ивановна коридор, махая тряпкой от стенки до стенки. Трупичкина пробегает мимо по своим делам, её никак не трогая.

– Слышали, из Москвы комиссия прибыла с проверкой работы? – спрашивает Лизавета Ивановна начальство в упор, и ещё сильнее при том хмурясь.

– Чьей работы?

– Вашей, врачебной. Приглашают всех больных глазных отслоечников прийти провериться, как их прооперировали.

– Не комиссия, а бригада. Что вы всегда, Лизавета Ивановна, шум поднимаете, если вас напрямую дело не касается?

– Меня всё касается, я с пятнадцати лет по медицинской части пошла, и в профкоме состою больше, чем вы на свете живёте. Слышала и вам передаю, чтобы тоже знали.

– Одна слышит, другой видит во сне. Работайте тряпкой лучше, Лизавета Ивановна, да поменьше языком трепите.

– Уж лучше языком, чем хвостом перед чужими мужиками, Галатея Ромуальдовна, – громко высказалась безбоязненная старуха.

Ромуальдовна взвилась было гавкнуть по-серьезному, но что-то сдулась и бежала, натоптав на чистом грязные следы.

– То-то же, – произнесла удовлетворенно Лизавета Ивановна, замывая за щучкой.

Лицо её старушечье разгладилось от жёлтых морщин, сделавшись ровным, слегка розоватым, хмурости как не бывало, и она даже песню тихо завела:

Помню тебя, дорогую подругу мою...

Доктор Трупичкина и без санитарки прекрасно знала, что в городе работает спецбригада восемь человек, с двумя профессорами в том числе по линии Минздрава. Приглашают всех отслоечников обследование прийти, провести диагностику. Какие будут итоги их работы – неизвестны, да и будут ли? Неизвестность – худший помощник в любой деятельности. Трупичкина не то чтобы расстроилась, но позвонила прямо на работу Геннадию Галактионичу, который сделался уже лектором обкома, призвала к себе домой на вечер. «Надо его дотоптать! Сколько можно мне в простых врачах бегать? Не хочу! Хочу заведением стать!»

Оттоптав ГэГэ, пришла ночевать к Панацее и раздевала её в спальне, как фрейлина, разговаривая меж приятным о трудовом дне.

– Не нравится мне все это, – обнажив грудь подруги, произнесла Галатея после напоминания о московской бригаде.

– Что расстраиваться раньше времени, милая моя, – ворковала Панацея лежа на спине, и чувствительно извиваясь. – В прошлом году тоже приезжали. И ничего.

А год году рознь, между прочим. В прошлый раз мало кто на комиссию пришёл обследоваться, на этот объявление в газете дали, народ и повалил большими толпами. Москвичи даже и не рады стали, ибо работать им пришлось с утра до вечера. Многолько Панацея с Трупичкиной глаз нажгли.

По собранной статистике было проведено экстренное совещание в здравотделе, куда пригласили товарища Панацею Евлупьевну.

Трупичкина решила не отпускать её одну: «Я с тобой до конца!» Так вдвоём и предстали девушки-подружки пред светлые очи медицинского начальства в высоком кабинете, где были подвергнуты жестокой обструкции.

Председатель москвичей доложил, что 87 процентов оперированных врачами Лебёдушкиной П.Е. и Трупичкиной Г.Р. за последние два года имеют рецидив отслойки.

Лебёдушкина такой провальной статистики не ожидала, начала мямлить, краснеть, пылать ликом, как алая роза с юга, Трупичкина поняла, что дело швах и попросила слова.

А взяв его, принялась громить, ни грамма не краснея:

– Цифры, конечно, говорят о многом. Но давайте разбираться конкретно, чья вина в том, что они таковы? Одних ли хирургов? Вы видите голые цифры, а я за этими цифрами – судьбы конкретных людей. Возьмем недавний случай с известным нашим футболистом Вячеславом Кургановым. После успешно проведенной операции имел улучшение остроты зрения с 0,1 до 0,8 на обоих глазах! Вышел из больницы, женился и после брачной ночи прибежал обратно в больницу опять с теми же 0.1. Кто в этом виноват? Разве хирурги?

Далее, Ферапонтова – также выписана со значительным улучшением зрения. Упала дома во дворе, по дороге в уличный туалет, в результате получила сотрясение мозга и рецидив отслойки. Лебёдушкина с Трупичкиной виноваты?

Прооперированный пенсионер Носков после двух месяцев, проведённых в больнице выписан со значительным улучшением зрения, затем ещё два месяца дома держался, но забоялся упасть, когда из калитки выйдет, там с крыши у него накапала вода и замерзла в катушку, взял ломик и пошёл долбить. В наклон! Долбить!! Ломом!!! Стопроцентная отсложка с полной потерей зрения!

Это вы называете рецидивом?

И так в каждом отдельном случае я могу назвать истинную причину повторения отсложки, которая никак не связана с качеством проведённых операций по вашим методикам, а с тем, что у нас здесь, извините, не Москва! Наши пациенты по большей части живут в частных домишках, с туалетами во дворе, тротуары в городе зимой не чистятся, ходить невозможно, скользко, с плохим зрением они падают – получают рецидив. А снег им у себя во дворах приходится лопатами в наклон кидать, дрова рубить, уголь таскать. У нас надо печки топить самим, вы это помните или вообще не в курсе? Условия жизни не сравнить со столичными благоустроенными, отсюда и рецидивы. Мы им никак не в состоянии предоставить восемь месяцев спокойной жизни после операции.

И за это вы будете нас наказывать? «Дело врачей» очередное откроете?

Задав последние оглушительные вопросы, Трупичкина злобно оскалилась на председателя москвичей, как щука на обычную плотву, и села.

– Ну-ну, товарищи, не будем, – выступил с заключительным словом начальник здравоохранения области, – к сожалению, в докладе наших московских коллег действительно не приведены конкретные причины рецидивов. Они просто собрали статистику. Да кто там знает на самом деле, из-за чего произошло? Вся методика, извините, на соплях скроена. Зато молодой энергичный врач Трупичкина освоила бескровную лазерную хирургию. Но статистика всё же факт объективный...

Итоги работы московской комиссии оказались сенсационными: Панацею Евлупьевну Лебёдушкину сняли с заведывания отделением, поставив на её место молодого перспективного доктора Трупичкину.

Кто смел – тот два съел.

Но Панацея была настолько сильно покорена Галатеей, что даже обрадовалась и первая поздравила, схватив за руку свою любимую. Она больше не хотела быть начальницей над ней, а мечтала навсегда остаться её маленькой девочкой и подчиненной. Ромуальдовна за верность оттоптала её основательно в этот свой по-настоящему праздничный победный вечер.

План организации семейного трио с Панацеей и сынком стал как никогда близок к осуществлению.

Сынок влюбился в Галатею по уши, но даже не это главное, главное – начал следовать за ней повсюду, как привязанный, и на том попался серьёзно, увлекшись подглядыванием.

Галатея принялась переодеваться чаще, специально позволяя мальчику увидеть всё, что у неё имеется, и даже немного подтанцовывала сама с собой при этом, совершая различные телодвижения. Чувствовала, что он уже хочет

её и не умеет скрыть этого, краснея до корней волос, когда они сталкиваются взглядами.

Хотя и продолжала со скромным видом как бы ничего не замечать, то и дело присаживаясь к нему, когда Панацеи не было дома, обнимая за шею, и даже при Панацее объявляла, что он её самый любимый мужчина.

Женечка не отбивался, не увиливал. Куда там, напротив, постоянно пребывал дома в той комнате, где находилась Галатея. «Вожделеет, юный козлик, – восхищалась Трупичкина, – ах, как здорово будет отдаться ему невзначай, во время борьбы за подушку на диване, а потом обвинить во всех смертных грехах. Но это было бы не вполне интересно. Толку от него? Как с козла молока. Планы Галатеи совсем иного калибра. Объятый похотью Женечка обязан будет первой овладеть Панацеей, которую она предварительно вгонит в сексуальный транс, да, пусть-ка возьмёт мамашу! Пусть вступят в кровосмесительную связь, а она королевой будет возлежать свыше и посматривать поощрительно на семейку, сожительствующую под её чутким руководством! Вот где бездна удовольствия! Такой тайной можно впоследствии держать Панацею в рабынях сколь угодно долго, до самой смерти! Можно будет вытирать ноги о неё и мальчика, топтаться по ним, сброшенным на пол, страшным грешникам! Ха-ха! Вот где высший класс нежного, трогательного разврата, вечного тления, сладкий запах которого щекочет ноздри Трупичкиной, словно от гниющих яблок, забытых на даче в тарелке посередине стола, накрытых белоснежной салфеткой.

Пока всё красиво, а снимите салфетку, жуткая вонь поднимется! Сколько мух налетит!

Около часу ночи, когда отделение стихло, Трупичкина проводила взглядом практикантку, собравшуюся незаконным образом посетить помывочное отделение, и как всегда почувствовала при этом новорожденное животное вожделение. Надо бы сбегать отстегать хорошенько голеньку за нарушение порядка, поприжать слегка, а может, и напасть по-серьёзному наконец. Сделавшись заведующей отделения и тем самым получив в руки необходимую и достаточную власть, щучка вошла во вкус. Двоих уже подловила и крепенько приструнила в мокром виде. Одна бросила практику и даже из медучилища отчислилась от греха подальше, другая сделалась покорной, просто шелковая девушка: сама приходит к Трупичкиной домой на сеансы.

Но мало ей одной рабыни для удовольствия. Ромуальдовна положила рыбий глаз на Аньку. Сегодня что-то ужасно как ей захотелось оттоптать девчонку. Имевшаяся в распоряжении покорная домашняя тюля не вполне удовлетворяет: вяловата, бессильна, надо побойчее сломать в целях создания гарема, чтобы топтать их у себя на квартире на пару, а потом бы они на коленках, голые, подползали к ней, восседающей на диване царицей, притаскивали одна – чашку горячего кофе, другая – молочник и сахарницу. А она ставила бы на них ступни, прижимая шеи ниже плинтуса. Подстилкой будут! Ковриком для ног! Разотру!

Пока растереть не выходило. Она ли, заведением, не разговаривала с практиканткой весело, смеялась даже, пытаясь расположить к себе? Она ли не приглашала приходить домой в любое время? Но та отвечала уклончиво, спасибо, де сейчас как-то очень не хватает ни на что времени. Потом обязательно.

Трупичкина догадывалась, что старые санитарки порассказали чёрти что про неё молодому поколению, и дружба-любовь согласно обоюдного соглашения вряд ли получится. Ну и ладно, не катаньем, так мытьем возьму, – осклабилась презрительно Ромуальдовна, – никуда не денешься!

«Вот добежала до помывочной, – считала мысленно минутки и секундочки Трупичкина, – быстренькая девочка, вот разделась, ути-ути, вошла в кабинку, включать воду. Так, включила, пробует пальчиком: не горячо ли? Ах, горячо, горячо тебе придётся сегодня... пора брать!

Галатея Ромуальдовна исчезла из отделения незаметно, как она одна умела делать. Будто нечистый её слизнул: вот только что всем мешалась, орала, а на самом деле давным-давно её нигде нет. А персонал с больными по-прежнему оглядывается и вздрагивает, когда кто мимо неаккуратно пробегает: довела Галатея народишко подчинённый до перманентного состояния, что тени боятся любой, все в напряжении непрерывном пребывают, дёргаются.

Стоя под душем, Анька мыла голову, когда вдруг рядом раздался вкрадчивый голос:

– Ой, спешу-спешу, можно с вами под одним душем ополоснуться, здесь так трудно краны включаются...

«Трупичкина», – ужаснулась Анька, ощутив хладную лапку начальницы на плече, оттолкнула её, бросилась в раздевалку.

«По рукам старших бить? Это что за наглость?». Но вслух заведующая вскричала о главном: «В рабочее время... в рабочее время!», – быстро оделась и направилась следом.

Сейчас она им всем устроит грандиозную выволочку! Покажет, как бегать мыться посередине рабочей ночи! Разгонит персонал по углам, а с практиканткой запрётся в красном уголке и будет строполить до самого утра о смысле жизни и соблюдении производственной дисциплины: «Всё равно оттопчу!»

Взбежав на третий этаж, Анька увидела, что пост дежурной медсестры пуст, значит, та в ординаторской, туда бежать? А если нет её и в ординаторской? Страшно остаться ночью один на один с Трупичкиной, её ощеренной рыбьей челюстью.

Запнула возле дверей мужской палаты, где лежал Денис. В отделении всем известно, что Трупичкина избегает находиться в мужских палатах, а когда приходится бывать по необходимости с обходами, выскакивает вон впереди всех пробкой из бутылки.

Войдя в открытую дверь, практикантка спряталась за выступом стены. Со света, в темноте её не заметно, но если Трупичкина включит свет, конечно, увидит.

«Ах ты, дрянь! – всем своим организмом затрепетала-возмутилась Ромуальдовна, которая тоже летела в мокром халате, но без вещей, – ох, как ты мне поплатишься сегодня! Пусть только попробует отказать, скандал закачу, не обрадуешься, вертихвостка!»

Твёрдым костяным шагом вклинилась в мужскую палату по светлому лучу, делая его чёрным своей тенью и говоря: «Везде найду, от меня не спрячешься!» Остановилась возле кровати слепого Сани, даже наклонилась, всматриваясь, один ли спит?

Сане снилась летняя рыбалка с плота на озере. Сидел тихо на чурбачке с удочкой, как вдруг поплавок резко нырнул вниз, слишком резко, и удочку вмиг вырвало из рук, всё удище под воду ушло. Саня вскочил, нагнулся посмотреть: что там такое, щука или таймень? Да откуда здесь, на маленьком озерце, подобные размеры могут быть? Как вдруг навстречу ему из воды выпрыгнула здоровенная белая акула с открытой пастью, которую пришлось схватить за боковые плавники и, увернувшись от зубов, бросить на плот, самому налечь сверху. Вот добыча, так добыча! Только бы плот не перевернула! Сырая, холодная, вроде из океанских нижних глубин поднялась.

Еле-еле Саня уворачивает башку от жутких зубов, одним таким чуть заденет, всё, пиши пропало. Да жёсткая какая! Руки заняты, так начал чудовище коленом по хвосту молотить. Бил, бил, аж чашечка коленная свернулась, тогда другим! А ты как думала? На рыбака нарвалась, это тебе не пингвинов с льдины воровать! Колошматит Саня в брюхо холодное да мокрое ту акулу зубастую, чувствует: хвост у неё раздвоился. Уже легче стало. Раз такое дело, приспособился долбать тварь морскую другим, мужским способом, а за жабры всё равно держит, не отпускает ни на миг. Какое тут, отпусти только, враз без головы останешься. Зубы прямо в ухо чавкают. Жуть!

Давненько с такими тварями не боролся. Страшно – приятно! Но холодно и мокро. А к утру даже пот пробил.

Выскочила в страхе практикантка из палаты, проснулись почти все обитатели, слушали, что такое происходит на Саниной кровати при траурном молчании. Уже светать начало, когда еле вырвалась, вывернулась, выскользнула Трупичкина из рук строителя коммунизма и рванула вон затурканная, сама не своя. А Саня... захрапел как ни в чем не бывало дальше. Проспал завтрак, Флорины капли, Нонны Викторовны уколы.

Когда к обеду пришёл в себя, первым делом принялся в подробностях обсказывать, как целую ночь напропалую воевал с акульей русалкой. Машинист поставил стул напротив кровати Сани, сел, долго разглядывал рассказчика шлифованными мутнеющими глазами с близи, словно что хотел найти неведомое в этом давно знакомом человеке.

Слушали его молча, вопросами ни разу не перебили. Когда Саня довёл свою невероятную даже для рыбаков историю до конца, что всё-таки акула вырвалась от него, ушла обратно в глубину, Машинист произнёс среди общего молчания сочувственные слова:

– Да, брат, бывает.

После чего встал, убрал стул на место и вышел из палаты.

Только и всего?

К удивлению Сани, никто ему ничего более не сказал, не обозвал ни вруном ни сказочником. Все как мыла с утра наелись. Не интересует их акула глубоководная, другое дело местная щучка –Трупичкина. Ладно, не хотите – как хотите. Саня подскочил с усталой кровати и пошлёпал в коридор к холодильнику, за салом. Вот как без завтрака жрать хочется, просто сил никаких! А что там дают такого? Кашу пустую, хлеб да какао. Удивительно, но факт. Значит, правду говорят: каши мало ел, откуда силам взяться?

16.

На тринадцатый день после операции с глаз Дениса сняли повязку, надев вместо неё чёрную карнавальную маску а ля мистер Икс, с маленькими дырочками для глаз. Лечащий врач Галатея Ромуальдовна повела на осмотр. Приказала сесть на стул и снять маску.

– Закройте правый глаз, – скомандовала она, беря указку, – какую строку видите?

– Никакую.

– Как никакую? Вот эту букву различить можете? – ткнула в верхний, самый крупный ряд.

– Нет.

– Меня видите?

– Нет.

– А что видите?

– Большое чёрное полотнище на все поле зрения, вроде обтрёпанной занавески или пиратского флага болтается, как только куда глянешь. Внизу под ним видно немножко.

– Значит, всё-таки видно? Так бы сразу и говорили. Сколько пальцев показываю?

– В центре ничего не вижу, чернота до самого верха, лишь внизу есть полоса.

– Тогда ноги мои видите?

– Да, там ваши ноги есть.

– Ага, – обрадовалась Трупичкина, – странные создания эти мужчины, буквы не видят, а ноги женские обязательно разглядят. Так-так, уже хорошо. – Опустила руку вниз. – Руку теперь видите?

– Маячит.

– Ну да, ногу он видит, а рука всего-навсего маячит. Сколько на ней пальцев? Неужели посчитать не в состоянии?

В голосе прозвучало неудовольствие. Случайно открыл здоровый глаз и наткнулся на резко заострившиеся черты лица, вовсе без всякого выражения.

– Закройте правый глаз.

– Одним левым точно не посчитать, вроде два-три. Надо зрачком очень быстро дергать вверх, вниз. А больно.

– Ничего, зарастёт, будет не больно, – Трупичкина удовлетворённо писала в карточку. – Вот, а говорили, что ничего абсолютно не видите. Не так плохо, уважаемый. Пройдёмте, рассмотрим ваше глазное дно.

В темнушке Денис растерянно молчал, пытаясь сообразить, что же он получил в результате операции. Раньше объект кривило, но свет худо-бедно проходил и общая картинка во всех направлениях от центра существовала. Теперь чернота сплошная, а врач говорит, стало лучше. Почему лучше, если ничего абсолютно не видно. Зачем ему ступни ног без головы и тела?

– Ага, пломба на месте, – удовлетворенно произнесла Трупичкина, – значит, держится. Немецкую вам поставили.

– Зачем?

– Прижать сетчатку. Потом она сама собой бесследно растворится.

Больной понимающе вздохнул, не очень поддерживая врачебный восторг от импортного научно-технического прогресса. Стало ясно, что лучше, чем сейчас, видеть не будет никогда, а сейчас практически ни черта не видно, какие бы улучшения не писала на бумаге Трупичкина. У них здесь тоже какое-нибудь соцсоревнование за улучшение остроты зрения. Вот и пишут, что хотят. А ему какая разница, импортная пломба или отечественная, коли без особенного толку?

– А зрение стало хуже, свет не проходит. Темно, вроде чёрной занавески болтается, – повторил пациент обреченно. – Занавеска – это такая короткая штора на окно, понимаете? Но у меня она к тому же плотная очень, как из чёрного бархата сшита. Свет только чуть снизу просачивается.

– Да знаю я, что такое занавеска, – отмахнулась Трупичкина авторучкой, она многое записывала на бумагу, но явно не то, что рассказывал Денис, а своё, личное медицинское научное описание. – Мы сейчас ваше поле зрения точно исследуем на приборе, но это неважно. Главное, что сетчатку приварили по границе, благодаря чему она дальше отслаиваться не будет. Ясно? А без операции она бы обязательно отвалилась полностью, и глаз пришлось бы удалять. Ясно, товарищ Иванов?

– Совсем удалять?

– Напрочь. Но чтобы приваренное место держалось, вам следует вести себя очень осторожно. Ни в коем случае резко вперед не наклоняться, избегать нагрузок, не совершать физических чрезмерных усилий, не пользоваться автобусом, самолетом ни в коем случае, да и вообще избегать тряски в любом виде, не спать на животе лицом вниз, не поднимать более трех килограммов и т.д. и т.п.

– Всю жизнь?

– Всю оставшуюся жизнь.

– Так как же жить?

– Очень осторожно, товарищ Иванов, очень осторожно. Теперь ваше зрение всваших руках, от вас зависит и вашего поведения. Мы свое дело сделали хорошо, а вам надо беречься.

– М-да ... перспективка.

Галатея Ромупальдовна раздраженно осмотрела наглеца с головы до ног. Ещё в костюмчике припёрся в больницу! Строил тут из себя шишку на ровном месте! А ни коробки конфет, ни коньяка, ни цветов не догадался подарить. Инженер. Фитюлька.

Пациент тоже глядел на лечащего врача обоими глазами: порезанным и здоровым. И видел неподвижный, застывший стеклянный взор рыбы, упертый на него. Стало не по себе. Так смотрят на заклятого врага. Или у не ё вместо глаз стеклянные протезы?

Не понимал, что для Трупичкиной и точно стал врагом, ибо матушкой-спасительницей не величал во весь голос, ни в письменной, ни в устной форме не благодарил, а ведь мог бы. Она старалась, оперировала, жалко ему от души поблагодарить за труды её? Так нет, же вслух заявляет, что видеть стал хуже! Обнаглеть надо вконец, чтобы ей, лечащему врачу, в лицо подобное сказать! Ладно, когда ветеран войны наглет на старости лет, тому, выжившему из ума маразматика, ещё можно простить, но этому – ни за что!

Улыбнулась милостиво:

– Кстати, можно попробовать прилепить ваш пузырь лазером по новой методике. В отличие от операции данная процедура совершенно безболезненная, даже называется не операция, а коагуляция. У вас на правом глазу сетчатка тоже слабо держится, желательно и его заодно коагулировать. Для профилактики. Согласны?

– Я подумаю.

– Молодой человек, лазер – это передовая позиция медицинской науки. Слава богу, что он у нас теперь есть в больнице, не надо ехать за тридевять земель в Москву, трястись, что в вашем случае невозможно в принципе. Надо использовать шанс. Думайте, но не очень долго. Хотя, что тут думать? Согласны или нет?

И Денис согласился на коагуляцию. Что ни говори, Галатея Ромупальдовна – доктор, его лечащий врач, ей видней, подумал он привычной фразой медицинской клиентуры. Она же ему глаз резала, жгла, пусть теперь коагулирует: «Давайте попробуем», – сказал неуверенным голосом, и был отослан в палату.

Еле добрался по стеночке обратно, так что-то разучился ходить за двенадцать дней лежания и голодовки, что еле дождался обеда.

Все пошли в столовую, он следом, потому что не знал, где располагается: Саня взял над ним шефство, подхватил под руку и повёл. Идёт и улыбается.

– Над чем смеёшься? – спросил Денис.

– Анекдот вспомнил про двух ёжиков. Два ёжика, слепой и одноглазый, как-то собрались в гости к девушкам. Как мы с тобой, такие же ребята. Только одноглазый впереди идёт, а слепой сзади, за него лапкой

придерживается. Шли-шли, вдруг бах – иголка еловая кривому ёжику глаз выколола! «Вот и пришли!», – расстроился он. «Здравствуйте, девушки!» – закричал слепой ёжик.

И тут, только начав смеяться, Денис увидел, что навстречу им удивительно стройная практикантка Аня.

– Здравствуйте! – отцепляясь от Сани, воскликнул он.

– Здравствуйте, – ответила практикантка и дальше пошла, даже бровью не повела.

Не узнала в маске? Да с чего бы ей его не узнать, коли щетина небритая до сих пор на лице, а она каждый день ему глаза перевязывала и ту щетину видела. Просто кривой ёжик никому не нужен. Если Трупичкина правый глаз прокагулирует как следует, получится ещё один слепой ёжик.

После обеда настроение поднялось. Да ничего, жить можно. Пойти, что ли, практикантку поискать? Поговорить с ней о каком-нибудь постороннем, не больничном предмете? Глянуть правым глазом, пока не откогулировали?

Трупичкина слово сдержала: со следующей недели взялась лазером лечить и левый и правый за компанию. Не больно. Нащёлкает, нащёлкает по мозгам, возвращается Денис с процедуры по коридору и вспоминает Геннадия Галактионыча. Точно кричал референт про небо в алмазах. Левая чёрная шторка вся к голубых огонькам и правый глаз тоже голубоватым кажется. А ночью закроешь глаза в темноте: шторка полыхает северным сиянием, правый глаз светит звездным небом, звездочки мигают с небосклона, перемигиваются, смеются, спать невозможно. Хоть с закрытыми глазами, хоть с открытыми. Одно и то же космическое полярное видение.

Очуметь, до каких высот медицинский прогресс достиг. Ещё бы зрение давал, так цены ему не было.

– Смотри, Денис, ты там осторожнее с Ромуальдовной, когда под лазер ложишься. Как бы она тебя не испортила. Видал, как Галактионыч закукарекал Осторожней, брат, – напутствовала его палата на лазерные процедуры.

– Ну как, больно? – интересуется обычно Володька, которого по-прежнему и не режут и не лечат, а кровь исследуют да пункцию берут на анализы.

– Нет, – отвечает Денис, садится на кровати, как Якут, сжимая виски пальцами изо всех сил и смотрит внутрь себя на полыхающие внутри мозга лазерные звезды и огненное знамя посередь его чёрной вселенной.

Врёт он. Боль есть, тупая, внутренняя, словно изнутри головы кто-то жалуется сотнями голосов, он их слышит, но отменить процедуры не в силах. Врач Трупичкина решает, когда хватит лазером жечь, а не больной Иванов. Сидит час, другой, зажмурившись и чуть раскачиваясь под песенные мелодии радиоприемника, которые затушевывают жалобы внутренних голосов. А на завтра снова ложится под лазер, и Трупичкина начинает щелкать ему по мозгам.

Сидит себе, как вдруг налетает Панацея Евлупьевна: «Не лежачим встать с кровати, пересесть на стулья. Вас что, не касается?» – кричит Денису, который привык считать себя лежачим и не реагирует вовремя.

– Иванов, вы у нас теперь не лежачий, слезьте с постели! – поддерживает Трупичкина из проема дверей. – Надо больше двигаться.

Далась ей эта постель. Денис вышел в коридор, потом дальше на лестницу, долго стоял на площадке, привалившись к стене.

Мимо шла Анька. Косила в его сторону. Он поздоровался. Она ответила и остановилась.

– Вы тоже офтальмологом будете? – поинтересовался Денис.

– Если смогу доучиться.

– А почему не сможете?

Практикантка пожала плечами.

– А можно мне ваши руки посмотреть?

– Зачем?

– Просто так, можно?

Анька протянула ладони вперед, он взял, поднес близко к маске. Разглядывал через маленькие дырочки, разглядывал, дивился.

– Что, обыкновенные оказались?

– Нет, необыкновенные.

Анька потянула руки назад к себе, но Денис не отдавал, продолжая разглядывать:

– Осторожнее, Аня, меня нельзя трясти, сетчатка отвалится.

17.

В воскресенье окна раскрыты во всех палатах. Чтобы родные и близкие могли напрямую вызывать ходячих больных вниз на randevу.

– Что-то жена Володькина перестала под окнами орать, – сказал Машинист, – чем ты её успокоил?

Володька только хмыкнул.

– Вчера разве не она звала? – поинтересовался Денис.

– То не жена, то теща была, я их голоса различаю, – пояснил Саня, – жена точно дня три как не появляется. А у меня, слышь, сегодня история приключилась: соседка пришла навестить, соскучилась, говорит, страшно.

– Которая с нижнего этажа?

– Она самая. Соскучилась. А что я могу поделывать? Соседка всё-таки не жена, неудобно всех из палаты выгонять. Этак, если все соседки к каждому из нас начнут в палату наведываться, что получится? Не по совести. Расположились мы с ней во дворике больничном на скамейке, возле кустов сирени. Там уже народ какой-то больничный сидел, и мы рядышком втиснулись. Я её за талию по-семейному приобнял, к себе притиснул, она обрадовалась, начала меня пирожками с вишней угощать, сама напекла и трехлитровую банку виноградного сока припёрла.

Вдруг, ни с того ни с сего, как треснет по руке, да сильно! Тихонько интересуюсь: «Натуся, чем, радость моя, тебя расстроил?»

Оказывается, жена тоже пришла с передачей и, увидев меня, сидящим во дворе на скамеечке, идёт навстречу. М-да. Была история.

– Прямо за волосы таскала? – развеселился Машинист.

– Нет, обошлось. Натуся быстренько смылась, а жена два часа потом сидела, не уходила, расспрашивала. Обычно передачу закинет и бегом домой – борщ варить надо, пол мыть да бельё стирать, а тут сидит и сидит. Одно и то же выпрашивает: зачем это соседка, с которой она здороваётся через раз по праздникам, чужому мужу виноградный сок с вишневыми пирожками вздумала принести? Что за милосердие вдруг к слепому инвалиду? Никак понять не может. Пришлось выдумать историю про то, что якобы у соседкиной тетки страшная катаракта глаз разъела и Натуся пришла проконсультироваться со мной, как с очень сведущим в операциях человеком, в какую больницу и к кому той следует лечь катаракту удалять.

– Поверила?

– Какое моё дело? Моё дело маленькое, историю рассказать правдивую. Главное, сейчас Натусе дозвонился, предупредил, что у тётки катаракта завелась. Опять же на мужа нарвался, да ещё торопился, а он, анафема, взял трубку и чего-то жуёт молча, я думал, что это Натуся лопаёт пирожки с вишней, и сливаю ей информацию поскорей: «Натуся, учти, у твоей тети Дуси на глазу катаракта и надо её срочно оперировать! Поняла?» Тут он прожевал и спрашивает: «А ты кто?»

– Сказал бы: извините, ошибся номером!

– Да как же я скажу «извините», если мне надо ей историю рассказать, чтобы с женой проблем не было? Нет, извинился, потом поздоровался, затем представился чин-чинарём, сообщил, что хочу переговорить с Надеждой Ивановной на счёт состояния здоровья тети. Тогда муж пригласил её к телефону.

– А почему Натусей зовёшь, не заинтересовался?

– У нас во дворе все её Натусей кличут. Она выросла здесь. Говорю, так и так, Натуся, учти, у твоей тети Дуси катаракта созрела, требуется срочная операция. Если моя жена спросит, так ей и скажи.

– Здравствуйте, – говорит Натуся, – да как же... ой, бедная тетя Полина! Вы ошиблись, катаракта не у тети Дуси, а у тетки Полины! А это больно, операция? Ой, горе, горе-то какое!

А мне что? Полина так Полина. Пусть будет по-вашему, только желательно без драки.

Часов около шести, когда больница почти опустела от врачебного персонала, Володька засобирается сбегать домой.

– Если будут спрашивать, то скажешь, что я где-то здесь поблизости хожу, ладно? – попросил он Дениса.

– Никто не будет спрашивать, кому ты нужен, анализы в воскресенье не берут, я бы на твоём месте ещё в субботу слинял.

– Учти, с ночевой ухажу, завтра с утра пораньше прибегу, если немного опоздаю, говори, что в туалете нахожусь.

– Скажем, как полагается, иди, не бойся, привет жене.

Утром в понедельник Володьки в палате не обнаружилось. Вот и Флора уже прокапалась, Нонна Викторовна отшлёпала всех мужчин по мягкому месту. Завтрак прошел. Обход скоро! Нет Володьки!

На обходе Трупичкина устроила Панацее Евлупьевне принародный разнос, что в её мужской палате номер восемь никогда порядка нет, больные в бегах, на что Лебёдушкина не ответила ни словом, зато разнесла в пух и прах больных, медсестер и санитарок. Нижний персонал очень распереживался, что Лебёдушкина с Трупичкиной опять на основе злости объединятся в единое целое, и тогда спасу уже точно не будет никому! Санитарки мечтали успеть написать заявление об увольнении по собственному желанию и мыть полы далее, имея заявление в кармане, чтобы если что, сразу шлёпнуть его на стол со всего размаха.

Трупичкина кричала от того страшно, что бил её опасный мандраж от мужского запаха палатного, который не мог выветриться даже при открытых окнах, обитатели же сидели на стульях, опасливо пригнув головы, как под обстрелом, а лежачие прикрыли от страха лица вафельными полотенцами, будто спали.

Галатея наблюдала всеобщий ужас, вызванный её воплями дисциплинарного плана, размышляя на ходу, как было бы хорошо взять над отделением абсолютную, полную, вообще ничем и никем не ограниченную власть, чтобы по мановению руки всё бабье в один момент улетучилось из палаты, и она совокупилась со всеми этими сидячими и лежачими мужичками, оттопав их хорошенько на прощанье. А затем, перед обедом, нет, лучше после оного, тоже по её команде Панацея с молодыми врачами беспрекословно отдались бы её нетрадиционным пожеланиям в ординаторской. И мальчика бы привела, да мальчика обязательно! К вечеру, на закате согнать молоденьких практиканток в душ и устроить им там зашибенную выволочку, напустив поверх чурек, а самой оттоптать и тех, и других, и третьих. От не вовремя влетевших в голову щучки радостных картинок живот её нервно задергался, коленки закосило, закорячило, как она тогда заорала, чтобы устоять! Это не сказать словами, можно только слышать. Но лучше заткнуть уши, чего присутствующим, увы, совершить было невозможно.

Володька объявился около двенадцати. Денис караулил его на лестнице при входе в отделение, чтобы поведать сложившуюся ситуацию.

– Ты где был? Трупичкина чуть всех не истребила на корню. Сейчас пока её нет, беги, сдавайся Панацее, может, и пронесёт. Да где ты был-то?

Вид приятеля странен, тускл. Казалось, его ни мало не интересует разгон, устроенный палате, да и собственная дальнейшая судьба абсолютно не занимает. Он стоял, потупившись включенной головой, вот глянул на Дениса, хотел что-то сказать, но запнулся, отвёл глаза в сторону и быстро произнес:

- В милиции.
- В вырезатель попал?
- Нет, жену зарезал.

Напряжение, владевшее Денисом всё утро после обхода, вдруг пропало. Он тоже потупился. Что значат угрозы Трупичкиной по сравнению с тем, что только что сказал этот несчастный человек? Денис не знал, о чём ещё можно спрашивать. Взъерошенной шевелюрой (ночь провёл в милицейском КПЗ) Володька ни с какого угла зрения не походил на человека, могущего зарезать собственную жену, даже обладающую сверхпротивным надсадным голосом. Ни вчера не походил, ни сейчас не походит. И в то же время по бесконечной усталости произнесённых слов, невозможности что-либо изменить и вернуть, Денис понял: правда зарезал. А теперь стоит и ждёт каких-то слов от приятеля, у которого все вопросы колом застряли в глотке.

- Как? – только и смог удивиться.

Будто жалуясь на кого, Володька начал объяснять:

– Пришел из больницы в воскресенье домой, Алки нет, сел в комнате на подоконник, жду. Смотрю, такси подъехало. Алка выходит, за ней высокий здоровенный жлоб вылез, и пошли они к подъезду. Алка впереди, мужик с сумкой следом. Она всю жизнь смеялась, шутила, что любит высоких, здоровенных, а ещё меня, в виде исключения. А этот очень здоровенный.

Взял я тогда на кухне нож, подошёл к двери, встал.

Алка дверь открывает своим ключом, входит развеселая, лыбится во всю морду, за ней мужик лезет в дверь, тоже радостный.

Я стою, руки за спиной спрятал.

Как меня увидела, так с лица спала, аж башкой тряхнула, наваждение убрать. Тут я её и ударил. Прямо в живот.

- Живая?

– В больницу увезли, сказали, что вроде не должна помереть. К ней теща ездила в больницу, а потом ко мне в КПЗ. Теща сказала, что меня не винит.

- Так тебя совсем выпустили?

– Отпустили долечиться, потом заберут до суда в тюрьме сидеть. Знаешь, я бы её не зарезал, если б на кухне нож не взял.

- А зачем взял?

– Не знаю. Ждал-ждал, сидел. Вдруг вижу: она с мужиком здоровенным прётся... ладно куда-нибудь, а то к нам домой. Пошёл, взял нож. Теща у меня нормальная тетка, да же? Ты куда сейчас?

– На лазер к Трупичкиной. А ты давай, к Панацее быстрее, может, не выпишут. Лучше уж здесь... чем там.

- Да мне всё равно теперь, где жить на казенных харчах.

- Ой, не скажи.

18.

Денис весь вечер прогулял туда-сюда по коридору в надежде встретить Аньку, попутно изучая неоновую вывеску «Гастроном» за окном с различных позиций, вплоть до отбоя. И после одиннадцати ещё остался, желая просто увидеть её, пока Трупичкина не разогнала всех моционщиков по палатам. Сама зачем-то шарилась возле дверей палаты, даже носа не высунешь.

А Ромуальдовну придавило. Едва удерживала себя от желания бухнуться с размаха в койку слепого Сани. Пусть все увидят, черт с ними, за ночь она их всех по очереди так укатает, что языка не развяжут, будут её бессильными приближенными подданными. Лишь страшным усилием воли удавалось пока не свершить безрассудства, хотя, с другой стороны, понимала, что всё равно не удержится, живот у нее много сильнее мозга. Чтобы вышибить клин мужской палаты, побежала сдаваться чурекам в подвальное бомбоубежище.

Стучала – билась в железную дверь бомбоубежища, приказывала начальственным голосом открыть, и тоненьким, беззащитно – женским умоляла, однако напрасно. Те затаились, будто нет никого, так и не открыли.

Похоть разрывала мятежное тело на части, она кинулась в душ, надеясь застать там хоть кого, хоть женщину, хоть мужчину, ей все равно. «А хорошо бы чуреки мылись всей бригадой, но и практикантки бездомные не самый плохой вариант, уж она их отстегает сегодня, ох и прижучит под холодным душем. А потом увезёт к себе домой и поселит там жить навсегда. За бесплатно! Посадит на цепь, если не захотят. Хватит терпеть, невозможно больше».

На вешалке в раздевалке висел один-разъединственный небольшой халатик. Ромуальдовна психанула, сорвала его и с ходу принялась хлестать маленькую голую фигурку, стоявшую в кабинке под струями воды: «А вот тебе! Вот тебе! В рабочее время! Не позволю!»

Сейчас отхлещет, запугает как следует всеми карами небесными, вплоть до исключения из института, а потом пожалеет, приласкает, притиснет к себе... и будут они танцевать всю ночь новый танец безумной любви!

Но практикантка самым неуважительным образом оттолкнула заведующую в сторону, выскочила из кабинки, схватила вещи в раздевалке и голой кинулась в сверкающий неон ночного подвала.

Трупичкина закричала следом: «Я покажу тебе, как от работы отлынивать! Размылась мне здесь!»

И тут неудача! В сердцах швырнула халат на мокрый пол. Ничего, она ей в отделении выволочку устроит! Где халат, почему не одеваете? Будет бегать пятый угол искать! Затащит в ординаторскую, устроит настоящий разнос, до чертиков напугает, настропалит, а потом... пожалеет. Так и быть,

пустит жить к себе в квартиру бесплатной жилищкой. Будет у неё гарем рабынь, которых, придя с больницы, и нарезавшись там досыта плоти человеческой, Галатея будит нежить, а потом жестко топтать пятками, ходить по ним царицей, по своим рабыням, чтобы глазенки их глупые вылазили из орбит.

Трупичкина бросилась в погоню.

Прежде чем бежать в отделение, Анька решила где-нибудь спрятаться, да одеться. Надо переждать грозу. Когда Ромуальдовна буйная, ей лучше под руку не попадаться, все девчонки говорят. Потом отойдёт, начинает вязаться: сю-сю-сю-сю... в гости приглашать.

Свернула в боковую штольню, которая освещалась не лампами дневного света, а обыкновенными сорокаваттными лампочками, потом ещё раз свернула, где свет вовсе не горел.

Трупичкина по длинному пустому стволу коридора сразу догадалась, что практикантка спряталась, испугавшись начальственного гнева, значит, уважает! И подумала удовлетворенно: «Хорошо бы повторить варфоломеевскую ночку! Ах ты, цыпонька, беленькая, мягонькая, ути-ути...» и побежала вновь колотиться в бомбоубежище.

– Открывайте немедленно, милицию вызову! – заблажила во все горло.

На упоминание о милиции внутри податливо щелкнуло, огромная металлическая дверь бесшумно отошла в сторону.

– Нам сестра-хозяйка разрешила здесь жить, – пояснил пожилой бородатый строитель.

– Я вам такое сейчас дам разрешение, – дернув дверь на себя и врываясь в помещение бомбоубежища, заорала Галатея, – век не забудете!

Несколько мужчин сидели на полу, подстелив под себя газеты, в позах, по которым заводчелением сразу догадалась, чем они здесь занимаются.

– Молитесь? Что вам, мечеть здесь? Здесь больница! Я вам помолюсь в госучреждении, я вам покажу, как порядок нарушать! Я вам устрою весёлую жизнь!

Теряя над собой контроль от запаха мужской рабочей одежды, сохнущей на веревке, Трупичкина сорвала с себя халат и принялась стегать их по головам и спинам, визжа нечленораздельное.

Седобородый ухватил её за обе руки, потащил к дверям:

– Уйди отсюда, баба-шайтан, – закричал он тоже громко сиплым голосом, страшно вращая чёрными глазами.

Остальные уткнули в пол лица, боясь видеть голого шайтана. На пути к дверям Галатея Ромуальдовна лягала выставленные кверху задницы, оплевала пожилого прямо в бороду, но тот вышвырнул её из убежища и запер дверь.

– Да чтоб вам всем сдохнуть! – воскликнула Трупичкина, – ну, погодите, устрою, вы у меня попляшете!

Кинулась к энергощиту, обесточила рубильником подвальное помещение. И тут услышала в темноте знакомый голос слепого из мужской палаты:

– О, Трупичкина уже отключила свет!

Эта фраза её так потрясла, что Галатея застыла памятником у щитка. Невидимые ей больные спускались по лестнице. Как узнали?

После исчезновения Трупичкиной от дверей палаты, Денис выскользнул в коридор, ему край хотелось увидеть Аньку. Искал её повсюду в отделении, но найти нигде не смог, и главное, голоса не слышно. Трупичкиной тоже нет. Зато чуреки-строители в бомбоубежище есть. Вспомнился, ни с того ни с сего, жуткий сон Сани, побежал к нему, предложил сходить в подвал.

– Пойдем сходим, посмотрим, – согласился лёгкий на подъём Саня.

И вот они в подвале, где темно и ничего не видно. Свет не горит.

– Эй, – заорал Денис, – мы здесь, – и прошептал, – Саня, где щиток? Давай свет включим, а то я ничего не вижу.

Только случайно не задев Галатею Ромуальдовну, инвалид первой группы долго разыскивал рубильник, который до того видел исключительно во сне. Свет вспыхнул яркий, повсеместный.

– Горит?

– Зажглось. Никого нигде нет, – осмотрелся Денис, – пустой коридор. А где бомбоубежище?

– Найдём на ощупь, где-то здесь железная дверь.

– Вижу, вот она. Закрыта наглухо. Куда делась Трупичкина, если она кричала из подвала?

– Точно закрыто, – ощупал и подёргал дверь Саня, – все спокойненько, как на кладбище.

– Может в душ пошла?

– А ты сбегай проверь, это прямо-прямо и перед выходом дверь направо. По-быстрому, по-молодому сгоняй, я здесь дождусь.

Денис вошёл в помещение помывочной. На полу раздевалки валялся мокрый халат. Он поднял его. В душевой шумела вода. Зашёл внутрь, выключил кран, намочив пижаму. Все кабинки пусты. С халатом вернулся обратно к бомбоубежищу. Саня шарился по стенке туда-сюда.

– Пусто. Один халат валялся на полу.

– Тогда делать нечего, надо идти туда.

– Куда?

– Где тело спрятано.

– Нигде оно не спрятано, понял?

Денис оглянулся по сторонам. Перед глазами трепетал черный пиратский стяг. Как на корабельных мачтах возгорелись голубые огни святого Витта, предвещающая о грядущей опасности полного кораблекрушения. Его холодный ужас, что мир в одну секунду делается чужим, непостижимо ирреальным, как тогда в автобусе, когда увидел Аньку без головы. Траурный флаг закрыл почти все поле зрения.

– Сам же позвал. Так не идёшь что ли? Не дрейфь, Дениска, никого там нет, выдумки все. Просто сходим, прогуляемся на сон грядущий. На всякий пожарный случай. Ерунда. И не думай даже.

Чем дальше уходили в боковую штольню, тем осторожнее двигался Денис, в полумраке он видит плохо, зато Саня, определив правильное направление по каким-то только ему ведомым приметам, ускорял шаги.

– Не отставай, держись за меня, мы как в том анекдоте, только у нас еще круче получилось: слепой ежик ведет одноглазого: “Здравствуйте девочки!”

– Заткнись!

– Ага, вот здесь рядом должна быть решетка железная, вот там дальше стол, под который они её засунули и накрыли картоном... Картон здесь...

– Что?

– Кто-то есть...

Мозги Дениса запылали. Оттолкнув приятеля, сам полез под стол. Но тут раздался возмущенный голос:

– Кто это руки распускает?

– О, живая! – обрадовался Саня, – бог спас! Мы шли, думали всё, опоздали. А чего вы здесь хоронитесь?

– А вы чего здесь делаете после отбоя?

– А это... вот халат случайно нашли, – протянул Денис рабочую одежду, когда Анька вылезла из-под стола и отбросила картон в сторону, – в душе на полу валялся, мы и стали искать вас, чтобы отдать. Мало ли?

– Идёмте, – оборвала его Анька, убегая к свету.

Трупичкина металась у входа в отделение.

– Так, больные, почему нарушаете режим дня? Что за хождения по ночам? А вы, медсестра, ещё студентка, а уже ведете себя аморальным образом. Больница сообщит в институт о вашем дурном поведении!

Не встречая сопротивления от молчащих, поникших путников, Ромуальдовна тотчас воодушевилась, быстро вошла в раж, снова затряслась, принялась орать, нажимая на аморалку, совместном мытье в душе с больными мужчинами.

– Вас, больные, за полное разложение незрелого персонала завтра же выпишем!

– Ну-ну, – недоверчиво произнёс Саня, выставя руки вперед, будто собираясь поймать Галатею и приближаясь к ней мелким вкрадчивым шагом, – чего раскричалась, потерпи, само пройдет.

Короткие расставленные пальцы слепого заиграли быстро-быстро, как лапки паучка, прядущего свою нить. Трупичкина на них уставилась загнипнотизированная: “Ах, если б их можно было хоть палкой побить! Да по зубам ещё, по зубам! И животикам! Хоть маленько, и то легче бы ей стало, веселее жить. Порезать, сжечь, испепелить к чёртовой матери! Растоптать в лепешку и сверху наплевать. Тьфу на вас, сволочи, раз со мной играть не хотите. Палками вас по пяткам!”

– Немедленно в палату! Лежать!

– Вот, акула двухвостая, и попалась на удочку! Вижу, вижу все твои выверты, насквозь: опять к чурекам долбилась, ага? Не пустили, что ли? Чего воздух сотрясаешь?

Ромуальдовну обуяла крупная нервическая дрожь. Денис отвёл глаз подальше от ужасного зрелища, вот-вот припадок начнется какой-нибудь падучей болезнью.

– Шагом марш в палату! Завтра с утра собирайтесь, выпишу! Немедленно вон!

– А чего боишься, раз главная стала над всеми? Ох и страшно тебя лечить будут, щучью породу в синем свете!

– Молчать, идиот! Нашелся тут блаженный дурачок: и блажит, и блажит, и врёт, и врёт без отдыха!

– Говори, говори, сознайся, легче будет, – продолжал страшно лыбиться Саня, надвигаясь на докторшу с неотвратимой решимостью, словно летучая мышь во тьме на бабочку, пользуясь отражённым ультразвуком. Ещё чуть и схватит, что тогда?

Этот вопрос заставил Галатею Ромуальдовну высоко подскочить на месте, в полёте она лихо развернулась, унеслась в ординаторскую много быстрее бабочки, выкрикивая через плечо завтрашние страшные кары.

Медперсонал не беспокоил начальство, вел себя тихо, как и полагается после одиннадцати часов, впрочем, излишне мельтеша под дверью, прислушиваясь, как бьётся в узком пространстве ординаторской Галатея Ромуальдовна.

“Ужасный день, каким неисправимо ужасным выдался сегодняшний день! Она так добра ко всем, а её не хотят! Чуреки не хотят, девчонка не хочет порадоваться с ней на пару, слепошарый продал при всех, никто, никто её не любит! И это как раз в тот отчаянный миг жизни, когда она так жаждет их всех... немножко потоптать. Срочно бежать к Панацее. С ней усладится вволю!”

Однако не только день да вечер, но и ночь оказались для Галатеи несчастливой во всех отношениях, не то сказать, несчастливой, просто несчастной! Нет, с Панацеей сладилось как всегда, без проблем, однако... однако... однако... вдруг ей показалась, что непогода кончается и даже блик будущего счастья мелькнул в дверях: Евлупьевна валялась рядом, ещё не сброшенная на пол, как ей полагалось, но уже приведённая к легкой безмятежной бессознательности, а в дверях нарисовался заспанный мальчик, хотел что-то спросить, но так и остался с открытым ртом при виде двух обнажённых женщин. Застыл. И Ромуальдовне почудилось, что вот, настал долгожданный миг увлечься им всем в бездну совместного сексуального переживания.

Она принялась за Панацею, открывая с ней новую игру, как будто не замечая сынка с открытым ртом на пороге, поползла по размягчённому телу змеей, нежничая, извиваясь. Радость намечалась на горизонте необыкновенных размеров! Рискнуть? Попробовать прямо сейчас загнать

Евлупьевну в самый глубокий транс и позвать сынка полежать чуток рядышком с ними, отдохнуть. Ась?

Взялась Трупичкина трудиться на совесть, с воодушевлением от скорой будущей бездонной пропасти, куда улетят втроём!

И проглядела, что Лебёдушкина от её радостного усердия очнулась и почувствовала нечто, душок из-под салфетки. Хоть крепенько держала её Ромуальдовна в объятиях, а смогла оглянуться и увидеть сынка с распалёнными глазами. Да как вскрикнет:

– Вон!!!

Никогда не слышала подобного вопля Ромуальдовна от Панацеи, даже на работе, когда гоняла та нерадивых санитарок из конца коридора в конец. Сынка словно океанская волна смыла с острова наслаждений, где-нибудь в Тихом океане, на Бали. А она дальше разгорается:

– Вон! Вон! Вон!

Тут допёрла с трудом и Галатея Ромуальдовна, что это её выпроваживают: из постельки тёплой, квартиры и даже совместной приятственной жизни. Ой, эта женская дружба, переходящая в тихую скрытную любовь, такая непрочная штука! Вот и окончилась на самом интересном месте посередь ночи. Забирай свои платья, отдавай мои куклы и будь добра вали отсюда! В три часа ночи! Понятно, что навсегда. Хорошо еще без рукоприкладства обошлось, таскания за волосы и плевков прямо в лицо бывшей любимой подруге с близкого расстояния, когда виновница сложила губки трубочкой для прощального поцелуя.

Что у Панацеи с Трупичкиной отношения серьезно разладились, медперсонал понял на следующее же утро, хотя те ничего особенно не демонстрировали, относились друг к другу терпимо, сор из избы старались не вытаскивать на всеобщее обсуждение без большой нужды.

Мигом объединился коллектив на стороне Лебёдушкиной против нынешней начальницы чёртовой Трупичкиной. При том нижний персонал практически единогласно восстал, средний делал вид, что в упор не видит Ромуальдовну, но приказы выполнял по-прежнему скрупулезно. Врачи просто обсуждали события. За глаза, конечно. Что случилось?

Сходились в одном: кто-то умный открыл глаза Панацее, что Галатея её подставила в управлении здравоохранения и построила карьеру на Лебёдушкиных костях. Подозревали Льва Игнатьевича, который, увы, в глазном отделении больше не появлялся. И все без исключения выказывали Панацее дружескую поддержку и расположение, позабыв, что она в бытность начальницей орала не многим меньше щучки Трупичкиной.

– Голос повышала, конечно. Как без этого в нашем деле? – соглашалась санитарка Лизавета Ивановна, если кто посторонний напоминал, – а Трупичкина мало того, что орёт, так ещё и смотрит! Выпучит глаза свои бессовестные и уставится на тебя, будто сожрать хочет целиком с костями! Щука хладнокровная!

Если нынче Ромуальдовна где-нибудь поднимала крик по поводу недостатков, а непричастные к переполоху желали узнать, не показываясь на глаза начальству, в чем дело, им отвечали обыкновенно одинаковым образом:

– Щучка икру мечет.

И только после этого вступления объясняли конкретную ситуацию. Какого размера сегодня икра и на чью голову валится.

Панацея в этом заговоре участия не принимала. Жила молчаливая, но с высоко поднятой головой, что добавляло ей уважения в коллективе.

Та секунда, когда Панацея вскричала свое знаменитое: «Вон!!!», выкинула из её жизни Галатею Ромуальдовну, а также разлучила навсегда с сыном Женечкой.

Что бы Лебёдушкина впоследствии не делала, как бы весело с ним не заговаривала на самые мирные темы, он ей не отвечал, глядя многозначительно немигающим взором, ужасно напоминавшим трупичкинский, прямо в лицо и молчал. Взгляда сего мать страшно смущалась, начинала бормотать нечто нечленораздельное, замолкала вовсе.

Возможно, сказался переходный возраст, но редко когда сыновья перестают разговаривать с матерями столь рано, хотя позднее-то бывает частенько.

Панацея не решалась сорваться и наорать на него как следует, наставить по родительски на путь истинный, выпороть ремнем даже и в голову не приходило. Вначале пробовала ещё рассуждать вслух при нём. Говорила, что будет делать сегодня по хозяйству, и что бы надобно сделать Женечке, но, поняв бесполезность попыток, замолкла навсегда. Сын ничего не делал.

В доме воцарилась мрачная, непреодолимая тишина, от которой дрожь пробирает. Ни «здравствуй» при встрече, ни «доброе утро», ничего. Жутко делается даже со стороны смотреть, как мать и ребенок живут рядом, и ни о чём друг с другом не разговаривают, ни на какую тему не общаются. Только смотреть было некому.

Когда Панацея входила в ту комнату, где был Женя, он сразу же выходил из неё. Потом и она стала выходить, когда он входил. Наступило симметричное неприятие.

Закончив школу и перейдя в совершеннолетие, сын однажды собрал вещи и ушел из дома в неизвестном направлении навсегда, так вы даже не поверите, но Евлупьевна вздохнула с облегчением. Было у неё ощущение, что ушёл совершенно чужой, страшно тяжёлого нрава человек, с которым она расплатилась вроде бы в основном, но ещё не полностью. Со слов его одноклассников знала, что и с прочими людьми он не слишком разговорчив и ведёт себя постоянно так, будто на всех смертельно обижен.

Меж тем управление здравоохранения завалили многочисленные анонимки о грубом, хамском поведении новой начальницы глазного отделения Г.Р. Трупичкиной, с приведением примеров её полной врачебной некомпетентности, да что там, полной профнепригодности. Подписывать

боялись. Знали: наверху Трупичкину поддерживает очень мохнатая рука. Только назовись, в раз сомнут и растопчат.

А рука, то есть ГэГэ, определенно шёл в гору, читал не только лекции о международном положении в качестве лектора обкома, а уже назначили его инструктором обкома. О его голосе в аппарате ходили легенды, будто он им стакан может расколоть граненый запросто, если выпьет тот стакан водки, да гаркнет вовнутрь.

На самом деле ГэГэ водку не пил.

Выступал на собраниях производственных коллективов крупнейших заводов, и его слушали отворив рот, такие оглушительные виражи закладывал без микрофона, так натурально брал империалистов за глотки, куда там картавому Ленину! Тем более чавкающему Брежневу! Тесть его по-прежнему пребывал в силе. Стали поговаривать, что со временем быть ГэГэ Вторым, и не иначе! Мощная пара – гусь да гагара организовалась: Рашпиль – ГэГэ в местном раскладе правящих семейств.

Время от времени он приходил на профилактику к Трупичкиной и даже оставался на ночь в элитной палате. Выскакивал утром заряженный лазерной энергией по самую макушку, правда, видел хуже и хуже, собственно ничего кроме неба в алмазах, по вечерам разглядеть не мог, но не газеты же ему нынче читать. Он теперь не референт вам какой-нибудь, в Высшую школу при ЦК КПСС с нового учебного года едет!

Трупичкина наседала на него сильно сверху, требуя какой-нибудь необыкновенно высокий пост. Этот коллектив её достал! Не желает она больше править глазным отделением больницы, а хочет стать Председателем глазной медицинской экспертизы всея области! Попробуют тогда её матушкой-защитницей не назвать! Быстро инвалидности лишит вместе с пенсией!

Вызвала как-то ГэГэ к себе прямо среди бела дня, закрылась с ним на ключ в операционной и два часа подряд уговаривала назначить её председателем областного ВТЭК по глазным заболеваниям. Два часа ГэГэ ржал жеребцом, сопротивлялся, крутился вьюном, однако вынужден был согласиться посодействовать через Рашпиля, может, что и выйдет. Конечно не сразу, а в обозримом будущем, будьте уверены, дорогая наша Галатеея Ромуальдовна, мы за вас – горой, потому как научно-технический прогресс через вас движется и есть вы святой образ научно-технической революции в аспекте глазных заболеваний.

Закрыв веки, снова их распахивал и кричал: «Небо в алмазах! Как в сказке! И не мечтал даже, в снах не снилось звездное небо с тысячью звезд и каждая из них – плазменная сварка, произведенная талантливой рукой самого несравненного доктора Галатееи Ромуальдовны Трупичкиной!» Тут же бросался целовать узкую костлявую ладонь, обтянутую чешуйчатой кожей, словно у ящерицы: «Ваше неоспоримое мастерство, ваш талант спасёт еще многих пациентов, в кратчайший срок поставит вновь в шеренгу строителей коммунизма! Благодарю, бесценная наша Галатеея, благодарю и более всего от семьи своей!»

- И жены?
- И жены, и тестя. Он обещал помочь всё исполнить, что касается вас.

19.

С выпиской на руках Денис подждал Аньку на площадке. И вот она объявилась.

- Здравствуйте.
- Привет. Уже уходите?
- Выписали, сейчас за одеждой поведут. Вас жду, узнать хочу, как дела обстоят?

– Нормально. Трупичкина характеристику написала и в институт отправила, практику признала неудовлетворительной.

– Неужели отчислят?

– Вряд ли. У нас за аморалку обычно общежития лишают вместе со стипендией. Надо будет квартиру подыскать и новую работу, я здесь на полставки подрабатывала, заявление уже написала по собственному желанию, но две недели ещё придётся ходить. Так что до свидания.

– До свидания.... Знаете что, – достал заготовленную бумажку, – Аня, если вас лишат общежития, то вот мой телефон и адрес, звоните в любое время и в гости приходите, я помогу найти квартиру.

– Нет, квартиру мне не потянуть. Комнату буду искать. А вы не знаете, кто сдает комнату?

– Не знаю, кто сдает, но мог бы предоставить... свою квартиру.

Анька задумалась. Спросила довольно хмуро:

– А у вас сколько комнат?

– Одна. Одна комната, большая, двадцать квадратных метров, кухня шесть квадратов, ванная, прихожая...

– Как же вы сдаете комнату, если она у вас одна? – рассердилась Анька, – чего вы мне голову морочите? Спасибо за предложение. Может быть, еще и не выгонят из общежития.

По выписке из больницы Денис сел на больничный.

Больничный лист оплачивали на пятьдесят процентов от зарплаты. За продлением больничного раз в неделю он ходил наблюдаться к своему врачу Игорю Николаевичу, который выглядел по-прежнему очень хорошо и подолгу разглядывал оба Денисовых глаза, пуская в них зайчики. Игорь Николаевич сравнивал их донные части, то в один светит-светит до глубины, потом на другой переведёт и опять смотрит-смотрит.

Денис имел глупость поинтересоваться однажды, видно ли там германскую пломбу, поставленную Трупичкиной, или немецкое изобретение уже благополучно рассосалось?

– Какую пломбу? – проявил Игорь Николаевич недоверие в голосе, будто впервые в жизни слышит про пломбы на сетчатке глаза, а не в коренном зубе под коронкой.

И чрезвычайно долго искал ту мнимую пломбу в израненном глазу. Вследствие чего молодой человек по дороге из поликлиники домой никак не мог остановить слёз, что безостановочно скатывались со щек, сколько их не утирай платочком, чем вызвал удивленные взгляды прохожих: не часто молодые люди приличного вида плачут, разгуливая по улицам. Не иначе ближний человек умер только что, а он в похоронное бюро пошёл оформляться. Али врача вызвал из поликлиники засвидетельствовать кончину ради справки.

К слову сказать, несмотря на то, что Игорь Николаевич оставался по-прежнему иссиня–седым, подтянутым джентльменом, с умно–непроницаемым лицом и безукоризненно завязанным галстуком, но вот очередь у его кабинета, состоящая из волооких дам подходящего возраста и роста куда-то бесследно исчезла, растворилась.

Обычный осенний контингент повалил, которого не менее, чем красавиц летом. Слабовидящие пенсионеры и прочие городские жители, по скудности средств жившие на подножном корму, выращивая себе пропитание по мичуринским садовым участкам, где работы завершились: картошка с морковкой выкопаны, варенье наварено, огурцы с помидорами и капуста посолены, а теперь в студенную пору неплохо бы и подлечиться, катаракту какую с глаукомой вырезать.

До черта полуслеплого, жалобного народа развелось! Такая очередь, что сидишь-сидишь, ждёшь-ждёшь, слушаешь-слушаешь, аж вспотеешь, пока в кабинет войдёшь, будто в цеху по горячей сетке смену отпахал. Скорей бы на работу выписали. Но перед тем, как обратно на работу пустить, дали Денису третью группу инвалидности, от которой тот отказался.

В жизни же Игоря Николаевича произошли очередные изменения. Их Денис обнаружил совершенно случайно, по улице шёл и нате вам, здравствуйте: идёт навстречу его врач на парочку с высокой полногрудой девицей, не просто идет, а гуляет, глядя прямо перед собой прямым орлиным взором, уверенно ведя спутницу под руку. Девица ростом чуть даже повыше кавалера и уж точно полнее роскошным телом его сухопарой фигуры, плывет, слегка потупившись, будто признается всем, да, делаю дурное дело. Не то чтобы стесняется возраста Игоря Николаевича... а впрочем, есть немного.

Приглядевшись, узнал Денис рядом с врачом его кабинетную медсестру Катю.

А где же Ольга Васильевна? Куда делась? Ведь после нападения проклятой Трупичкиной в подвальном переходе, кинулся Игорь Николаевич к регистраторше за спасением? При чём здесь Катя, позвольте вас спросить?

Вот так интересно получается по жизни, что хотя и говорят, что нет худа без добра, все проистекающее из действий Трупичкиной не оказывает

положительного воздействия на окружающих, такова её дьявольская природа.

Взять хотя бы того же Геннадия Галактионовича: поначалу тоже хорошо всё задвигалось, будто по маслу: и голос-бас открылся за одну ночь, и карьера разыграла неимоверно быстрая, при правильном использовании связей и способностей, что даже зеленоватая жена улыбаться начала.

А потом опухоль в горле обнаружили, да злокачественную, рак гортани, три операции подряд в самых лучших московских клиниках у мировых светил, и в результате всего-навсего инвалидность самая, что ни на есть тяжелейшая, не как у жены его по прихоти врачебной выпестованная. Хорошо жив пока, поддерживают дыхание через трубочку, хотя сам на бумажке несчастной жене своей пишет: «убей меня как-нибудь». Представьте, каково той делается?

А взять скоропостижного мужа Трупичкиной или хозяина видеосалона, где она выступила впервые с сольной шоу-программой? Нет, с подобного рода Ромуальдовной человеку лучше не связываться, не иметь с ней ничего общего, ни хорошего, ни плохого, ибо злокачественна Щучка по природе своей.

Так и в случае с Ольгой Васильевной. Всё замечательно у них с Игорем Николаевичем получалось и день, и два, и три, и неделю. Рдея от счастья приняла регистраторша приглашение глазника переселиться к нему, где стали они жить-поживать, добра наживать.

Разумеется, поклонницы шустрого вдовца, приметя такой поворот событий, вмиг исчезли со скамеек возле кабинета. Да бог с ними, что ему теперь толпа фанаток, когда Ольга Васильевна так замечательно хороша собой – красивая, умная, тактичная, подходящего возраста, влюблена в Игоря Николаевича как кошка, один к одному его прежняя супруга, живи дальше и радуйся.

Он сначала наслаждался, а потом мыслишка завелась подлая в мозгу: ведь испугался тот раз ничтожной Трупичкиной, кинулся со всех ног к Ольге Васильевне за спасением. А между прочим никакой Марфы Феодосьевны, какой она его до дрожи перепугала, в природе не существует! На пушку взяла! Но почему испугался? Ведь точно не знал за собой никакой подобной истории, понимал, что поклёп все слова Трупичкиной от первого до последнего? Это и мучило джентльмена более всего, час от часу больнее, бичевал себя за слабость, за испуг перед обычной сплетней.

И что существенно, никто, кроме чёртовой Трупичкиной ни до, ни после в защиту Марфы Феодосьевны не вставал, к Игорю Николаевичу с претензиями не обращался, к совести гражданской не взывал, ни сама Мария Феодосьевна, ни защитники её мнимые с защитницами.

Никто не ревел, вроде певца воды кипяченой Маяковского ему при встрече, обращаясь скорее при этом к окружающим: «Леди, спросите полковника сивого, как он Мурманск разизнасил!» То бишь, Марию Феодосьевну врач-джентльмен из местной поликлиники.

Мог бы и сразу догадаться, что Трупичкина нагло его надула, при всех разыграв из собственной прихоти для позора. По имени мог бы сообразить! Марфа Феодосьевна. Придумала же, щучка! Старозаветное имечко подобрала этакое, кондовое, староверческое даже. Да нет ни у кого нынче таких имен!

Марфа Феодосьевна. Так и представляешь пред собою женщину дородную, во всех отношениях здравую, тихую, скромную и добродетельную... со страниц драматурга Островского. На улицу наша Марфа Феодосьевна с непокрытой головой ни за что не выйдет. И вот он, сивый мерин Игорь Николаевич эту ходячую добродетель самым наглым образом совратил и даже обрюхатил в кабинетной темнушке, напуская ей в глаза зайчиков побольше. Затмил ясны оченьки, прохиндей!

«Да не бывает нынче никаких Марф! – запоздало играет желваками Игорь Николаевич, – чистый розыгрыш Трупичкиной: пусть покрутится, а мы посмотрим! Вот ведь щучья порода! Как надула! А он, олух царя небесного, запаниковал, кинулся Ольгу Васильевну в театр приглашать на «Любовь к трем апельсинам». Эх ты!»

Хладность чувств нагрянула в гости к пожилому красавцу.

В то самое время, как Ольга Васильевна, зная, что нехорошо, всё одно каждый день заглядывала в кабинет своей приятельницы гинеколога Жанночки провериться. И хотя Жанночка, как всякий уважающий себя гинеколог, умела держать язык за зубами, особенно в родном коллективе, женский персонал не мог не фиксировать участвовавших посетителей и начал посмеиваться втихушку над их внезапно окрепшей дружбой.

Каждая в отдельности, конечно же понимала горячее стремление Ольги Васильевны завести ребенка от любимого человека и даже одобряла, независимо от того, что коллеги не поженились и даже, слышно со стороны, Игорь Николаевич думать не думает о ЗАГСе. Зато, уединившись где скромной группкой, не могли отказать себе в крошечном удовольствии позлословить, что де некие особы спят и видят, как бы выйти замуж всерьёз, при помощи собственного неудобного положения.

То, что Игорь Николаевич не предлагает ей стать настоящей женой, беспокоило и Ольгу Васильевну. Не привыкла она жить, находясь в столь непонятном, подвешенном состоянии. Повторяя себе, что пришла к нему честной девушкой, пусть в наше время и смешно в тридцать пять лет о таких вещах заботиться, но всё же мог бы оценить.

Не хотела регистраторша первой начинать разговор, а он молчал. Впрочем, его тоже нетрудно понять, её Игорь Николаевич – интеллигент. Он не набрасывается на женщину после ужина с жирными руками, оставляя сальные пятна на платье, не проявляет грубых вульгарных чувств не только на людях, но и даже когда остаются наедине. Он не холоден, просто ему надо привыкнуть к ней так же сильно, как привык за долгие годы к умершей жене, фотография которой стоит за стеклом книжного шкафа, от взгляда которой Ольга Васильевна тоже чувствует себя не в своей тарелке, но боится попросить убрать или хоть немного отвернуть в сторону от дивана. Вот она

забеременеет, да родит, тогда всё пойдет по-другому. Конечно, у Игоря Николаевича есть дочь, которая живет в Ленинграде, а Ольга Васильевна родит ему сына!

«М-да, напрасно вошёл в одну и ту же воду! Не для одних походов в театр и работы по хозяйству потребна женщина мужчине», – размышлял Игорь Николаевич на ту же самую тему, но с другой стороны, находясь в своём кабинете и как-то между прочим остановив взгляд на медсестре Кате. Вот что ему надо было! И ведь подумал про неё сначала, когда прибежал от Трупичкиной ни жив ни мертв, но и тут испугался: молода! А тем и нравится!»

Правду говорят, что зрелость влюбляется в молодость столь же легкомысленно, как молодость в красоту.

Как бы ни было всем неудобно, однако со среды до субботы эта проблема была положительно разрешена: Ольга Васильевна забрала вещи и ушла вмерзающими в жидкий снег каблуками в прежнюю одинокую жизнь, а где-то недельки этак через две радостно-взволнованный Игорь Николаевич привез на такси Катю с вещами, и поддавшись обуревающим чувствам, хлопотал вокруг неё, действительно излишней активностью напоминая пожилого папашу, заботящегося о дочурке.

На самом деле они уже расписались в райсполкоме, став законными мужем и женой. Белого платья, фаты и свадьбы Катя не захотела. Игорь Николаевич ей нравился, однако со школьного курса помнилась иллюстрация из учебника, картина какого-то русского художника «Неравный брак», где невеста молодая и в фате, а жених – плешивый старик в мундире. Нет, Игорь Николаевич вовсе не старик, но лучше не надо.

Ой, женщины, не сердитесь! Сами же говорите: любовь зла... да и чёртова шучка Трупичкина супостатскую руку к ситуации приложила.

Меж тем было и от Кати лекарство: жила бы дочь поблизости, да приходили к Игорю Николаевичу внуки ежедневно надоедать, вопросы разные задавали бестолковые по сто штук за час, в игры шумные играли, носясь по комнатам, и гулять бы он с ними ходил в парк, взявши за маленькие ручки, и смотрели бы они на него ясными чистыми глазами, хохотали бы громко и весело, то не нужна оказалась Катя. Прекрасно жил бы и с Ольгой Васильевной. А Ольга Васильевна интуитивно это чувствовала и старалась изо всех сил, но ... не успела.

Кстати сказать, Анька в гости к Денису так и не пришла и даже по телефону не позвонила, хотя он подробненько написал на бумажке: на какой остановке сходить, и чертёжик нарисовал. Целый месяц зря прождал, лежа на кровати в той единственной позе, которую рекомендовали занимать после операции, в которой придётся спать всю оставшуюся жизнь.

В конце концов не выдержал, сходил в мединститут, совершенно ничего не зная: ни на каком факультете учиться, ни в какой группе. Только курс известен. Простоял на крыльце несколько часов, смотрел-смотрел на входящих и выходящих студенток, пока в глазах не замельтешило. Ни с чем вернулся обратно.

Ещё через сколько-то дней напрямик в ректорат направился, спросить у секретаря про Сазонову Анну с третьего курса. Назвался её бывшим больным, который лежал в областной больнице, и та его замечательно перевязывала, а он забыл отблагодарить.

Секретарша раскосыми глазами похожая на кумушку-лису, ничуть не удивилась, предприняла серьёзные поиски в длинных списках. Не нашла. Проверила иные папки.

– Так её отчислили месяц назад... за... – пригнулась к бумаге, – аморальное поведение. – А вы, получается, тот самый и есть, из-за кого её отчислили? Помню, помню историю, – снова хитро прищурилась лисьими глазами.

– Всё неправда, – торопливо забормотал Денис, – не мылись мы в душе, это завотделением Трупичкина её мокрым халатом отстегала ни за что ни про что. Я же с сетчаткой оперированной лежал, подумайте сами, разве можно после операции отслойки мыться? Запрещено нам. До сих пор голову ни разу не мыл еще, боюсь в глаза попасть.

– Заметно, – примирительно сказала секретарша, – только у нас по отчислению из общежития сразу выселяют, так что ничем помочь не могу.

– Вы мне адрес скажите, а я как-нибудь туда схожу и узнаю.

Секретарша вздохнула, и написала адрес общежития очень понятным почерком.

Вернулся Денис домой довольный, закапался в оба глаза, лёг в позу. В общаге девчонки все равно расскажут, куда она съехала. Завтра сходит до общаги, прямо с утра, закапается и пойдёт. Транспортом пользоваться боялся – тряхнёт, не дай бог, и всё, придётся к Трупичкиной под скальпель с лазером проситься. Совсем слепым остаться страшно. Будешь тогда выпрашивать у щучки операцию: «Порежьте, Христа ради, чтобы хоть край чашки увидеть!» И тут зазвонил телефон. Денис с большим неудовольствием вышел из позы, снял трубку.

– Это из аптеки, – сказал голос Аньки, – больному Иванову гидрокортизон нужен?

– Нужен. Куда прийти и сколько стоит?

В их палате гидрокортизон, самое дефицитное лекарство, был только у ГэГэ, его врачи послеоперационникам не выписывали, в аптеках оно всё одно не продавалось, лишь на медскладах родственники по большому благу доставали. Доктора советовали: «Если можете найти гидрокортизон для лучшего заживления, настоятельно рекомендуем».

Для блата рецепт не требуется.

– Никуда ходить больному Иванову не надо. Лекарство доставим на дом, – в голосе прозвучала усмешка.

Лекарство она действительно принесла. Рассказала, что теперь работает в аптеке, комнату снимает с подружкой на пару рядом с работой, так что нормально устроилась, далеко ездить не надо.

– Интересно, – признался Денис, – как у нас здорово совпало. Верите-нет, я сегодня только что был в мединституте, вас искал.

– Зачем?

– Ну так, вообще. Из больницы вы уволились, в гости не пришли, не звоните, а узнать хочется, как живёте, вот и решил сходить. У нас с вами, по всей видимости, кармические оболочки пересекаются где-то. Только домой вернулся из института, вот и адрес общежития мне дали в ректорате, тут сразу вы и позвонили насчет гидрокортизона. Такие совпадения просто так не случаются.

Анька оглядела его внимательно.

– Руки чистые, а голова в ужасном состоянии. Бывшей медсестре-практикантке просто стыдно за санитарное состояние своего больного. Пора устроить небольшую головомойку.

– Вам секретарь сообщила? – догадался Денис.

– Нет, кармические оболочки пересекаются.

Р-раз!!! – и осияло всё кругом... и день сияет... и два...

Оно конечно, вечного счастья не бывает, спорить с этим трудно. Но, случается, и два дня наполняют душу на все оставшиеся годы тем ясным светом, который иные называют смыслом жизни, ищут его неустанно в научных статьях и дискуссиях, порою во власти, славе и богатстве, а многие даже в тяжелейшей борьбе за высокие идеалы справедливости, ищут-ищут, и не находят.